ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XX.

МОСКВА, 1805.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1805.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О привязанности старыхъ людей къ жизни.

Любовь ко благамъ міра и желаніе долго наслаждаться жизнію возрастаютъ въ равномъ отношеніи къ умноженію пріобрѣтаемаго богатства и къ числу лѣтъ, прожитыхъ въ свѣтѣ. Чѣмъ мы старѣе и богаче, тѣмъ болѣе хотимъ жить и набогащаться. Жадность скупаго не насыщается собраннымъ золотомъ такъ точно, какъ старика долговременною жизнію. Можетъ быть, не должно удивляться, что пожилые люди болѣе другихъ сребролюбивы; не должно удивляться, что съ уменьшеніемъ способовъ наживать деньги, возрастаетъ охота беречь пріобрѣтенное имѣніе. Пылкой юноша не пристрастенъ

къ деньгамъ, потому что вездѣ встрѣчаетъ средства доставать ихъ. Но отъ чего привязанность къ жизни и страхъ смерти усиливаются ежедневно? Это задача, еще не рѣшенная Моралистами. Несправедливо было бы изъяснять ее тѣмъ, что привычка къ жизни часъ отъ часу глубже укореняется, по мѣрѣ продолженія самой жизни. Старость влечетъ за собою столь многія непріятности, къ которымъ заблаговременно никто не сдѣлалъ привычки, что онѣ, какъ говоритъ Гете, лишаютъ бытіе наше всѣхъ удовольствій, изглаживаютъ въ насъ первыя сладостныя впечатлѣнія и — скажу словами Йонга — надѣляютъ насъ горестною способностію умереть (*).

Физіологическія изысканія Доктора Галя, кажется, лучше это объясняютъ. Сей неутомимый, глубокомысленный наблюдатель открылъ въ мозгу особливый *органъ привязанности къ жизни*, которой

(*) Не льзя не согласиться съ Вольтеромъ, которой сказалъ, что Цицеронъ, выхваляя старость, думалъ совсѣмъ противное. Мнѣ кажется, что Цицеронъ, защищая неправое дѣло съ такимъ искуствомъ, хотѣлъ только блеснуть своимъ талантомъ передъ Римскими Адвокатами. *Прим. Сост.*

начинаетъ дѣйствовать при наступленіи старости. Сіе наблюденіе, подтвержденное опытами, много разъ повторенными при вскрытіи череповъ, кажется, достаточно рѣшитъ предложенную задачу и объясняетъ, отъ чего пожилые люди почти никогда не отваживаются на самоубійство. Юноша прекращаетъ жизнь свою изъ омерзѣнія къ ней; старикъ любитъ жизнь, потому что упомянутый *органъ* созрѣлъ въ мозгу его и началъ дѣйствовать. . . . Не сообразно ли съ самимъ намѣреніемъ Провидѣнія открытіе Доктора Галя? Удовольствія молодости столь многочисленны и разнообразны, что, кромѣ необыкновенныхъ случаевъ, нѣтъ нужды помышлять о самоубійствѣ; *органъ привязанности къ жизни* тогда еще не дѣйствуетъ, потому что нѣтъ склонности, которой онъ могъ бы противуборствовать. Но въ старости, когда огорченія и непріятности сдѣлаютъ жизнь тяжкимъ бременемъ, человѣкъ побуждается многими причинами прекратить бытіе свое. Тогда приходитъ въ зрѣлость, укрѣпляется и дѣйствуетъ *органъ*, заставляющій насъ любить наше существованіе.

Выслушавъ мнѣніе Доктора Галя, теперь обратимъ вниманіе свое на его противника, или скажемъ безъ околичностей,

прочтемъ разсужденіе, къ сочиненію котораго предшедшій отрывокъ подалъ поводъ.

Прежде всего (говоритъ Профессоръ Якоби) надобно основательно доказать, въ самомъ ли дѣлѣ безпрестанно усиливающаяся привязанность къ жизни составляетъ отличительную черту всѣхъ стариковъ. Совершенно отвергать сего не можно; но точно ли черта сія есть столь общая, столь истинная, какою многіе почитаютъ ее? Не уже ли справедливо, будто любовь къ жизни несравненно сильнѣе въ старикахъ, нежели въ молодыхъ людяхъ? Не ошибаемся ли мы въ семъ заключеніи? По крайней мѣрѣ, я встрѣчаю здѣсь множество затрудненій.

Мнѣ кажется, что часто смѣшиваютъ страхъ смерти съ любовію къ жизни, а между тѣмъ и другимъ есть великая розница. Постараюсь объяснить это сравненіемъ, можетъ быть, слишкомъ простымъ. Одна дѣвушка, одолженная частію красоты своей прелестнымъ зубамъ, лучше согласится терпѣть жестокую боль, нежели позволитъ вырвать у себя зубъ; другая охотно бы пожертвовала больнымъ зубомъ своимъ, если бы не боялась самой минуты вырыванія. Равнымъ образомъ есть люди, которые страшатся смерти, потому что жизнь, сколько она

впрочемъ ни горестна, имъ всего на свѣтѣ милѣе; другіе согласились бы лишиться ее, когда бы не боялись ужасовъ послѣдняго издыханія и вѣчнаго мрака во гробѣ. Первые любятъ жизнь; послѣдніе страшатся смерти. Едва ли могу увѣрить себя, что боязнь смерти сильнѣе дѣйствуетъ на стариковъ, и еще на всѣхъ безъ исключенія, нежели на юношей. Развѣ не видимъ, что Поэты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ жалуются на необходимость смерти? развѣ не видимъ, что во всѣхъ языкахъ старались смягчить слова, означающія разрушеніе? Съ какимъ тщаніемъ Греческіе и Римскіе Артисты, изображая смерть, избѣгали непріятныхъ выраженій! Поэты, Моралисты и нынѣ съ тѣмъ же тщаніемъ заимствуютъ у воображенія и ума всѣ возможныя пособія для услажденія сей горестной необходимости; они по большей части пишутъ во цвѣтѣ юности или въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и рѣдко слова ихъ относятся къ старцамъ, стоящимъ на краю могилы, но почти всегда къ молодымъ людямъ, наслаждающимся всѣми пріятностями, всѣми удовольствіями жизни. Прибавьте еще одно обстоятельство: какое удивленіе возбуждаетъ къ себѣ молодой человѣкъ, равнодушно смотрящій на смерть неизбѣжную! Никогда

не забуду произшествія, которое сильно впечатлѣлось въ моей памяти во время моего младенчества. Одинъ молодой путешественникъ по несчастію былъ смертно раненъ опрокинувшеюся на дорогѣ каретою. Его принесли въ домъ крестьянина. „Хижина моя весьма тѣсна для васъ,“ сказалъ хозяинъ. — „Довольно просторна для того, чтобы умереть въ ней,“ отвѣчалъ путешественникъ, и въ тужъ минуту скончался. Слухъ о семъ отвѣтѣ разпространился по всей области, и всѣ признавались, что никто не надѣялся бы слышать его изъ устъ такого молодаго человѣка. Я видѣлъ многихъ юношей, которые лишались всей своей бодрости на одрѣ смерти и усильно боролись съ судьбою; видѣлъ напротивъ того и стариковъ, съ удивительнымъ равнодушіемъ приготовлявшихся къ отшествію изъ сего свѣта, и распоряжавшихъ домашнія дѣла свои съ такимъ спокойствіемъ духа, какъ будто они намѣрены были разстаться съ семействомъ на самое короткое время.

Я думаю, что называемая вами *привязанность къ жизни*, также какъ и страхъ смерти, съ нѣкоторыми неважными отмѣнами, на каждой возрастъ одинаково дѣйствуютъ. Старинная пословица говоритъ: *возьми все, только оставь меня*

жизлго. По вашему мнѣнію невыгоды старости дѣлаютъ жизнь столь тягостною, что не льзя было бы сносить ее безъ внутренняго побужденія, заставляющаго насъ хранить бытіе наше. Я думаю, что то же самое сказать можно вообще о каждомъ возрастѣ. Мы не одинъ уже разъ слышали слѣдующую истину: „Творецъ, чтобы привязать насъ къ бѣдственной жизни, одарилъ нашу душу неопредолимымъ желаніемъ хранить бытіе свое въ сей жизни.“ Но сіе желаніе, сіе побужденіе развѣ менѣе нужно молодому человѣку, нежели пожилому? Я готовъ сказать, что для перваго оно гораздо потребнѣе. Представьте себѣ старика, живущаго въ изобиліи и подверженнаго только однимъ неудобствамъ своего возраста; сравните съ нимъ молодаго и здороваго невольника, работающаго день и ночь для безчеловѣчнаго господина, который притѣсняетъ его и мучитъ. Не уже ли вамъ кажется завидною доля изуродованнаго бѣдняка, которой на костыляхъ тащится по улицѣ, чтобы выпросить кусокъ хлѣба, для продолженія болѣзненной жизни своей, между тѣмъ, какъ другіе собратія его по крайней мѣрѣ наслаждаются удовольствіями здоровья и молодости? Посмотрите на роскошнаго сластолюбца, разорившагося

отъ непомѣрныхъ издержекъ, но не потерявшаго ни охоты къ распутству, ни воспоминанія о прежнихъ забавахъ своихъ; сіе воспоминаніе мучитъ его, и ничто не утѣшаетъ его въ жизни, потому что совѣсть терзаетъ его душу.... Но за чѣмъ продолжать изчисленіе такихъ примѣровъ? Каждой знаетъ, что ихъ можно найти великое множество.

Сіи разсужденія заставляютъ меня сдѣлать слѣдующее заключеніе: Не принимая большей части старикомъ ни сильнаго страха смерти, ни чрезмѣрной привязанности къ жизни, остается сказать только, что въ пожилыхъ людяхъ чаще обнаруживается чувство сіе и съ большею силою, нежели въ юношахъ. Не трудно понять тому причину.

Человѣкъ чѣмъ болѣе стареется, тѣмъ болѣе увѣряется въ приближеніи смерти. Уменьшеніе силъ, притупленіе чувствъ, потеряніе друзей — все напоминаетъ ему о близкомъ разрушеніи. Тогда онъ чувствуетъ свое одиночество и удаленіе отъ свѣта; тогда онъ нѣкоторымъ образомъ предварительно живетъ во мракѣ гроба; тогда умъ его, твердый и постоянный, останавливается надъ однимъ предметомъ и углубляется въ размышленія. Частыя болѣзни напоминаютъ старику

слабость его сложенія, которое отъ одного удара готово разсыпаться. Напротивъ того молодой человѣкъ видитъ смерть въ дальнемъ отъ себя разстояніи. Положимъ, на примѣръ, что онъ, живучи въ разсѣяніи и удовольствіяхъ, питаясь сладостными надеждами и лестными предположеніями, получаетъ письмо съ черною печатью, или смотритъ на кладбище, или читаетъ плачевную Элегію; это напомнитъ ему только общій законъ Природы и сдѣлаетъ въ его душѣ слабое впечатлѣніе, которое, смѣшавшись съ другими, родитъ пріятную задумчивость, немедленно изчезающую. Во цвѣтѣ лѣтъ человѣкъ наслаждается жизнію такъ точно, какъ здоровый наслаждается своимъ здоровьемъ, то есть, онъ не думаетъ о немъ. Старикъ подобенъ больному, которой заботится о состояніи своего здоровья. Но если человѣкъ молодой и здоровой страдаетъ отъ жестокаго кашля, если пожирающая чахотка заставляетъ его помышлять о приближающейся смерти; тогда онъ станетъ заботиться о сохраненіи жизни своей съ такимъ же безпокойствомъ, съ какимъ старые люди; тогда онъ станетъ замѣчать біеніе жилы и цвѣтъ лица; въ глазахъ друзей своихъ, въ чертахъ Врача будетъ искать отвѣта, чего должно ему

надѣяться или страшиться. Прежде, идучи подлѣ могилы, покрытой розами, онъ видѣлъ только одни цвѣты; теперь свѣжая роза на головѣ красавицы напоминаетъ ему о гробѣ. Слѣдственно боязнь смерти зависитъ не отъ возраста, но отъ мысли о приближенїи кончины. Старикъ и юноша смотрятъ на смерть изъ одной точки, и ощущаютъ равныя впечатлѣнія.

Я согласенъ, что привязанность къ жизни весьма часто усиливается въ старыхъ лѣтахъ; но причины тому не стану искать въ особливомъ органѣ мозга, не смотря на то, что имѣю великое уваженїе къ прочимъ открытїямъ Доктора Галя. Если бы его изъясненїе было правильно, то всѣ старики равно были бы привязаны къ жизни; напротивъ того выходитъ, что сїя привязанность бываетъ въ нихъ иногда сильнѣе, иногда слабѣе, по мѣрѣ ихъ здоровья, достатка и тысячи другихъ причинъ физическихъ или моральныхъ. Въ семъ отношенїи великая примѣчается розница между простолюдинами и особами просвѣщенныхъ сословїй, и еще большая розница между жителями городскими и поселянами. Сїи послѣднїе, доживъ до старыхъ лѣтъ, обыкновенно съ равнодушїемъ смотрятъ на приближенїе смерти. Одинъ крестьянинъ, сосѣдъ мой, послалъ за Свя-

щенникомъ, для пріуготовленія себя по долгу Христіанскому къ разлученію съ здѣшнимъ свѣтомъ. Духовникъ является и спрашиваетъ, гдѣ больной? „Вотъ онъ!“ отвѣчаетъ старикъ, которой, сидя вмѣстѣ съ прочими, очищалъ земляныя яблоки: „я всегда думалъ, что надобно трудиться до самой смерти; теперь чувствую, что конецъ мой приближается.“ Сказавъ сіе, онъ выслушалъ наставленіе Священника и менѣе нежели черезъ часъ — скончался. Не должно удивляться, что люди, упражняющіеся въ воздѣлываніи земли, лучше другихъ приготовляются къ возвращенію въ ея нѣдра; не должно удивляться, что они, имѣя передъ глазами примѣры разрушенія, видя, какъ старыя дерева и растенія умираютъ, безъ роптанія покоряются общему закону Природы. Теперь прошу объяснить, какимъ образомъ это случается, если въ самомъ дѣлѣ особливый *органъ*, созрѣвающій въ извѣстный возрастъ, физически заставляетъ насъ болѣе и болѣе любить жизнь, по мѣрѣ умноженія лѣтъ нашихъ?

Рѣдкіе примѣры самоубійства между стариками также не доказываютъ истины въ предположеніи Доктора Галя: ибо можно возразить, что въ старости человѣкъ не имѣетъ такихъ побудительныхъ при-

чинъ отваживаться на сіе ужасное дѣло, какія имѣетъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ. Старика не безпокоятъ ни бурныя страсти, ни отважныя намѣренія, ни неудачи въ предпріятіяхъ, ни оскорбленное честолюбіе. Можно ли удивляться, что онъ терпѣливо сноситъ злоключенія, предвидя скорое освобожденіе, а особливо надѣясь за гробомъ предстать предъ лице Судіи праведнаго? Мы видимъ, что осужденные на изгнаніе спокойно переплываютъ черезъ рѣку, за которою ожидаетъ ихъ неволя и труды, и не рѣшаются однимъ скачкомъ въ воду предупредить угрожающія бѣдствія. Что я говорю? Мы видимъ молодыхъ воиновъ, которые терпятъ наказаніе за преступленія и переживаютъ стыдъ свой и поношеніе. Не смотря на то, въ мозгу ихъ находили только легкіе признаки *органа привязанности къ жизни.*

Вмѣсто того, чтобы принять мнѣніе Доктора Галя, лучше соглашусь съ изъясненіемъ, приписывающимъ возрастающую любовь къ жизни пріобрѣтенному навыку жить. Шульцъ въ своихъ Афоризмахъ приводитъ слѣдующее мѣсто, взятое изъ одного Французскаго Автора: „Молодой человѣкъ не коротко знакомъ съ жизнію; она нравится ему, забавляетъ его, но не привязываетъ къ себѣ крѣпкими узами; ему

не много стоитъ труда проститься съ нею. Напротивъ того человѣкъ, достигшій до извѣстнаго возраста, почитаетъ жизнь старинными своимъ другомъ; онъ не находитъ въ ней ничего забавнаго, но любитъ ее, боится потерять ее." Признаюсь, что сіе изъясненіе не весьма удовлетворительно; однакожъ не льзя оспорить, что вещи, даже бездушныя, становятся тѣмъ болѣе любезными намъ, чѣмъ давнѣе владѣемъ ими. Намъ пріятно думать, что онѣ были свидѣтелями разныхъ приключеній, которыя мы испытали; пріятно думать, что онѣ дѣлили наши радости и наши печали: онѣ напоминаютъ намъ множество обстоятельствъ, любезныхъ сердцу. Привязанность къ вещамъ, къ которымъ мы привыкли, и которыя, такъ сказать, къ намъ привыкли, не можетъ быть удѣломъ пылкаго юноши; его живое воображеніе любитъ новости и быстро переленаетъ отъ одного предмета къ другому. Для старика несносны перемѣны; онъ никакъ не захочетъ разстаться съ древними, почти развалившимися, креслами, на которыхъ просидѣлъ большую половину своей жизни. Одинъ пожилой человѣкъ съ трудомъ согласился промѣнять старые часы свои грубой работы и только съ одною стрѣлкою на другіе часы новые

съ прекрасною доскою, на которой показываемы были даже секунды.

Гете говоритъ, что склонности и навыки по мѣрѣ умноженія лѣтъ теряютъ для насъ большую часть своихъ прелестей. Не смотря на то, мы видимъ, что добрый дядя Тобій съ вѣрнымъ своимъ Тримомъ строили въ саду батареи; извѣстно также, что одинъ Нѣмецкій Князь, пристрастный къ охотѣ, не задолго передъ кончиною велѣлъ принести къ себѣ живаго зайца, и вкусилъ въ послѣдній разъ удовольствіе — застрѣлить изъ ружья бѣдное животное.

Слѣдующее мнѣніе нахожу я весьма справедливымъ: старики любятъ жизнь, потому что имъ остается не много времени жить на свѣтѣ. Гольдсмитъ хорошо зналъ человѣческое сердце и судилъ о немъ очень правильно; онъ говоритъ въ одномъ своемъ сочиненіи: „Я всегда хотѣлъ поселиться въ сей смиренной хижинѣ, хотѣлъ провести въ ней послѣдніе часы моей жизни, съ бережливостію пользоваться лучами ея свѣта и огонь ея сохранить въ тишинѣ и спокойствіи.“ Вотъ другое мѣсто изъ Монтаня, прилѣжнаго наблюдателя собственнаго своего сердца; упомянувъ о способахъ наслаждаться жизнію, онъ говоритъ далѣе: „Примѣтивъ

краткость жизни моей; хочу дѣятельностїю продлить ее; хочу быстроту времени остановить готовностїю имъ пользоваться; хочу стремительность его удержать поспѣшностїю ловить его. Чѣмъ менѣе жить мнѣ остается, тѣмъ болѣе долженствую стараться остатокъ сей наполнить количествомъ дѣянїй."

Мы такъ сотворены, что изобилїе становится для насъ неважнымъ; не прежде умѣемъ цѣнить благо, которымъ наслаждаемся, какъ уже въ то время, когда его теряемъ. При концѣ осени мы ловимъ прекрасные дни, чтобы ими наслаждаться. Съ какою заботливостїю бережемъ немногїя оставшїяся деревья, когда прочїя уже погибли отъ стужи, или отъ засухи!

Еще одну изъ главнѣйшихъ причинъ, заставляющихъ стариковъ любить жизнь, нахожу въ истинѣ, всѣмъ извѣстной, что намъ обыкновенно кажутся милѣе тѣ вещи, которыхъ опасаемся лишиться. Сїя боязнь возвышаетъ цѣну и достоинство предметовъ. Больной другъ намъ любезнѣе; мѣсто, которое мы должны оставить, представляетъ намъ новыя прїятности; человѣкъ, которому грозитъ слѣпота, въ дневномъ свѣтѣ находитъ удо-

вольствія, до тѣхъ поръ ему неизвѣстныя.

Теперь представьте себѣ множество такихъ людей, которые провели лучшіе годы въ безпрестанныхъ заботахъ, для того, чтобы въ старости наслаждаться плодами трудовъ своихъ; представьте себѣ множество такихъ, которые при сѣдыхъ волосахъ вымышляютъ новые планы, питаютъ себя новыми надеждами, всегдашними спутницами нашими до самой могилы; — и вы увидите, что обстоятельство, о которомъ идетъ дѣло, не имѣетъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго. Отецъ хочетъ собрать богатство для дѣтей своихъ; дѣдъ хочетъ дождаться, пока выростутъ его внуки; каждой строитъ и насаждаетъ для того, чтобы имѣть удовольствіе взглянуть на великолѣпіе дома или сада, которымъ любовался въ своемъ воображеніи. Есть много такихъ старичковъ, которые на осмидесятомъ году еще желаютъ новыхъ почестей, новыхъ пріобрѣтеній. Одинъ чиновный человѣкъ, въ Даніи, всю жизнь свою добивался получить орденъ Слона, и получилъ его, лежа на одрѣ смерти. Онъ приказалъ сей знакъ отличія повѣсить подлѣ своей постели и любовался имъ до послѣдняго своего издыханія.

Многимъ молодымъ людямъ привязанность стариковъ къ жизни кажется неизъяснимою; это происходитъ отъ того, что они о чувствахъ людей пожилыхъ судятъ по собственнымъ склонностямъ и чувствамъ; старость имъ кажется болѣе несчастною, нежели какою она есть въ самомъ дѣлѣ. Извѣстный Мезеръ не хотѣлъ почитать старикомъ человѣка, достигшаго до шестидесяти-лѣтняго возраста; мои шестьдесятъ два года по крайней мѣрѣ даютъ мнѣ право предсказать о тѣхъ, которыя доживать остается, не упоминая объ особливыхъ случаяхъ, свойственныхъ каждому возрасту. . . . Но я не написалъ бы еще и половины моего письма, естьлибъ захотѣлъ изчислять здѣсь всѣ удовольствія, всѣ наслажденія, ожидающія людей въ престарѣлыхъ лѣтахъ. И смѣю ли послѣ Цицерона писать похвальное слово старости? Положимъ, что мнѣ и удалось бы успѣть въ семъ дѣлѣ; но легко можетъ статься, что вы и меня упрекали бы въ нечистосердечіи, какъ упрекаете Цицерона.

(Изъ Утен. Арх.)

II.

Мщеніе. Историческая повѣсть А. Лафонтена.

(Окончаніе.)

Огорченная Мелисса, не могши умолить непреклоннаго своего брата, съ печальнымъ предчувствіемъ въ душѣ возвратилась въ Коринѳъ и донесла родителю о неудачномъ исполненіи его препорученія. Она всячески старалась извинить брата и непреклонность его приписывала болѣе страху, нежели ненависти. Такимъ образомъ Періандеръ не терялъ надежды къ примиренію. Мелисса, подобно благотворному Генію, смягчала дикія чувства мщенія и гордости, въ сердцахъ сына и родителя гнѣздящіяся.

Скипетръ Коринѳскій былъ слишкомъ тяжелъ для слабаго старца, которой видѣлъ, что для поддержанія онаго потребна рука крѣпкаго юноши. Старшій сынъ Періандеровъ былъ неспособенъ управлять Государствомъ. Обладатель Коринѳа чувствовалъ, сколь нужно вмѣстѣ съ возведеніемъ на престолъ новаго Государя оживить подданныхъ надеждою лучшаго правленія. Старцы Коринѳскіе ненавидѣли Періандера; взрослые юноши переставали бояться его. Онъ зналъ, что огонь воз-

мущенія таится подъ пепломъ, и введеніе перемѣны почиталъ необходимымъ.

Въ семъ намѣреніи онъ торжественно отправилъ Герольда въ Корциру къ своему сыну съ предложеніемъ возвратиться въ Коринѳъ и вступить въ управленіе Государствомъ; сверхъ того Періандеръ велѣлъ объявить ему, что онъ самъ намѣренъ удалиться въ Корциру и довольствоваться обладаніемъ сего острова. Честолюбивый Ликофронъ согласился на сіе предложеніе. Скоро жители Корциры узнали о семъ произшествіи и боялись подпасть игу Тирана. Народъ собрался передъ сельскимъ домомъ, жилищемъ Ликофрона; всѣ трепетали отъ ужаса, помышляя о жестокости Періандера, и заклинали сына его примириться съ отцемъ своимъ, заклинали именемъ благодарности къ Корцирѣ, которой онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. „Мы дали тебѣ покровъ и защиту, съ жаромъ говорилъ Агатонъ Ликофрону, взявъ его за руку: а ты хочешь насъ сдѣлать жертвою его жестокости. И для чего? для того, чтобы не нарушить клятвеннаго обѣщанія — питать вѣчную вражду къ своему родителю. Клятва недостойная сына добраго и чувствительнаго!“

„Я поклялся передъ богами и долженъ исполнить обѣтъ свой!“ сказалъ Ликофронъ суровымъ голосомъ.

Хорошо! исполняй свою клятву и готовься терпѣть слѣдствія твоего неразумія!.. Ликофронъ! отрекись отъ обладанія Коринѳомъ! Не уже ли друзья твои должны терпѣть наказаніе за то, что ты въ припадкѣ изступленія произнесъ нелѣпую клятву? Доброй юноша! ты часто не одобрялъ поступковъ твоего отца, которой, обѣщавшись принести въ даръ богамъ золотую статую, чтобы не нарушить своей клятвы, приказалъ отнять у Коринѳянокъ ихъ уборы. Ты самъ не то же ли дѣлаешь? Отрекись отъ престола и живи здѣсь въ объятіяхъ благодарности и дружбы.

„Не могу. Я далъ слово Періандеру.“

Агатонъ, отворивъ дверь, впустилъ знаменитѣйшихъ Корцирянъ во храмину, и вмѣстѣ съ ними возобновилъ свои прозьбы. Ничто не могло тронуть честолюбиваго Ликофрона. „Чѣмъ вы одолжены своему отечеству, тѣмъ я обязанъ Коринѳу. Онъ далъ мнѣ бытіе.“ — Развѣ Корцира не можетъ быть твоимъ отечествомъ? сказалъ одинъ изъ островитянъ: чѣмъ ты обязанъ Коринѳу? — „Всѣмъ.“ — Всѣмъ? Хорошо! знай же, что и я всѣмъ обязанъ

всему отечеству, и я люблю его и ничѣмъ не подорожу для его избавленія! Ликофронъ! оставь свое намѣреніе! заклинаю тебя именемъ безопасности, которою ты наслаждался, живучи между нами! — „Не могу! ѣду въ Коринѳъ," отвѣчалъ Ликофронъ равнодушно. — Нѣтъ! ты не поѣдешь! вскричалъ разъяренный житель Корциры. Кинжалъ блеснулъ въ рукѣ его и скрылся — въ груди Ликофроновой.

Онъ упалъ на руки Агапона, которой перенесъ его на постелю. Толпа удалилась. Врачь объявилъ о приближеніи смерти. Ликофронъ дрожащею рукою написалъ къ своему отцу слѣдующія слова: „Я умираю. Родитель мой! даруй прощеніе своему сыну. Я былъ неумолимъ; боги наказали меня. Родитель мой! ты человѣкъ! не мсти Корцирянамъ за смерть мою и сдѣлай сестру мою счастливою. Прости."

Вручивъ доску своему другу и сказавъ ему: „обними вмѣсто меня Мелиссу!" Ликофронъ скончался.

Герольдъ поспѣшно возвратился въ Коринѳъ съ печальнымъ извѣстіемъ. Ярость и мщеніе закипѣли въ душѣ Періандера, когда онъ прочелъ послѣднія строки, начертанныя рукою несчастнаго сына. Онъ приказалъ немедленно изготовить флотъ для отплытія въ Корциру и опредѣлилъ

разорить до основанія сей островъ. Желая утвердить власть свою въ Коринѳѣ на основаніи прочномъ, онъ призвалъ къ себѣ Амфіона и съ нимъ вмѣстѣ пошелъ въ комнату своей дочери, которая оплакивала смерть брата. „Вотъ жена твоя!“ сказалъ онъ Амфіону, ухвативъ Мелиссу за руку. Она бросилась къ ногамъ отца своего, и обнимая колѣна его, просила не дѣлать ей принужденія. „Я поклялась Агатону въ вѣрности до самой смерти.“ — А я клянусь въ томъ, что онъ погибнетъ! грозно вскричалъ Періандеръ.

Медонъ осмѣлился указать ему на послѣднія слова, написанныя Ликофрономъ: *сдѣлай сестру мою счастливою*, и примолвилъ: „Періандеръ! Боги караютъ преступниковъ.“ — Разъяренный Періандеръ бросилъ доску на землю, подошелъ къ олтарю боговъ и вскричалъ: „Душа моя требуетъ мщенія; клянусь передъ богами исполнить свое желаніе! Мелисса должна или умереть, или дать руку Амфіону. Назначаю срокъ до вечера; нынѣшняя ночь освѣтится пламенниками Гимена, или — смерти.“ Проговоря слова сіи, онъ оставилъ Мелиссу.

Несчастная предалась отчаянію. Ужасной вечеръ приближался; брачныя приготовленія оканчивались. Мелисса почти въ

безпамятствѣ ходила по саду, и очутилась, сама не зная какъ, на тэмъ мѣстѣ, гдѣ прежде Ликофрэнъ лежалъ разпростертый на землѣ, бывъ изгнаннымъ изъ родительскаго дома. Она склонила голову на камень, служившій брату ея для тогожъ употребленія, и ожидала смерти. Шумъ воиновъ, идущихъ къ пристани, пробудилъ ее отъ безчувственности. Она ободрилась, ощутила въ себѣ нѣсколько силы, пошла въ слѣдъ за воинами, около полуночи достигла до пристани, и замѣшавшись въ толпѣ купцовъ, взошла на корабль. На другой уже день находившіеся на кораблѣ узнали, что она не принадлежитъ къ ихъ обществу. Меллисса объявила себя подъ другимъ именемъ, и благополучно прибыла въ Самосъ.

Ярость Періандера усугубилась, когда онъ увѣдомился о бѣгствѣ Мелиссы. Онъ приказалъ искать ее въ Коринѳѣ и въ окрестностяхъ города. Между утесами перешейка нашли мертвое тѣло неизвѣстной дѣвушки, которую невольники сочли за Мелиссу. Трупъ зарыли въ землю и донесли отцу о печальномъ произшествіи. Огорченный Періандеръ съ болѣзненною улыбкою сказалъ старому Медону, поднявъ вверхъ руки: „Вотъ бла-

гость боговъ твоихъ! вотъ справедливость ихъ!"

„И ты смѣешь жаловаться на боговъ!" спокойно отвѣчалъ Медонъ. „Не для того ли Корциряне умертвили твоего сына, что боялись твоей жестокости? не отъ того ли Мелисса скрылась, что ты хотѣлъ принудить ее дать руку злодѣю? Еще ли не видишь, что гордость твоя, честолюбіе и мстительность виною твоего несчастія?"

„Немедленно отправлюсь въ Корциру!" вскричалъ Періандеръ, одержимый дикимъ неистовствомъ. „У меня еще одинъ сынъ остался!" — Въ самомъ дѣлѣ онъ поспѣшно отплылъ со многочисленнымъ своимъ флотомъ. Корциряне поблѣднѣли отъ ужаса, увидѣвъ войско Періандера, выходившее на островъ. Едва успѣлъ онъ ступить на землю, какъ вдругъ приплывшій на легкомъ суднѣ вѣстникъ объявилъ ему, что жители Коринѳскіе умертвили старшаго его сына. Слезы блеснули въ глазахъ свирѣпаго тирана; онъ покрылъ одеждою лице свое и долгое время стоялъ неподвижно. Желчь злости разливалась по всѣмъ его членамъ въ то время, когда ему надлежало бы вспомнить о бѣдственномъ своемъ состояніи. „Бездѣтный! осиротѣвшій!" вскричалъ онъ ди-

кимъ голосомъ: „какая нужда! я еще имѣю способы удовлетворить мое мщеніе!“ и въ тужъ минуту отдалъ войску нужныя повелѣнія.

Ввечеру воины привели къ шатру Періандера триста взрослыхъ юношей и мальчиковъ, дѣтей знаменитѣйшихъ гражданъ Корциры; всѣ они были связаны, подобно преступникамъ. Отцы, матери, сестры и невѣсты несчастныхъ жертвъ толпились передъ ставкою и молили тирана даровать жизнь невиннымъ. Плѣники поднимали къ небу обремененныя цѣпями руки свои и наполняли воздухъ громкими восклицаніями. Даже воины, привыкшіе къ кровопролитіямъ, смягчились, смотря на плачевное позорище, и значительными взорами старались склонить Періандера къ состраданію. Только одинъ юноша хранилъ глубокое молчаніе; глаза его устремлены были въ землю; съ спокойнымъ равнодушіемъ онъ иногда взглядывалъ на сверкающіе мечи въ рукахъ окружающихъ воиновъ, иногда на свои оковы.

Юноша сей былъ — Агатонъ, любимецъ Мелиссы. Получивъ ложное извѣстіе объ ея смерти, онъ не желалъ остаться на свѣтѣ и спокойно ожидалъ мановенія, которое долженствовало рѣшить судьбу его. Но Періандеръ долго не давалъ

знака и смотрѣлъ на несчастныхъ; наконецъ произнесъ голосомъ насмѣшливымъ: „Дарую вамъ жизнь! боги да будутъ свидѣтелями моего обѣщанія!“ Раздались радостныя восклицанія. „Удержите стремленіе вашихъ восторговъ! вы дерзаете веселиться тогда, когда осиротѣвшій Періандеръ проливаетъ слезы? Поликратъ! повелѣваю тебѣ отвести ихъ въ Сарды къ Царю Аліатту, и продать въ неволю. Жизнь твоя и счастіе зависятъ отъ исполненія сего препорученія. Ступайте на корабль!“ Тутъ поднялись со всѣхъ сторонъ рыданія. Родители оплакивали несчастныхъ дѣтей своихъ; невѣсты сокрушались о участи своихъ любезныхъ. Между тѣмъ воины отвели молодыхъ Корцирянъ на корабли, которые немедленно отправились въ путь свой.

Періандеръ возвратился въ Коринѳъ. Море было тихо, когда Поликратъ, безчеловѣчный исполнитель приказанія жестокаго тирана, поплылъ въ Азію. Попутной западной вѣтеръ надувалъ паруса; казалось, что все споспѣшествуетъ къ совершенію намѣренія Періандера. Уже плаватели минули Циклады; уже въ одно ясное утро показался берегъ Лидіи и златоверхій храмъ Діаны въ Ефесѣ. Плѣнники трепетали отъ страха, когда веселые

матросы поздравляли другъ друга съ приближенїемъ къ берегамъ Азїи. Вдругъ подулъ сѣверной вѣтеръ; море закипѣло; горизонтъ покрылся тучами. Буря понесла корабль къ югу. Матросы кричали: „мѣль!“ и старались удалить корабль отъ подводныхъ гранитовъ. Буря часъ отъ часу усиливалась и гнала корабль къ берегу. Мачта переломилась, парусы изорвались; не смотря на то, съ крайнимъ старанїемъ плаватели успѣли завести судно въ безопасный заливъ. Вышедъ на берегъ, они узнали, что находятся на островѣ Самосѣ.

Путешественники немедленно разкинули шатры на берегу моря. Поликратъ, приказавъ окружить плѣнниковъ стражею и смотрѣть, чтобъ они не разбѣжались, пошелъ въ близь находившїйся храмъ Дїаны, для принесенїя жертвы богинѣ. Агатонъ, обремененный тоскою и размышленїями о смерти, съ поникшими взорами ходилъ по берегу, безъ цѣли и намѣренїя. Случаю было угодно завести его въ густую рощу. Надобно быть самимъ Агатономъ, чтобы понять, сколь велико было его удивленїе, когда онъ услышалъ любезный голосъ, произнесшїй его имя, и въ тужъ минуту очутился въ объятїяхъ — чьихъ? Мелиссы, обожае-

ной Мелиссы, которую онъ почиталъ давно умершею! Какая радость! „Не уже ли это ты въ самомъ дѣлѣ?“ вскричалъ изумленный Агатонъ, всматриваясь въ блѣдное лице Мелиссы, стоящей передъ нимъ въ длинной, бѣлой одеждѣ. „Не уже ли это ты, другъ души моей?“ повторилъ онъ, протирая глаза свои и стараясь выдти изъ очаровательнаго изступленія. „Но твое тѣло найдено среди утесовъ на Коринѳскомъ перешейкѣ! Мелисса! такъ! я тебя вижу; но, увы! въ послѣдній разъ! Я жертва разгнѣванной судьбы. Скоро насъ разлучатъ навѣки, и я погибну!“ — Нѣтъ, Агатонъ! отвѣчала Мелисса, прижимая его къ пламенному своему сердцу: нѣтъ! ты не погибнешь! я спасу тебя. — Юноша видѣлъ невозможность избавиться отъ рукъ мучительскихъ, и склонивъ печальную голову на грудь любезной, произнесъ послѣ короткаго молчанія: „Я былъ бы счастливъ, Мелисса! если бы могъ въ сію минуту умереть здѣсь, въ твоихъ объятіяхъ.“ — Умереть? въ то время, когда боги соединяютъ насъ послѣ долговременной разлуки? — Тутъ Агатонъ разсказалъ ей несчастныя свои приключенія и то, чѣмъ судьба угрожаетъ ему въ будущемъ. „Теперь не видишь ли,“ продолжалъ онъ: „что

одно счастїе осталось для меня въ жизни — умереть на груди твоей?“ Въ ту минуту раздался въ рощѣ звукъ трубный. „Слышишь ли? намъ должно разлучиться; этотъ знакъ зоветъ плѣнниковъ на корабль. Мелисса! говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, указывая на кинжалъ, висѣвшїй подлѣ ея бока: „прекрати мои несчастїя!“ — Нѣтъ! отвѣчала Мелисса рѣшительно: ты не умрешь. Агатонъ! ты и всѣ товарищи твои должны вбѣжать въ храмъ Дїаны и ухватиться за статуи богини.' Законъ храма, священный и ненарушимый, запрещаетъ отвлекать отъ статуи тѣхъ людей, которые къ ней прикасаются. Не теряйте времени. Между тѣмъ я постараюсь увѣдомить о семъ здѣшнихъ гражданъ, живущихъ въ окрестности храма. — Сказавъ сїе, она обняла своего друга и отправилась въ городъ.

Агатонъ, возвратясь на берегъ къ своимъ товарищамъ, сказалъ имъ: „Друзья! намъ есть средство спастись. Время дорого; ступайте за мною, и дѣлайте то, что я дѣлать буду.“ — Толпа плѣнниковъ, слѣдуя за своимъ путеводителемъ, приближилась ко храму Дїаны. Тогда Агатонъ закричалъ громко: „Товарищи! во храмъ, вмѣстѣ со мною! ухвати-

тесь за статую богини!“ Взрослые и мальчики бросились во внутренность храма, окружили олтарь Діаны и просили ея покровительства.

Воины Коринѳскіе приведены были въ крайнее замѣшательство. „Ступайте на корабль!“ они кричали плѣннымъ. — Не слушаемъ васъ! отвѣчалъ Агатонъ: мы здѣсь безопасны подъ покровомъ великой богини. — Два воина, вскочивъ на ступени, хотѣли отпащить Агатона. Главный жрецъ закричалъ на нихъ грознымъ голосомъ: „прочь! или вы погибнете!“ и воины принуждены были удалиться. „Кто вы?“ спросилъ жрецъ юношей. — Мы плѣнники, отвѣчалъ Агатонъ: и просимъ покрова богини. — Тогда жрецъ, возшедъ на ступень жертвенника, сказалъ приближившемуся Поликрату: „они свободны! никто да не смѣетъ прикасаться къ нимъ во храмѣ и въ окружности храма. Нарушитель подвергается смерти.“ Коринѳяне съ ужасомъ отступили назадъ, а жрецъ произнесъ торжественное проклятіе на того, кто дерзнетъ оскорблять покровительствуемыхъ Діаною.

Поликрату оставалось окружить храмъ воинами и ожидать, пока голодъ заставитъ плѣнниковъ выдти изъ своего убѣжища. Но любовь одержала

вѣрхъ надъ жестокостїю. Въ слѣдующее утро появились два хора поющихъ дѣвицъ и юношей, которые, спускаясь съ холма, приближались ко храму. Мелисса управляла хоромъ подругъ своихъ. Она разсказала гражданамъ Самосскимъ о плачевномъ жребїи несчастныхъ плѣнниковъ. Ея слова, ея прозьбы одушевлялись любовїю, и сердца Самоссцевъ тронуты были чувствомъ состраданїя; но никто не смѣлъ навлечь на себя гнѣвъ Перїандера. Мелисса выдумала нѣкоторую хитрость. Хоры дѣвицъ и юношей, одѣтыхъ въ торжественныя платья, имѣя на головахъ цвѣты, вплетенные въ волосы и корзины съ сѣменами и медомъ, а въ рукахъ жертвенные сосуды съ молокомъ, подходили ко храму. „Какое празднество вы нынѣ торжествуете?“ спросилъ Поликратъ съ безпокойствомъ. — Праздникъ любви спасительницы! отвѣчала Мелисса, вводя оба хора въ преддверїе храма. Агапонъ узналъ свою любезную и тотчасъ отгадалъ ея намѣренїе. „Друзья!“ закричалъ онъ къ своимъ товарищамъ: „мы голодны!“ и мгновенно съ притворною наглостїю вырвалъ изъ рукъ Мелиссы жертвенной сосудъ и корзину; между тѣмъ другїе Корцирянне отнимали съѣстные припасы у Самосскихъ дѣвицъ и юношей. „Убѣжимъ! убѣ-

жимъ!“ кричали послѣдніе, съ поспѣшностію выходя изъ храма.

На другой день по утру снова начался праздникъ, и опять кончился подобнымъ произшествіемъ. „Долго ли будете торжествовать сіе празднество?“ спросилъ Поликратъ. Мелисса отвѣчала: „онъ кончится въ то время, когда покровительствуемые богинею перестанутъ отнимать у насъ жертвы.“ Тутъ Поликратъ увидѣлъ, что трудъ его держать въ облежаніи плѣнниковъ былъ бы совершенно напрасенъ, сѣлъ съ воинами на корабль свой и отплылъ отъ берега. Освобожденные Корцирянe съ чувствомъ живой благодарности бросились къ ногамъ Мелиссы и называли ее своею спасительницею. Самоссцы, взявъ мѣры осторожности, отправили Корцирянъ обратно въ ихъ отечество и опредѣлили ежегодно торжествовать праздникъ любви спасительницы. Агапонъ остался на островѣ Самосѣ, былъ принятъ въ число гражданъ и получилъ руку Мелиссы. Онъ поселился на берегу въ той самой рощѣ, въ которой увидѣлъ свою любезную, и купилъ близлежащія нивы; жилъ съ подругою въ уединенномъ веселомъ домикѣ, осѣняемомъ высокими деревами, наслаждался сельскимъ спокойствіемъ и любовію, и упражнялся въ работѣ

Мелисса родила ему прекраснаго мальчика; ничто не могло сравниться съ чистою радостью, наполнявшею сердца любящихся супруговъ, забывшихъ и Коринѳъ, и Періандера, и его жестокости.

Періандеръ проводилъ дни свои въ Коринѳѣ среди боязни и скорби. Будучи бездѣтенъ, не имѣя друзей, онъ видѣлъ, что тронъ его, часъ отъ часу клонящійся къ упадку, держится только жестокостію. Корцирянe избавились отъ его мщенія; Самосъ посмѣялся надъ его свирѣпствомъ, и Періандеръ все сіе долженъ былъ сносить, потому что не отваживался выѣхать изъ Коринѳа. Тогда-то, ненавидимый всѣми, окруженный наемною стражею, не имѣя друзей, кромѣ стараго Медона, тогда-то почувствовалъ онъ въ первый разъ необходимую потребность въ любви и дружбѣ.

Часто снималъ онъ діадиму съ головы своей, и смотря на нее, говорилъ: „О вѣнецъ! чего ты стоишь мнѣ? куда сокроюсь отъ тебя? Судьба осудила меня господствовать до конца моей жизни; судьба осудила меня питать въ сердцѣ ядъ ненависти до смерти! Какой городъ въ Греціи захочетъ дать убѣжище тирану Періандеру? Какой человѣкъ согласится укрыть меня отъ ярости гражданъ Ко-

рнческихъ? О! теперь понимаю всю истину словъ старца Медона! моя жестокость виною моего злополучія!"

Періандеръ часто предавался подобнымъ размышленіямъ, и будучи въ хорошемъ расположеніи духа, иногда рѣшался перемѣнить нравъ свой, сдѣлаться добрымъ, чувствительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ началъ обходиться ласковѣе съ своими невольниками и сдѣлался благосклоннѣе. Но невольники страшились сей перемѣны; они трепетали, думая, что излишнее снизхожденіе можетъ раздражить его гордость. Сокровища Періандеровы лежали на кораблѣ, стоявшемъ въ пристани въ готовности къ отплытію во всякое время, для того, чтобы въ потребномъ случаѣ ничто не возпрепятствовало ему убѣжать изъ Коринеа. Такимъ образомъ Періандеръ провелъ цѣлой годъ во всегдашней готовности къ бѣгству, терзаемый безпокойствомъ и ужасами смерти. Наконецъ пламя возмущенія вспыхнуло въ Коринѳѣ въ то время, когда Періандеръ находился на пристани. Многіе изъ его тѣлохранителей взяли сторону народа, поднявшаго оружіе противъ тирана. Уже мятежники зажгли Царскіе чертоги; надлежало искать спасенія въ бѣгствѣ. Періандеръ, собравъ нѣсколько преданныхъ ему наемниковъ,

поспѣшно сѣлъ на корабль свой. Онъ угрожалъ Коринѳянамъ возвратиться съ многочисленнымъ войскомъ для наказанія преступниковъ, ободрялъ воиновъ своихъ обѣщаніями богатыхъ корыстей и. приказалъ направить корабль въ Азію.

Показался островъ Самосъ. Въ душѣ Періандера пробудилось воспоминаніе о смерти сына его и о неудачѣ мщенія. Грозно взглянувъ на Поликрата, онъ произнесъ голосомъ гордаго властелина: „Это Самосъ! Поликратъ! никогда не прощу тебѣ нерадѣнія въ исполненіи моихъ повелѣній. Ты не старался удовлетворить моего мщенія.“ Ярость засверкала въ глазахъ его. Онъ умолкъ: но всѣ знали, чего надлежало ожидать отъ его жестокости.

По наступленіи ночи, Поликратъ и нѣкоторые друзья его вошли въ каюту Періандера, зажали ему ротъ платкомъ, вынесли его на палубу и, сказавъ: „тиранъ жестокосердый! мы не хотимъ болѣе ползать у ногъ твоихъ, не хотимъ ежечасно трепетать отъ твоего бѣшенства!“ опустили его въ воду.

Море было тихо. Періандеръ съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ поплылъ къ огню, вдали свѣтившемуся на одной рыбачей лодкѣ. Онъ достигъ до своей цѣли и былъ принятъ рыбаками. По утру, лодка

пристала къ берегу, и гордый обладатель Коринеа, измокшій, дрожащій отъ холода, безъ помощи и пристанища очутился на незнакомомъ берегу Самосскомъ.

Онъ пошелъ впередъ, желая найти гостеприимную хижину. Въ то время Агатонъ трудился на полѣ съ своими работниками. Увидѣвъ подходящаго странника, онъ побѣжалъ къ нему на встрѣчу. „Кто ты, бѣдной пришелецъ?“ спросилъ добродѣтельный Агатонъ незнакомца. — Періандеръ, не смѣя открыть своего имени, отвѣчалъ: Я купецъ Аѳинскій, ограбленный и брошенный въ море корабельными служителями. — Агатонъ не узналъ своего тестя. Скорбь и заботы измѣнили лицо Періандера; полныя, румяныя щеки его опустились и поблѣднѣли, дикіе взоры лишились быстроты своей. Агатонъ велѣлъ принести епанчу для своего гостя и подкрѣпить силы его здоровою пищею; послѣ отдохновенія около полудня повелъ его въ домъ свой.

Мелисеа, держа на рукахъ сына, вышла въ рощу на встрѣчу мужу и бросилась въ его объятія. Періандеръ смотрѣлъ съ изумленіемъ на молодую женщину; ему казалось, что видитъ въ ней образъ своей дочери. Въ молчаніи, предавшись глубокимъ размышленіямъ, онъ слѣдовалъ за

супругами. Каждое слово Мелиссы отзывалось въ его сердцѣ; но онъ былъ увѣренъ, что дочери его давно уже не было на свѣтѣ.

Сѣли за умѣренной сельской обѣдъ. Перiандеръ внутренно удивлялся тихой любви, сердечной довѣренности и совершенному счастiю молодыхъ супруговъ. По окончанiи стола, Мелисса, взявъ чашу съ виномъ, произнесла: „Боги да низпошлютъ спокойствiе въ душу моего родителя!“ Тутъ она взглянула на старика, и въ первой разъ съ изумленiемъ примѣтила въ немъ сходство съ отцемъ своимъ; слезы навернулись въ глазахъ ея. „Ахъ!“ продолжала она: я никогда не переставала любить злополучнаго моего родителя! О! естьлибъ ему было извѣстно, какъ счастливы люди, наслаждающiеся любовiю и душевнымъ спокойствiемъ! . . . “ — Скажи мнѣ, почтенная незнакомка, прервалъ смятенный Перiандеръ: кто твой родитель? назови мнѣ его имя!

Мелисса, вслушавшись въ голосъ пришельца, съ трепетомъ вскочила, подняла вверьхъ руки и вскричала: „о боги! какой голосъ! Агапонъ! слышишь ли?“ — Объяви мнѣ свое имя! повторилъ Перiандеръ. — „Я Мелисса!“ — Что слышу! узнай во мнѣ злополучнаго Перiандера! —

Отецъ и дочь въ безмолвномъ изступленіи бросились другъ другу въ объятія. По прошествіи первыхъ восторговъ они взаимно разсказали свои приключенія. Періандеръ въ первой разъ въ жизни своей говорилъ со стыдомъ и раскаяніемъ о прошедшемъ, въ первой разъ узналъ истинную цѣну любви, довѣренности и доброты сердца. Проживъ нѣсколько времени въ хижинѣ Агатоновой, онъ услышалъ, что разнеслась молва о его смерти, въ то самое время, когда, наслаждаясь восторгами любви родительской, держалъ въ своихъ объятіяхъ добродѣтельную Мелиссу. „Такъ!“ сказалъ онъ: „тиранъ Періандеръ умеръ. Я теперь не что иное, какъ бѣдной старецъ, который, стоя на краю могилы, начинаетъ учиться жить.“

Онъ въ самомъ дѣлѣ учился способамъ сдѣлаться человѣкомъ. Семейственное счастіе дѣтей его, ихъ уваженіе къ нему, ихъ любовь истинная часъ отъ часу болѣе смягчали его сердце. Онъ взялъ на себя должность надзирателя надъ невольниками Агатона, и обходился съ ними благосклоннѣе, нежели прежде съ благородными Коринѳянами. Вечернее время проводилъ онъ сидя передъ заходящимъ солнцемъ и любуясь невинными забавами маленькихъ своихъ внуковъ. Кто, увидя его увѣнчан-

наго розами и окруженнаго ласкающимися къ нему малютками, могъ бы подумать, что это тиранъ Коринѳскій? „Я лишился супруги, дѣтей и престола,“ часто повторялъ Періандеръ: „прежде нежели научился быть человѣкомъ! О! дорого мнѣ стоитъ сія наука!“

(*Съ Нѣмецкаго.*)

III.

Дѣвы Весты.

Нума учредилъ соборъ Весталокъ и передалъ своимъ преемникамъ власть избиранія, по изгнаніи Царей изъ Рима, доставшуюся Верьховнымъ Первосвященникамъ. Правила, которыя наблюдаемы были при выборѣ дѣвушекъ въ Жрицы, свидѣтельствуютъ, сколь важнымъ обстоятельствомъ почиталось цѣломудріе; ихъ принимали въ сіе званіе въ такомъ возрастѣ, когда еще воображеніе не возпламеняется, то есть, между шестымъ и десятымъ годомъ.

Если нужно было дополнить число Весталокъ, Великій Первосвященникъ выбиралъ изъ Римскихъ фамилій двадцать

дѣвушекъ, не свыше предписанныхъ закономъ лѣтъ, и такихъ притомъ, которыя имѣли бы отцовъ и матерей. Онъ весьма прилѣжно осматривалъ ихъ; малѣйшій недостатокъ тѣлесный могъ послужить предлогомъ къ недопущенію. въ сословіе Жрицъ; требовалось, чтобы онѣ были красивы и статны въ возможнѣйшемъ совершенствѣ. Будучи очень молоды, онѣ не умѣли стыдиться при изполненіи сего изпытанія, которое взрослымъ безъ сомнѣнія не понравилось бы.

По совершеніи избранія, Первосвященникъ заставлялъ ихъ кидать жребій; родители дѣвушки, назначенной быть Жрицею, немедленно отдавали ее на руки Первосвященника, и съ той минуты уже не имѣли надъ нею никакой власти.

Сіи обряды учреждены не въ одно время, но послѣдственно одинъ за другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Родители, лишаясь любимыхъ дѣтей своихъ, внутренно проклинали сей строгой орденъ и его уставы. Нѣжныя матери, зная слабость своего пола и нужды естественныя, не могли помыслить безъ ужаса о тридцатилѣтнемъ дѣвствѣ, на которое осуждены были ихъ дочери.

Первосвященникъ отводилъ жертву свою во храмъ, гдѣ, въ знакъ вольности, отрѣзывали ей волосы и вѣшали ихъ на священномъ деревѣ. Храмъ былъ единственнымъ жилищемъ ея, котораго переменять не позволялось ни въ какомъ случаѣ.

Проведши тридцать лѣтъ во священномъ дѣвствѣ, Весталки имѣли свободу вступать въ новое состоянїе и даже выходить за мужъ, что однакожъ не всегда имъ удавалось. Въ тридцать семь, восемь, или девять лѣтъ, не смотря на Весталъское цѣломудрїе, дѣвушка едва ли плѣняетъ свѣжестїю. Святый Амвросїй шутитъ надъ такимъ дѣвствомъ, которое зависитъ не отъ нравовъ, но отъ времени, и о которомъ, по прошествїи извѣстнаго числа лѣтъ, никто не думаетъ.

Нѣкоторыя Весталки, пользуясь свободою, выходили за мужъ, и скоро принуждены бывали раскаяваться. О нихъ обыкновенно говорили съ язвительною насмѣшкою, что имъ цѣломудрїе надоѣло, и что онѣ съ нетерпѣнїемъ ожидали благопрїятнаго случая нарушить его. Сверьхъ того онѣ терпѣли общую участь пожилыхъ дѣвушекъ, то есть, были презираемы отъ молодыхъ мужей своихъ. Большая часть

Весталокъ проводила жизнь свою въ состоянїи безбрачномъ, а нѣкоторыя навсегда оставались во храмѣ.

Старшая изъ Весталокъ первенствовала при священнослуженїи и называлась Великою Весталкою. Должность Жрицъ состояла во бдѣнїи при священномъ огнѣ, въ приношенїи жертвъ и въ храненїи кумировъ, находившихся во святилищѣ Весты. Онѣ имѣли обязанность ежедневно приносить жертвы богинѣ и почти ни на часъ не оставались свободными; даже ночью, по предписанїю устава, имъ надлежало много разъ являться у жертвенника. По сей причинѣ Сенека сожалѣетъ о любезныхъ Священницахъ, принужденныхъ часто перерывать сонъ свой!

(*Окончанїе впредь.*)

IV.

Христїанъ Феликсъ Вейссе.

Незабвенный Вейссе принадлежитъ къ числу тѣхъ Писателей, которые трудятся много, очень много, не дѣлая никакого шума въ свѣтѣ, и въ молчанїи плетутъ для себя вѣнецъ безсмертїя. Смиренїе и

кротость были главныя черты его характера; слѣдственно легко догадаться, что онъ не хотѣлъ быть Террористомъ въ Словесности. — Ученые заслуги его весьма важны для отечества, для всѣхъ любителей вкуса и изящности. Назадъ тому шестьдесятъ лѣтъ, когда Нѣмецкая Поэзія красилась первыми лучами зари своей, Вейссе выступилъ на сцену въ качествѣ Поэта, и безъ всякаго противорѣчія былъ — вмѣстѣ съ Уцомъ, Гагедорномъ, Глеймомъ и Раммлеромъ, его друзьями — въ числѣ первыхъ Лириковъ своего вѣка. Но его пѣсни, отличающіяся пламеннымъ, сильнымъ и простымъ чувствомъ, писаны не для однихъ современниковъ. Кто любитъ вкусъ чистой, неповрежденной, кто не заразился пристрастіемъ къ бреднямъ, столько усилившимся въ наше время; тотъ конечно съ удовольствіемъ будетъ читать стихи Вейссе, и увидитъ въ нихъ чистоту и любезность. Его Амазонскія пѣсни всегда будутъ почитаемы мастерскими произведеніями Лирической Музы.

Вейссе упражнялся и въ другихъ родахъ стихотворства съ особливою удачею. Его Трагедіи причисляются къ произведеніямъ ума зрѣлаго и опытнаго; ихъ не должно ставить на ряду съ драматическими сочиненіями нашихъ новыхъ

Писателей, о которыхъ потомство ничего знать не будетъ. Трудно понять, по чему его прекрасныя Трагедїи *Жанъ Каласъ*, *Бѣгство*, *Ромео и Юлїя*, не играются на нашихъ театрахъ, не смотря на крайнїй недостатокъ въ хорошихъ сочиненїяхъ сего рода. То же можемъ сказать и объ его Комедїяхъ нравоучительныхъ, прямо соотвѣтствующихъ своей цѣли, Но какую славу, какую благодарность заслужилъ Вейссе за образованїе Нѣмецкой Оперы! Если бы наши Стихотворцы тествовали по пути, имъ проложенномъ, то Опера была бы на высшей степени совершенства, нежели гдѣ нынѣ ее видимъ. Что можетъ сравниться съ его *Охотою*, съ его *Праздникомъ розы*?

Вейссе былъ не только любезнымъ Поэтомъ, но и Педагогическимъ Авторомъ. Его *Другъ дѣтей* и прочїя полезнѣйшїя сочиненїя, писанныя для юношества, прїобрѣли творцу своему вѣнецъ неувядаемый; онѣ почитаются единственными въ своемъ родѣ. Кто изъ моихъ читателей съ восторгомъ не воспоминаетъ о томъ времени счастливой юности, когда душа и сердце созрѣвали подъ благодѣтельнымъ руководствомъ *Друга дѣтей*?

Онъ умеръ въ Лейпцигѣ 16 го Декабря прошлаго года, на 79-мъ году своей

жизни, дѣятельной и полезной. Сказываютъ, что кончину его ускорило извѣстіе о смерти Оберъ Консисторіальнаго Совѣтника Теллера; они оба въ одинъ день родились, въ одинъ день сочетались брачнымъ союзомъ и во все продолженіе жизни хранили между собою тѣсную дружбу. Вейсое погребенъ въ 20 й день тогожъ мѣсяца, при стеченіи множества знаменитѣйшихъ гражданъ и людей различныхъ состояній. Почетнѣйшіе граждане и Ученые пѣшкомъ провожали гробъ; студенты Лейпцигскіе, предводимые Княземъ Олденбургскимъ и Графомъ Шаумбургъ-Липпе, шли за тѣломъ покойника до кладбища; шествіе заключили 44 кареты. Четыре студента, въ числѣ которыхъ былъ Графъ Шуленбургъ, несшіе на шелковыхъ подушкахъ вѣнцы, положили ихъ на гробъ Вейссе, между тѣмъ какъ хоръ юношей пѣлъ погребальныя пѣсни.

Вейссе заслужилъ памятникъ: дарованія и добродѣтель имѣютъ право на благодарность потомства.

(Изъ Нѣм. Журн.)

V.

О Музеѣ Гна. Дубровскаго.

(Письмо къ Издателю.)

Между учеными извѣстіями, помѣщаемыми въ Журналахъ, я не читалъ еще ни одного, заслуживающаго одобреніе, *о славномъ Музеѣ рѣдкихъ рукописей Г. Дубровскаго*, нашего соотечественника, извѣстнаго въ Европѣ любителя древностей. Собраніе сіе находится уже давно у насъ въ Санктпетербургѣ, и содержитъ въ себѣ: вопервыхъ, славнѣйшіе *манускрипты съ IV вѣка* до нашихъ временъ; вовторыхъ, безцѣнныя *рукописи Славянскія*, дающія нашей Исторіи старшинства нѣсколько столѣтій. Я доставляю вамъ, М. Г. *краткое обозрѣніе сихъ рукописей* (*); надѣюсь, что вы напечатаете его въ вашемъ Журналѣ. Имѣя такія сокровища у себя подъ рукою, непростительно было бы Любителямъ нашей Словесности знать о нихъ только изъ Нѣмецкихъ, или Французскихъ Журналовъ.

(*) Издатель, ожидающій сего *Обозрѣнія*, по полученіи помѣститъ его Вѣстникѣ Европы.

Г. *Дубровскій*, съ давняго времени служа въ Дипломатическомъ корпусѣ, находился при разныхъ посольствахъ Россійскаго Двора, и прожилъ внѣ отечества 26 лѣтъ. Въ теченіи сего времени онъ съ неусыпнымъ прилѣжаніемъ и, къ счастію, съ необыкновенною удачею собиралъ древнія рукописи и обогатилъ Исторію отечественную рѣдкостями, какихъ у насъ совершенно недоставало. Вся коллекція Г. Дубровскаго, извѣстная въ Европѣ, заключаетъ въ себѣ памятники 15 вѣковъ, и безъ всякаго противурѣчія есть первая въ Россіи, по своему достоинству. Она столько драгоцѣнна по древности Россійскихъ письменъ, и столько необходима для Исторіи нашей, что если бы по несчастію подверглась жребію книгъ *Сивиллиныхъ*, то одинъ памятникъ, оставшійся въ Музеѣ, замѣнилъ бы цѣлой архивъ; ибо такія вещи не покупаются за деньги; всѣ сокровища ризницъ нашихъ не прибавили бы ни одного года древности нашей націи, еслибъ мы утратили сіи памятники, свидѣтельствующіе о славѣ и величіи того народа, отъ котораго ведемъ свое начало.

Г. Дубровскій, посвятивъ, какъ я сказалъ, почти цѣлую жизнь на столь важное пріобрѣтеніе, наконецъ достигъ желаемой

цѣли и составилъ Музей рукописей, единственный въ своемъ родѣ. Онъ не однократно предпринималъ путешествія для сего предмета по разнымъ краямъ Европы, старался освѣдомляться о мѣстахъ, гдѣ хранились лучшія рукописи, и будучи еще во Франціи, заслужилъ имя любителя древности. Коллекція его безпрестанно умножалась; потому что онъ не щадилъ никакихъ издержекъ, имѣя въ виду пользу своего отечества и признательность согражданъ. Скоро она сдѣлалась извѣстною въ Парижѣ, и знатнѣйшія Особы стали посѣщать ее съ удовольствіемъ. Ученые мужи (*Аб. Ривъ*, и проч.) писали *Диссертаціи* на нѣкоторые манускрипты Г. Дубровскаго; славные Литтераторы, съ которыми онъ имѣлъ ученыя сношенія и связи, отзывались о ней съ похвалою. Когда революція разторгла всѣ части правительства во Франціи, въ то время открылось обширнѣйшее поле нашему почтенному собирателю. Народные мятежи отворили двери тайныхъ хранилищъ, въ которыхъ находились сіи драгоцѣнности. *Бастилья* была разрушена; архивы ея разграблены неистовою чернью; монастыри уничтожены; смиренные старцы, блюстители библіотекъ, изгнаны —

все досталось въ руки невѣждъ, которые, не зная истинной цѣны старымъ пергаментамъ, продавали ихъ за ничто ремесленникамъ. Въ сію-то необыкновенную эпоху, увлекаемый своею склонностію, Г. Собиратель изтощилъ всѣ свои средства, пожертвовалъ всѣмъ своимъ имуществомъ, чтобъ достать сіи сокровища въ свои руки. Среди общаго смятенія, ему удалось купить знатную часть тайныхъ и рѣдкихъ, хранившихся въ Бастильи бумагъ, между которыми находятся оригинальныя письма многихъ Королей и другихъ особъ знаменитыхъ. Такимъ же случаемъ досталъ онъ рѣдкое *собраніе изъ библіотеки Сен-Жерменской*, которая почиталась однимъ изъ первыхъ хранилищъ рукописей. Въ ней было 80 тысячь писанныхъ книгъ, которыя несчастнымъ образомъ сдѣлались жертвою пожара; но лучшіе, драгоцѣннѣйшіе манускрипты (ихъ *описаніе и образчики* напечатаны въ *Трактатѣ Дипломатическомъ*, въ *Палеографіи* и въ *твореніи Мабильона* de re diplomatica) достались Г. Дубровскому. Но что всего дороже для сердца добраго Россіянина, сей достойный общей признательности нашъ соотечественникъ, не смотря на великія препятствія, не смотря на происки злодѣя *Робеспьера* — который захватилъ

и отечаталъ - было всѣ его пожитки — купилъ *маленькую библіотеку Княжны Россійской Анны*, дочери Великаго Князя Ярослава, выданной въ супружество въ одиннадцатомъ столѣтіи за Генриха I., Короля Французскаго. Извѣстно, что сія Княжна основала *Аббатство Санлисъ*, въ которомъ всѣ ея книги до нашихъ временъ сохранились. Въ семъ мѣстѣ найдены онѣ Г. Собирателемъ и куплены недешевою цѣною. — Упомянутая домашняя библіотека, состоящая большею частію изъ церковныхъ книгъ, также *Древлянскихъ рукописей*, писанныхъ *руническими буквами*, и другихъ манускриптовъ, отъ временъ *Ольги*, *Владиміра* и пр. оставшихся, и служащихъ драгоцѣннѣйшими памятниками Русской древности, составляетъ *Славянскую партію*, *или отдѣленіе въ Музеѣ Г. Дубровскаго.* Описаніе сихъ рукописей помѣщено въ краткомъ Обозрѣніи, которое обѣщаюсь вамъ доставить. Сія библіотека безцѣнна для насъ не по одной древности; она можетъ объяснить сомнительныя мѣста въ началѣ нашей Исторіи, которую до сихъ поръ основывали на свидѣтельствахъ Авторовъ, часто несогласныхъ между собою; въ ней найдемъ памятники нашей тогдашней письменности, тогдашняго перевода книгъ

церковныхъ, ихъ слога, ихъ образа писанія, о чемъ мы до сихъ поръ никакого свѣденія не имѣли. Она даетъ намъ *старшинство въ письменахъ* предъ всѣми народами въ Европѣ; потому что Французы, Нѣмцы и другія націи не имѣютъ ни одной книги, писанной на своемъ языкѣ прежде XI вѣка. Г. Дубровскій собиралъ рукописи особливо съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ подарить всю коллекцію городу *Кіеву*, въ которомъ онъ родился, и чрезъ то поддержать славу древнѣйшаго нашего училища. Но разныя обстоятельства не дозволили исполниться его желанію. Частыя отлучки по дѣламъ дипломатическимъ, неожидаемые выѣзды по политическимъ обстоятельствамъ изъ городовъ, въ которыхъ хранились рукописи, и другіе непріятные случаи нанесли его коллекціи великой уронъ. Онъ принужденъ былъ отдѣлить Греческую партію (которой однакожъ, можетъ быть, равная осталась въ Патріаршей Библіотекѣ въ Москвѣ), и выпустить ее въ чужіе краи; но *остальное отдѣленіе*, содержащее въ *себѣ рукописи Латинскія*, и проч., упоминаемыя — какъ я сказалъ — въ славномъ *Трактатѣ Дипломатическомъ*, въ которомъ онѣ приведены за образцы рѣдкости, сохранилось во всей цѣлости, и

заслуживаетъ общее вниманіе. Ученыя Вѣдомости не переставали отзываться о немъ съ похвалами. Наши соотечественники, почтенные любители древностей, знатнѣйшія Особы, Министры, Вельможи, Художники и Литтераторы съ удовольствіемъ посѣщаютъ скромное жилище Г. Дубровскаго, и осматриваютъ богатѣйшее сокровище вѣковъ, которое конечно достойно занимать мѣсто въ великолѣпныхъ чертогахъ.

Я слышалъ, что сей ученый мужъ, безпрестанно упражняясь въ изысканіяхъ, въ трудномъ разборѣ рукописей, требующемъ и времени и прилѣжанія, занимается еще сочиненіемъ *Исторіи о древности Россійскихъ письменъ*, которая безъ сомнѣнія сдѣлаетъ его извѣстнѣйшимъ не только какъ любителя древностей, но какъ Литтератора и Писателя.

Заключаю сіе увѣдомленіе повтореніемъ обѣщанія доставить вамъ *Обозрѣніе*, какое только я могъ сдѣлать; Музей Г. Собирателя открытъ всякому любопытствующему. Желательно, чтобы сіе обстоятельство возбудило ревнованіе въ нашихъ путешественникахъ, и чтобы тѣ, которымъ Фортуна доставила обильнѣйшія средства, нежели какія могъ имѣть Г. Дубровскій, человѣкъ частной

и небогатой, занялись изысканіями, столь полезными, столь славными для Россіи. Такія только общія усилія и любовь ко всему отечественному могутъ озарить темноту нашей Исторіи и сдѣлать ее достойною вниманія народовъ просвѣщенныхъ. — Имѣю честь и проч.

Г * * *.

С. Петербургъ.
Генваря 30 го дня
1805 го года.

VI.

Стихи къ надгробному камню Петра Дмитріевича Еропкина.

Здѣсь добрый Еропкинъ, свершивъ свой жизни кругъ,
На время опочилъ какъ солнце лучезарно;
Быть можетъ, нѣкогда потомство благодарно
Воздвигнетъ обелискъ во мзду его заслугъ.
Быть можетъ. — Между тѣмъ смиренный Музъ любитель
Приноситъ въ дань ему, что въ силахъ: только стихъ;
Москва! онъ говоритъ: се твой вторый спаситель!
Москва! Римъ древній живъ . . . въ Герояхъ лишь своихъ.

И. Дмитр.

VII.

На смерть А Е* М—ой* (*).

Когда гармонія своей волшебной силой
Лила мнѣ въ грудь восторгъ и нѣжила мой слухъ;
Тогда надъ свѣжею твоей . . . . увы! . . . могилой
Носился мой смущенный духъ! . . .
И вѣчный мракъ ея и небо предъ собою
Я видѣлъ . . . . трепеталъ . . . . и умилялся вновь.
Какую власть тогда имѣла надо мною
Гармонія! . . . то въ ледъ, то въ пламень кровь
Мою всечасно превращала! . . .
Ахъ! въ первый разъ еще такъ живо ощущала
Душа моя нищету, ничтожность благъ земныхъ! . . .
Минута — и слѣдовъ уже не видимъ ихъ!
Давноль ты жизнію, здоровьемъ наслаждалась?
Давно ли чувства огнь блисталъ въ твоихъ очахъ?
Давно ли радостно съ друзьями улыбалась?
А нынѣ . . . . тлѣетъ твой подъ хладнымъ камнемъ прахъ! . . .

(*) Авторъ былъ въ концертѣ, когда узналъ о внезапной ея смерти.

И завтра о тебѣ всѣ въ мірѣ позабудутъ:
Уставъ, предписанный Натурою сердцамъ!...
Онъ благо въ бѣдной жизни намъ! . . .
„Не вѣчно обо мнѣ лишь горьки слезы будутъ
Дѣлившіе со мной все щастье дней моихъ,
Печаль и скорби ихъ“ —
Скажу, глаза свои на вѣки закрывая,
И мыслію пріятной сей
Ужасный, тяжкій сходъ въ могилу облегчая,
Съ отрадой лягу въ ней.
М—ва! ахъ, нѣтъ! кто зналъ тебя, не взглянетъ
Безъ чувства горести на гробъ смиренный твой;
Достоинства твои вспомянетъ
И окропитъ его сердечною слезой!

К. Щ—въ.

VIII.

Смѣсь.

Въ нѣкоторыхъ Парижскихъ училищахъ открыты классы для преподаванія новаго языка Греческаго. Многіе Греки, достойные потомки Сократовъ и Платоновъ, нынѣ ревностно стараются разпространять успѣхи просвѣщенія между своими соотечественниками и охотно жертвуютъ

избытками отъ своего имущества для возстановленія наукъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онѣ родились, росли и возмужали. Изъ публичныхъ извѣстій видно, что тьма невѣжества примѣтнымъ образомъ рѣдѣетъ въ Греціи, и что обитатели ея оживаютъ для ученаго свѣта. Общество благомыслящихъ Грековъ теперь предпринимаетъ издавать творенія знаменитѣйшихъ древнихъ Писателей. Г. Василь, богатой купецъ, извѣстный уже сдѣланными имъ пожертвованіями, назначилъ важную денежную сумму для произведенія въ дѣйство сего полезнаго намѣренія. Докторъ Корей, уроженецъ изъ Смирны, безпрестанно трудится надъ обогащеніемъ издаваемыхъ Классиковъ учеными замѣчаніями. Скажемъ теперь о томъ, что къ намъ ближе. Господа Зосимы, братья, находящіеся: Анастасій въ Нѣжинѣ, Николай въ Германіи, Зой въ Москвѣ и Михайло въ Ливорнѣ, заслуживаютъ особливую признательность отъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, отъ всѣхъ друзей общаго блага. Сіи почтенные люди внесли важной капиталъ (болѣе ста тысячь рублей) въ Опекунской Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Воспитательнаго Дома, съ тѣмъ, чтобы получаемые изъ нихъ проценты употребляемы были на содержа-

нїе училища и больницы въ Янинѣ, отечественномъ ихъ городѣ. Они напечатали собственнымъ иждивенїемъ многїя Греческїя книги: духовныя, философическїя, математическїя и физическїя, надъ которыми трудился покойный Архїепископъ Никифоръ, бывшїй Астраханскїй; издали Гомера, Ѳукидида, Лонгина, и Греческїя древности, встрѣчающїяся въ Гомеровыхъ творенїяхъ, переведенныя съ Латинскаго языка на древнїй Греческїй Преосвященнымъ Евгенїемъ Булгаромъ, Святителемъ, отличившимся трудами своими въ изслѣдованїи нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся до Россїйской Исторїи; теперь иждивенїемъ Господъ Зосимовъ печатаются въ здѣшней Университетской Типографїи Толкованїя на Апостольскїя Посланїя. Любопытные захотятъ знать, гдѣ Господа Издатели продаютъ свои книги и сколько получаютъ барыша? О! прибытокъ ихъ достоинъ зависти! Они отсылаютъ книги свои въ Грецїю для раздачи въ училищахъ — *безденежно*. Господа Зосимы знаютъ истинную цѣну любви и благодарности.

*

Въ одномъ Французскомъ Журналѣ, издаваемомъ обществомъ людей, прїобрѣвшихъ ученую славу въ Европѣ, напечатана статья *О нравахъ и обыкновенїяхъ древ-*

нихъ Россїянъ и о перемѣнахъ, въ послѣдовавшїя времена случившихся. Тамъ сказано въ началѣ, что статья сїя *отчасти* взята изъ Нѣмецкаго Журнала: Russische Miszellen. Г. Рихтеръ, Издатель сего Журнала, прекрасными переводами Русскихъ сочиненїй доказалъ, что знаетъ нашъ языкъ, нашу Исторїю и наши обыкновенїя; слѣдственно не его должно обвинять въ ошибкахъ и нелѣпостяхъ, которыя видимъ въ упомянутой статьѣ Французскаго Журнала. Начнемъ съ главнаго: Большая часть собственныхъ именъ изуродована такъ, что читатель ничего не знаетъ, о комъ говорится и гдѣ что происходитъ; надобно имѣть передъ глазами Нѣмецкїй подлинникъ (а всего лучше, Вѣстникъ Европы, изданный Господиномъ Карамзинымъ, изъ котораго переведена статья сїя, къ несчастїю, со многими прибавленїями), чтобы понять, что значатъ слова: Никовъ, Никеръ (Никонъ Патрїархъ), Кремтъ (Кремль), Стрегенблобода (Стрѣлецкая слобода), Китнигородъ, Зургородъ (Китайгородъ, Царьгородъ), Князь Стекжезаскїй, и множество другихъ. Въ вымышленной повѣсти переводчикъ можетъ забавляться переименовыванїемъ лицъ и мѣстъ по своей волѣ; но въ Исторїи этого не льзя позволить, въ чѣмъ сами ученые Издатели Французскаго

Журнала съ нами должны согласиться. Теперь переведемъ для образца одно изъ прибавленій, которое, правду сказать, не дѣлаетъ большой части своему изобрѣтателю. „Сіе древное обыкновеніе (молиться, вошедъ въ горницу) и теперь существуетъ въ Русскомъ народѣ; изъ того слѣдуетъ, что Русской мужикъ, вошедъ въ домъ, убранный роскошнѣе, нежели его хижина, и увидя зеркало, тотчасъ кланяется своему лицу, *почитая его за образъ Святаго!!*

Et voila juſtement comme ont écrit l'Hiſtoire!

*

Двойни, братъ съ сестрою, жившіе вмѣстѣ неразлучно съ самаго дѣтства въ Нетпанкурѣ, въ Мозельскомъ Департаментѣ, служили примѣромъ любви и взаимнаго согласія. Провидѣнію угодно было благословить сей рѣдкой союзъ долгоденствіемъ; братъ и сестра умерли въ одинъ часъ, торжествуя день своего рожденія. Оба они были безбрачны; сказываютъ, что въ продолженіе осмидесятипилѣтней жизни своей ни одинъ изъ нихъ не показалъ неудовольствія или огорченія противъ другаго. Такіе случаи очень рѣдки, однакожъ не новы. Извѣстно, что Графы Линьевиль и Отрикуръ, двойнишніе братья,

произшедшїе отъ древней рыцарской Лотарингской фамилїи, были очень похожи одинъ на другаго лицемъ, голосомъ, поступью и ухватками. Они сбыкновенно бывали больны въ одно время и одинакою болѣзнїю. Если одного ранили на сраженїи, другой чувствовалъ боль. Еще страннѣе то, что оба брата видѣли одинакїе сны. Графъ Отрикуръ, находясь во Францїи, занемогъ горячкою и умеръ; Графъ Линьевиль, бывшїй тогда въ Баварїи, въ то же время страдалъ отъ самой той же болѣзни, и безъ всякаго сомнѣнїя лишился бы жизни, если бъ — такъ написано въ Лотарингской Хроникѣ — не прибѣгъ подъ защиту Аттенгиской Богородицы, которая спасла его отъ смерти. — — Если все сїе справедливо, то надобно признаться, что Физики еще многаго не открыли въ Природѣ.

*

Вотъ образчикъ ученыхъ споровъ девятьнадцатаго столѣтїя. Аббатъ Жоффроа напалъ на Г-на Этьеня за то, что онъ, *укравъ* у Пиксеркура *воображенїе*, передѣлываетъ повѣсти Г-жи Жанлисъ въ Комедїи. Авторъ отвѣчалъ, что Жоффроа когда-то получилъ *пощечину*, и что онъ *льянствуетъ* съ Актриссами. — Жоффроа въ опроверженїи своемъ упоминаетъ, что

Этьень помѣстилъ отвѣтъ свой въ *самомъ глупѣйшемъ* изъ Журналовъ, и что онъ *изблевалъ* всю желчь. — Противникъ грозится довести Аббата до потерянія позыва на пищу. — Жоффроа отвѣчаетъ, что Этьеню *нѣчего ѣсть*, что Этьень *шатается по переднимъ*, между тѣмъ, какъ онъ (Жоффроа) имѣетъ на свой Журналъ осмнадцать тысячь субскрибентовъ и всегда пируетъ съ Актрисами.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь, говоренная Г-мъ Бонапарте въ полномъ собраніи Законодательнаго Корпуса Декабря 27 го дня 1804 года.

Господа Депутаты Департаментовъ, присутствующіе въ Законодательномъ Корпусѣ! Господа Трибуны и Члены *моего* Государственнаго Совѣта! Я нахожусь здѣсь въ качествѣ Президента при открытіи вашего засѣданія. Хочу, чтобы ваши труды приняли видъ важный, величественный. Начальники, Судьи, воины, граждане! мы всѣ стремимся къ одной цѣли — ко благу отечества. Престолъ, на которой возшелъ я по волѣ Провидѣнія и націи, любезенъ глазамъ моимъ, только по тому, что онъ одинъ можетъ защитить и сохранить выгоды Французскаго народа. Безъ правленія твердаго и отеческаго Франція опять подпала бы тѣмъ несчастіямъ, которыя уже претерпѣла. Слабость верховной власти есть источникъ великихъ народныхъ бѣдствій. Будучи солдатомъ, или первымъ Консуломъ, я имѣлъ одну цѣль; сдѣлавшись Императоромъ, стреплюсь къ той же цѣли — ко благу

Францїи. Почитаю себя счастливымъ, что мнѣ удалось прославить ее побѣдами, утвердить договорами, прекратить ея внутреннїя несогласїя, совершить возстановленїе порядка, благонравїя, общежитїя, Релиґїи. Если смерть не похититъ меня среди моихъ подвиговъ, надѣюсь оставить по себѣ память будущимъ поколѣнїямъ; она послужитъ для моихъ преемниковъ или примѣромъ, или укоризною.

Мой Министръ внутреннихъ дѣлъ представитъ вамъ начертанїе о состоянїи Имперїи. Ораторы *моего* Государственнаго Совѣта предложатъ вамъ о потребностяхъ перемѣнъ въ законоположенїи. Я повелѣлъ представить вамъ отчеты, поднесенные мнѣ отъ *моихъ* Министровъ объ исполненїи дѣлъ по ихъ должностямъ. Я доволенъ состоянїемъ, въ которомъ находятся наши финансы. Государственные сборы достаточны для разходовъ, какъ они впрочемъ ни велики. Мы принуждены вести войну, для которой нужны были великїя приготовленїя: не смотря на то, я не потребую отъ *моего* народа никакихъ пожертвованїй.

Мнѣ прїятно было бы въ столь торжественную эпоху видѣть мїръ въ спокойствїи; но политическїя правила нашихъ непрїятелей, ихъ поступокъ противъ

Испанїи свидѣтельствуютъ о трудностяхъ достигнуть столь желаемой цѣли. Не хочу расширять границы Францїи, но хочу утвердить ея цѣлость. Не имѣю честолюбїя увеличить мое влїянїе на Европу; но не хочу потерять прїобрѣтеннаго. Не присоединю никакого Государства къ Имперїи; но не отрекусь отъ правъ моихъ на союзъ съ тѣми Державами, которыя мнѣ обязаны бытїемъ своимъ.

Мой народъ, поднося мнѣ корону, возложилъ на себя священную обязанность, въ случаѣ нужды, жертвовать всѣмъ для поддержанїя величїя, необходимо потребнаго для общаго благополучїя, для общей славы. Я твердо увѣренъ въ усердїи и приверженности нацїи къ моей особѣ. Всегдашнїя мои попеченїя имѣютъ цѣлїю выгоды народа.

Господа Депутаты Департаментовъ, присутствующїе въ Законодательномъ Корпусѣ! Господа Трибуны и Члены *моего* Государственнаго Совѣта! благоразумїе, которымъ вы отличались въ минувшїя засѣданїя, усердїе къ отечеству и къ моей особѣ, которымъ вы одушевляетесь, служатъ вѣрною порукою въ томъ, что вы исполните мое требованїе, и что въ продолженїе нынѣшняго засѣданїя займетесь

изысканіемъ способовъ подать мнѣ нужную помощь (*). (*Изъ Монитера.*)

II.

Начертаніе о состояніи Франціи, читанное въ Законодательномъ Корпусѣ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Шанпаньи, 31 го Декабря 1804 года (**).

Исполняя данное мнѣ повелѣніе, имѣю честь предложить вамъ о нынѣшнемъ состояніи Французской Имперіи.

Внутреннее состояніе Франціи нынѣ такое точно, какое было во времена самыя спокойныя; ни что не нарушаетъ общественной безопасности; никакія злодѣянія не напоминаютъ намъ о революціи; полезныя предпріятія, мѣры, взятыя для обезпеченія собственности публичной и частной — все свидѣтельствуетъ о приращеніи довѣренности къ правительству и об-

(*) Читатели замѣтятъ здѣсь противорѣчіе. Выше сказано было, что *не потребуется отъ народа никакихъ пожертвованій*, а далѣе предлагается *объ изысканіи способовъ подать нужную помощь. Изд.*

(**) Рѣчь сія конечно никого не введетъ въ заблужденіе. Опыты доказали, благоденствуетъ ли Государство, управляемое одними солдатами? У кого виситъ надъ головою обнаженный мечь, къ волоску привязанный, тотъ не можетъ *искренно* радоваться! *Изд.*

щаго спокойствія. — Пагубныя мнѣнія не раздражаютъ умовъ; гражданскій порядокъ, понимаемый нынѣ въ прямомъ своемъ значеніи, заставляетъ каждаго помышлять о счастіи народномъ. Донесенія Чиновниковъ государственныхъ подтверждаютъ сію истину. Наполеонъ, путешествуя по департаментамъ, видѣлъ это собственными глазами: еще болѣе это доказывается тѣмъ, что арміи были оставлены своими Генералами, военныя отдѣленія — своими начальниками, верьховные Трибуналы были безъ судей, церкви безъ Пастырей, города и села оставались безъ властей, управляющихъ умами (*); вездѣ народъ былъ оставленъ самому себѣ — и вездѣ сей самой народъ поведеніемъ своимъ доказалъ, что желаетъ повиноваться порядку и законамъ. — Верховный Первосвященникъ, проѣзжая Францію, отъ береговъ По до Сены, вездѣ видѣлъ знаки любви и почтенія большей части народа, которой, будучи преданнымъ древнему своему закону, почитаетъ Пія VII го общимъ отцемъ и средоточіемъ вѣры. — Коварные замыслы Державы непреклонной едва не погрузили Францію въ войну междоусобную

(*) То есть, что главные начальники военные, гражданскіе и духовные, призваны были въ Парижъ по случаю коронаціи.

и Анархїю. Францїя вздрогнула, когда они открылись; безпокойства, едва усыпленныя, воспрянули; въ умахъ пробудились правила, уважаемыя Мудрецами, правила, которымъ всегда мы слѣдовали, прежде нежели заблужденїе и слабость овладѣли нами, прежде нежели наши мнѣнїя совратились съ пути истины. — Дознано опытами, что раздѣленная власть не сильна; испытано на самомъ дѣлѣ, что власть, порученная на короткое время, весьма не надежна, потому что не дозволяетъ заняться ни долговременными трудами, ни прилѣжными размышленїями; будучи ввѣренною одному человѣку по жизнь, она вмѣстѣ съ нимъ ослабѣваетъ и угрожаетъ несогласїями и безначалїемъ послѣ его смерти. Наконецъ всѣ увѣрены, что въ обширномъ Государствѣ только одна власть наслѣдственная удобна сохранить его политическое существованїе, и продолжается многїя столѣтїя.

Сенатъ былъ, и надлежало ему быть, органомъ общей заботливости. Скоро обнаружились желанїя о наслѣдственномъ правленїи, желанїя, таившїяся въ сердцахъ истинныхъ Французовъ; онѣ провозглашены избирательными Коллегїями и войскомъ. Требованы были мнѣнїя отъ Государственнаго Совѣта, отъ чиновни-

ковъ, отъ людей просвѣщеннѣйшихъ — всѣ отвѣчали единодушно.

Первый Консулъ уже давно видѣлъ, что для Государства, столь обширнаго, какъ Францїя, необходимо нужна власть наслѣдственная. Тщетно онъ сопротивлялся могуществу собственной увѣренности; тщетно хотѣлъ ввести систему избирательную, которая могла бы продолжить правленїе, спокойно передавая власть изъ рукъ въ руки. Опасенїя гражданъ, надежды нашихъ непрїятелей уничтожили его намѣренїя. Вмѣстѣ съ кончиною перваго Консула погибли бы всѣ плоды трудовъ его. Зависть чужестранцевъ, духъ крамолы и безначалїя, нетерпѣливо ожидали сей минуты. Разумъ, чувство и опытъ твердили всѣмъ Французамъ, что та только власть можетъ быть прочною, которая переходитъ къ другому безъ остановки, и что тотъ только преемникъ безопасенъ, которой правомъ наслѣдства пользуется по закону Природы.

Столь побудительныя причины, вмѣстѣ съ общимъ желанїемъ нацїи, заставили перваго Консула рѣшиться. Онъ согласился возложить на себя, и послѣ своей смерти на двухъ братьевъ своихъ, бремя, которое по стеченїю обстоятельствъ принять ему необходимо над-

лежало. Слѣдствіемъ его размышленій, усовершенствованныхъ частыми сношеніями со Членами Сената, разсужденіями въ совѣтахъ и примѣчаніями людей мудрѣйшихъ, былъ рядъ учрежденій, которыми утверждается наслѣдство Императорскаго престола; назначаются Принцамъ ихъ права и обязанности; обѣщается наслѣднику Имперіи воспитаніе, соотвѣтствующее высокому его сану; опредѣляются тѣ, которые въ случаѣ малолѣтства наслѣдника должны взять на себя правленіе и знать границы своей власти; устанавляются между трономъ и гражданами чины и достоинства, для каждаго открытыя, ободренія и награды за общественныя добродѣтели; даются людямъ, отличеннымъ высокими достоинствами, такіе судьи, которые, изъ уваженія къ нимъ, не забудутъ своей должности; назначаются нарушителямъ общественнаго спокойствія и выгодъ Имперіи судьи, необходимо привязанные къ общественному спокойствію и выгодамъ Имперіи; возвращаются судилищамъ и ихъ опредѣленіямъ старинныя наименованія, уваженныя столѣтіями; наконецъ утверждаются права Государя и народа посредствомъ присягъ — стражей всѣхъ выгодъ.

Сіи разпоряженія подтверждены Сенатскимъ опредѣленіемъ въ 28 й день Флореаля; народъ Французскій объявилъ свою волю, свободную и непринужденную; захотѣлъ, чтобы Императорское достоинство было наслѣдственнымъ въ потомствѣ прямомъ, законномъ, или усыновленномъ Наполеона Бонапарте, прямомъ и законномъ Іосифа Бонапарте, прямомъ и законномъ же Лудовика Бонапарте. Съ того времени никакое другое постановленіе не нужно для утвержденія правъ и власти Наполеона. Не смотря на то, ему было угодно возвратить Франціи прежніе обычаи ея, ввести учрежденія, самымъ Божествомъ вдохновенныя, и начало своего царствованія ознаменовать печатію Религіи. Глава Церкви, желая увѣрить Французовъ въ отеческой къ нимъ нѣжности, рѣшился пріѣхать во Францію для отправленія священнаго обряда. Какія глубокія впечатлѣнія сей обрядъ оставилъ въ душѣ Наполеона и въ памяти націи! какая матерія къ разговорамъ для будущихъ поколѣній! какой поводъ къ удивленію для Европы!

Какое зрѣлище! Наполеонъ упадаетъ на колѣна у подножія жертвенника, имъ возставленнаго; верьховный Перво-

священникъ проситъ Небо о низпосланіи на ею и на Францію благословенія, и въ молитвахъ своихъ о благѣ одной націи не забываетъ о благѣ цѣлаго свѣта (*)! Священники, нѣкогда раздѣляемые несогласіемъ, къ мольбамъ его присоединяли свои голоса, свою благодарность.

Сенаторы, Законодатели, Трибуны, Судьи, воины, правители народа и предсѣдящіе въ собраніяхъ соединяютъ свои мнѣнія, свои надежды, свои желанія; Самодержцы, Князья и Посланники съ недоумѣніемъ смотрятъ на великое зрѣлище, которое представляетъ Франція, утверждаясь на древнихъ своихъ основаніяхъ, и своимъ спокойствіемъ обезпечивая спокойствіе ихъ отечества!

Среди сего великолѣпія Наполеонъ, предъ лицемъ Вѣчнаго, произноситъ непреложную клятву, которою утверждается цѣлость Имперіи, неприкосновенность соб-

---

(*) Кажется, что Г. Шампаньи могъ бы обойтись безъ пустой декламаціи, и что членамъ Законодательнаго Корпуса гораздо нужнѣе знать о состояніи Франціи, нежели о томъ, какъ и за кого Папа молился. Французы сами признаются, что Литтература ихъ въ упадкѣ. *Изд.*

сивенности, прочность узаконеній, почтеніе къ законамъ и счастіе націи! Клятва Наполеонова будетъ ужасомъ для непріятелей и эгидою для Французовъ. Она будетъ повторена передъ лицемъ войска, если врагъ нападетъ на предѣлы наши — и тогда мы не устрашимся непріятельскаго нашествія. Она сохранится въ памяти Чиновниковъ; будетъ напоминать имъ объ ихъ должностяхъ и объ цѣли ихъ упражненій, и, если не предотвратитъ погрѣшностей въ ихъ управленіи, по крайней мѣрѣ научитъ ихъ немедленно поправлять свои ошибки. Она подтверждаетъ наши законы. Съ сего времени менѣе новыхъ учрежденій будетъ предлагаемо на разсужденіе Законодательнаго Корпуса. Гражданское уложеніе совершило общую надежду; оно напечатлѣно въ памяти гражданъ и управляетъ ихъ поступками; оно всѣми единодушно почитается благодѣяніемъ для народа. Начертаніе уголовнаго уложенія окончано уже назадъ тому два года и было предложено на разсмотрѣніе Трибуналовъ; теперь Государственный Совѣтъ произнесетъ о немъ послѣднее мнѣніе. Продолженіе уложеній о судебномъ производствѣ дѣлъ и о торговлѣ остановлено. Важнѣйшія занятія отвлекли отъ нихъ

вниманіе Наполеона, которой поставилъ для себя непремѣннымъ долгомъ предлагать на разсужденіе Законодателей только такіе законы и начертанія, которые приведены уже въ зрѣлость долговременными мудрыми размышленіями. Училища законовѣденія немедленно откроются; Лицеи и второстепенныя училища наполнены юношествомъ, ищущимъ просвѣщенія. Изъ Фонтенебло уже вышло множество молодыхъ людей, которые отличаются въ войскахъ нашихъ знаніями, любовію къ порядку и повиновенію. Школа политехническая надѣляетъ полезными людьми наши арсеналы, гавани и рабочія. Въ Компьенѣ школа художествъ и ремеслъ ежедневно показываетъ новые успѣхи; скоро на границахъ Вандеи учреждено будетъ подобное училище. Награды назначены для Наукъ, Словесности и Художествъ; Наполеонъ, опредѣливъ въ извѣстное время ободрять труды, имѣетъ право ожидать мастерскихъ произведеній отъ Французскаго Генія. По части строенія мостовъ и плотинъ работы — однѣ постоянно продолжаются, для другихъ сочиняются планы; такимъ образомъ каждой годъ готовятся для послѣдующихъ годовъ новыя занятія на пользу государственную. Безвременное ненастье уничтожило оспо-

рожныя мѣры правительства; дожди и разлитія рѣкъ испортили дороги; нѣкоторыя работы остановлены, другія надлежитъ начинать снова; Департаменты Рейнскій и Мозельскій претерпѣли великія опустошенія. Одинъ Префектъ, ревностный исполнитель намѣреній Наполеоновыхъ, подалъ нужную помощь несчастнымъ жертвамъ разоренія; самъ Онъ ободрилъ ихъ своимъ присутствіемъ и утѣшилъ своими благодѣяніями. Зараза опустошала сосѣднее Королевство; осторожное наше правительство предохранило Францію отъ сего несчастія, не прерывая сношеній, питающихъ торговлю и мануфактуры. Въ средоточіи Вандеи созидается новый городъ, назначаемый вмѣщать въ себѣ правительство Департамента, которое съ неутомимою дѣятельностію постарается назирать надъ безопасностію гражданъ; изъ сего-то города будетъ изливаться просвѣщеніе на всѣ части Департамента, гдѣ невѣжество и недостатокъ въ наставленіи часто вовлекали простодушныхъ людей въ пагубныя сѣти искушенія. Торговля процвѣтаетъ на лѣвомъ берегу Рейна; въ Маинцѣ и Кельнѣ произходитъ размѣнъ товаровъ безъ ущербу выгодъ внутренней Франціи. Мануфактуры приходятъ къ совершенству.

Между тѣмъ, какъ наемники Бриттанскаго правительства выхваляютъ силы и богатство Англїи на моряхъ и въ Индїяхъ, между тѣмъ, какъ они кричатъ, что ремесленныя наши заведенїя опустѣли, что работники умираютъ отъ голода и нужды, — промышленность глубоко пускаетъ корни на нашей собственной землѣ, и уже равняется съ Англїйскою во всемъ томъ, чѣмъ прежде наши непрїятели славились. Землепашество разпространяется и прїобрѣтаетъ новые успѣхи; благоразумныя разпоряженїя, въ разсужденїи вывоза и ввоза хлѣба, даютъ земледѣльцу средства получить награду за труды свои, и ручаются, что наши магазейны никогда не будутъ скудны. Видя, какъ ободряются конскїе заводы, смѣло можемъ надѣяться, что будемъ имѣть хорошихъ лошадей; шерстяныя фабрики часъ отчасу приближаются къ совершенству; поля покрыты скотомъ; всѣ части Имперїи наполняются истиннымъ богатствомъ. — Съ прїумноженїемъ богатства, при увѣренности въ личной безопасности, обильнѣе изливаются благодѣянїя. Граждане, побуждаемые Религїею и помня претерпѣнныя несчастїя, благодѣтельствуютъ не для настоящаго только времени, но и для будущихъ поколѣнїй;

они вѣряютъ правительству сокровища, поручая ему исполненіе своихъ завѣщаній. Никогда еще не сдѣлано было столько благочестивыхъ приношеній въ пользу странноприимства и богадѣленъ; никогда страждущее человѣчество не имѣло столь многихъ друзей, а бѣдность такого вѣрнаго пристанища. Благодѣтельныя пожертвованія теперь употребляются съ особливою осмотрительностію, и больницы Парижскія не служатъ, какъ прежде, убѣжищемъ, пагубнымъ для населенія и многолюдства. Отъ того произходитъ, что теперь число нищихъ тридцатью двумя тысячами менѣе, нежели было оно въ 1791 мъ году, и двадцатью пятью тысячами менѣе, нежели въ 10 мъ году Республики. Вѣра воспріяла прежнюю власть свою, но только для блага человѣчества. Благоразумная терпимость ей сопутствуетъ; Священники различныхъ изповѣданій, покланяющіеся единому Богу, оказываютъ другъ другу взаимное уваженіе и препираются только въ исполненіи добродѣтелей. Таково внутреннее состояніе нашего отечества.

Храбрость Французовъ, съ помощію усердія Гишпанцевъ, сохранила намъ Санто Доминго. Мартиника ни во что вмѣ-

няетъ угрозы непріятелей; приверженность ея ко Франціи часъ отчасу усиливается подъ вліяніемъ отеческаго правленія. Гваделупа обогатилась добычами Англійской торговли; Гвіана благоденствуетъ подъ сѣнію дѣятельнаго правительства. Иль-де-Франсъ и ла-Реюніонъ теперь были бы вмѣстилищемъ богатствъ Азійскихъ; Лондонъ мучился бы судорогами и отчаяніемъ, если бы слабость и неопытность не уничтожили остроумнаго плана (*); по крайней мѣрѣ упомянутые острова довольствуются добычами, отнятыми у непріятелей. Наши войска достойны славы, пріобрѣтенной геройскими подвигами. При своей храбрости, при любви къ порядку и повиновенію, они еще пріобрѣли навыкъ къ терпѣнію и безъ ропота ожидаютъ сраженій, ввѣривъ себя благоразумію начальника. Наши солдаты и Офицеры учатся господствовать надъ стихіею, отдѣляющею отъ нихъ ненавистной островъ, предметъ ихъ негодованія. Они своею от-

(*) Рѣчь идетъ объ экспедиціи Контръ-Адмирала Линуа, которой не могъ остановить Англійскаго купеческаго флота, плывшаго изъ Китая съ богатымъ грузомъ. *Изд.*

важностію, своимъ искуствомъ удивляютъ самыхъ опытныхъ мореходцевъ. Наши флоты, безпрестанно упражняясь въ оборотахъ, готовятся къ сраженіямъ и — между тѣмъ какъ непріятельскіе борятся съ вѣтрами и ненастьемъ — безъ малѣйшаго ущерба, заблаговременно привыкаютъ къ побѣдамъ. — Немедленно по начатіи войны мы пріобрѣли Ганноверъ; теперь удобнѣе, нежели когда нибудь, можемъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю. Морскія наши ополченія нынѣ приведены въ лучшее состояніе, нежели въ какомъ находились они за десять лѣтъ прежде; сухопутныя наши войска теперь гораздо многочисленнѣе, гораздо исправнѣе, нежели прежде; они теперь не имѣютъ недостатка въ томъ, что нужно для преодолѣнія враговъ нашихъ. Въ Департаментѣ финансовъ господствуетъ та же дѣятельность, та же исправность въ собираніи доходовъ, тотъ же порядокъ въ управленіи казною; долги государственные почти ничѣмъ не увеличились. Война требовала чрезвычайныхъ издержекъ; но сіи издержки, сдѣланныя внутри Франціи, доставили намъ корабли, пристани, все, что служитъ къ безопасности отечества. Теперь уже не нужны чрезвычайныя издержки; суммы, по случаю нынѣшнихъ военныхъ обстоя-

тельствѣ, будутъ употребляемы въ расходъ съ бережливостїю, которой прежде не позволяли наблюдать поспѣшныя приготовленїя къ нападенїю и защищенїю. Доходы короны достаточны для издержекъ, употребленныхъ на муропомазанїе и коронованїе Наполеона, и для тѣхъ, которыя впредь будутъ употребляемы на украшенїе престола. Пышность Двора не можетъ быть тягостною для народа.

Въ положенїи дѣлъ Европы произошла одна только важная перемѣна. Испанїя наслаждалась спокойнымъ неутралитетомъ, по согласїю Францїи и Великобританнїи; вдругъ учинено нападенїе на ея корабли, и договоръ Амьенскїй нарушенъ противъ Испанїи, равно какъ противъ Францїи. Его Католическое Величество рѣшился принять средства, соотвѣтствующїя достоинству его престола, нарушенной вѣрности и чести народа великодушнаго, имъ управляемаго. — Императоръ Австрїйскїй, повинуясь внушенїю человѣколюбиваго своего характера и соображаясь съ пользою своего народа, хранитъ миръ и печется о приведенїи въ порядокъ государственныхъ сборовъ и издержекъ, о благѣ Провинцїй и объ успѣхахъ торговли. — Италїанская Республика, управляемая по одинакимъ правиламъ съ Францїею, по

примѣру сей Державы, ощущаетъ потребность въ окончательномъ устроенiи, которое утвердило бы выгоды общежитiя для настоящаго и для будущихъ поколѣнiй. Наполеонъ, соединенный съ Республикою тѣсными узами, по долгу своему, въ качествѣ Президента и основателя сего Государства, оправдаетъ ея довѣренность и утвердитъ ея независимость, не теряя однакожъ изъ виду пользы Французскаго народа, которому оная Республика обязана бытiемъ своимъ, и соглашая выгоды обоихъ дружественныхъ народовъ съ выгодами Державъ сопредѣльныхъ. Сiи перемѣны, которыхъ требуетъ воля одного народа и польза всѣхъ прочихъ, наконецъ уничтожатъ нелѣпыя клеветы; тогда не станутъ уже обвинять Францiю, которая сама для себя назначила границы; не станутъ, говорю, обвинять Францiю въ томъ, что она разпространяетъ свои предѣлы. — Гельвецiя спокойно пользуется благодѣянiями своего уложенiя, мудростiю своихъ согражданъ и нашею дружбою. — Батавiя изнемогаетъ подъ бременемъ Олигархiи, безъ единодушiя въ своихъ намѣренiяхъ, безъ могущества, безъ любви къ отечеству. Ея колонiи въ другой разъ преданы въ руки Англичанъ безъ малѣйшаго сопротивленiя;

но народъ Батавскій бодръ духомъ, бережливъ и благонравенъ; ему недостаетъ только правительства мудраго, твердаго, одушевленнаго любовію къ отечеству. — Король Прусскій во всѣхъ случаяхъ обнаруживаетъ свою дружбу ко Франціи, а Наполеонъ съ своей стороны не пропускаетъ ни одного для утвержденія прочности такого счастливаго согласія. — Курфирсты и всѣ Члены Германическаго корпуса съ вѣрностію сохраняютъ приверженность и дружбу ко Франціи. — Данія продолжаетъ сообразоваться съ правилами Политики мудрой, истинной и умѣренной. — Турція непостоянна въ своей политикѣ; побуждаемая страхомъ, она слѣдуетъ системѣ, противной собственнымъ выгодамъ. Пожелаемъ, чтобы она, чрезъ потеряніе своего бытія, не узнала, что боязнь и нерѣшительность опаснѣе войны самой несчастной, и что онѣ ускоряютъ паденіе Имперій! — Предпріятія Англіи для насъ не страшны: Франція утвердилась на своемъ основаніи; будучи сильною своимъ единодушіемъ, своимъ богатствомъ, храбростію своихъ защитниковъ, она станетъ хранить союзныя постановленія съ дружественными народами и не устрашится угрозъ непріятельскихъ. — Когда Англія

увѣрится въ ничтожности своихъ усилій нарушить миръ на твердой землѣ; когда узнаетъ она, что безразсудно предпринятая война служитъ къ ея вреду, и что Франція не приметъ никакихъ другихъ условій, кромѣ содержащихся въ трактатѣ Амієнскомъ, и никогда не согласится на присвоеніе Мальты Англіею, въ противность договорамъ; въ то время Англія обратится къ миролюбивымъ намѣреніямъ. Вражда и ненависть скоро проходятъ.

(*Изъ Монитера.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Задача рѣшена. Страшный Бонапарте, обладатель тридцати пяти милліоновъ подданныхъ, повелитель пяти сотъ тысячь воиновъ, угрожавшій Англіи завоеваніемъ, *просилъ мира* у Георга III, и получилъ отвѣтъ весьма неудовлетворительный; по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ удовольствіе въ письмѣ къ Королю Англійскому назвать его любезнымъ своимъ братцомъ. Г. Талейранъ, Министръ внѣшнихъ дѣлъ, въ

4 й день Февраля объявилъ Сенату о сдѣланныхъ мирныхъ предложеніяхъ со стороны Франціи и объ отзывѣ Англійскаго правительства. Сенатъ опредѣлилъ поблагодарить Г-на Бонапарте за сообщеніе столь важнаго произшествія. Г. Нёвшато, Президентъ, въ рѣчи своей къ Сенаторамъ говорилъ между прочимъ, относительно къ сему предмету: „Ни одинъ Французъ не можетъ читать безъ глубокаго чувства и умиленія письма, которое Наполеонъ писалъ къ Королю Англійскому во 2 й день Генваря мѣсяца. Если бы Георгъ III сдѣлалъ Наполеону мирныя предложенія, то легко могло бы статься, что онѣ были бы приняты въ дурную сторону; ибо Англія начала войну. Прежде говорили, что съ Республикою не льзя вступать въ переговоры. Но теперь настали другія обстоятельства, и Франція получила правленіе наслѣдственное. Наполеонъ, пожалѣлъ бы, еслибъ его предупредили въ правилахъ умѣренности. Важность сего, достойнаго вѣчной памяти письма еще болѣе усугубляется эпохою, въ которую оно написано. Это случилось во 2 й день Генваря, при всеобщихъ поздравленіяхъ съ новымъ годомъ, скоро послѣ совершенія мѵропомазанія и коронованія, скоро послѣ того времени, когда на Мар-

совомъ полѣ Наполеонъ обозрѣвалъ страшныя свои ополченія; тогда его человѣколюбіе занималось великою мыслію о благѣ обоихъ народовъ. Мысль великая, прямо царская: забыть всѣ огорченія; попрать ногами праведное свое негодованіе, не внимать гласу оскорбленнаго самолюбія, и счастливую эпоху возшествія на престолъ освятить всеобщимъ миромъ! Наполеонъ угадалъ желаніе всѣхъ Французовъ. Не льзя сумнѣваться, что сей поступокъ возбудилъ благоговѣніе въ сердцахъ самихъ Англичанъ. Письмо Наполеоново въ Парижѣ, Лондонѣ и Мадритѣ будутъ читать съ одинакимъ чувствомъ. Достойно примѣчанія, что Лондонской Кабинетъ въ отвѣтѣ своемъ не упоминаетъ о Британской націи. Англичане совсѣмъ не имѣютъ причины вести войну. Цѣль ея, если вѣрить словамъ Лорда Мюльграва, есть — вольность твердой земли. Но кто проситъ ихъ защищать ее? Положимъ, что вольность сія находилась бы въ опасности; не уже ли Европа почла бы себя спокойною, будучи подъ защитою островитянъ?" и проч.

Папа и Г. Бонапарте готовились къ отъѣзду изъ Парижа; но по новѣйшимъ извѣстіямъ видно, что сіе путешествіе отложено до нѣкотораго времени. Кажется, что въ планѣ объ устроеніи новаго Лом-

бардскаго Королевства произошли нѣкоторыя перемѣны; ибо сперва говорили, что Іосифъ Бонапарте назначенъ Королемъ; потомъ пронеслась молва, что самъ Наполеонъ приметъ сіе достоинство и будетъ въ другой разъ коронованъ. Послѣднее казалось несомнительнымъ, потому что отряды гвардіи выступили-было въ походъ въ Италію; теперь однакожъ извѣстно, что они были остановлены въ разстояніи сорока миль отъ Парижа, и скоро получили повелѣніе идти въ Ліонъ. До сихъ поръ все, относящееся до сего предмета, основано на догадкахъ; нѣкоторые утверждаютъ даже, что Лудовикъ Бонапарте будетъ Королемъ Италіянскимъ; другіе, что достоинство сіе достанется его старшему сыну, и что Лудовикъ, до совершеннолѣтія сего послѣдняго, будетъ только Правителемъ Королевства. Есть люди, которымъ хочется думать, что новая корона назначается — для Короля Сардинскаго. Столь различные слухи доказываютъ только то, что еще ничего не положено рѣшительно. Будемъ ожидать событія важныхъ произшествій и упомянемъ о случившихся. Г. Бонапарте письменно далъ знать своему Сенату въ 19й день Плювіоза, что онъ зятя своего, Маршала Мюра, и пасынка, Генерала Богарноа, *возвелъ въ де-*

ноинство Принцевъ, наименовавъ перваго великимъ Адмираломъ Имперіи, а другаго Государственнымъ Архиканцлеромъ Имперіи. Сенатъ посылалъ депутацію для поздравленія Г-на Мюра, при чемъ Г. Нёвшато произнесъ привѣтственное слово. Богарноа теперь находится въ походѣ, предводительствуя отрядами гвардіи, выступившими изъ Парижа.

*

Англійскій Король 15го Генваря открылъ засѣданія Парламента произнесенною съ трона Рѣчью. Г. Диллонъ немедленно предложилъ о поднесеніи Его Величеству благодарственнаго адресса. Г. Чарль Адамъ настоялъ на предложеніе и говорилъ: „Никогда силы наши и оборонительныя разпоряженія не были въ такомъ уваженіи, какъ нынѣ. Мы не только удержали непріятелей отъ нападенія на насъ, но заперли всѣ ихъ гавани отъ Текселя до Адріатическаго моря. Въ Испаніи, предводимой своею союзницею, мы получили новаго непріятеля. Дальнѣйшее снизхожденіе противъ Испаніи должно бы почесться преступленіемъ. Послѣ того, что она сдѣлала, намъ не оставалось другаго средства, какъ силѣ противупоставить силу.“ — Слушайте! слушайте! вскричалъ Канцлеръ Казначейства. — „Я не хочу про-

пивиться," подхватилъ Г. Фоксъ: „предложенію объ адрессѣ благодарственномъ, однакожъ долженъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о Рѣчи Королевской. Тамъ упомянуто было, что Его Величество на мирныя предложенія Франціи не можетъ отвѣчать рѣшительно, пока не получитъ мнѣнія о семъ дѣлѣ отъ Державъ твердой земли, съ которыми онъ имѣетъ тѣсныя связи. Но мы ничего не знаемъ о сихъ связяхъ; слѣдовательно не можемъ одобрить предлагаемой надобности совѣтоваться съ Державами, которыя съ нами не въ союзѣ. Если бы мы желали мира, то, не давая неопредѣленнаго отвѣта, прямо приступили бы къ переговорамъ. Франціи упрекаемъ въ сдѣланныхъ ею насильствахъ на твердой землѣ и въ нарушеніи народнаго права. Не спорю, что были происшествія, о которыхъ пожалѣетъ другъ человѣчества. Но можемъ ли мы дѣлать упреки въ то время, когда насъ самихъ обвиняютъ въ томъ, въ чемъ трудно оправдаться, а именно, что мы до объявленія войны захватили Испанскіе фрегаты? Наши выгоды и наша должность предписываютъ намъ удаляться отъ насильственныхъ поступковъ. Тогда мы вознеслись бы выше обыкновеннаго. Сверьхъ того, я въ благодарственномъ адрессѣ не вижу статьи

объ увольненіи Ирландскихъ Католиковъ. Въ этомъ виновны новые Министры, потому что прежніе обѣщались освободить Католиковъ. Но Министры часто перемѣняютъ свои лица. Впрочемъ самымъ лучшимъ защищеніемъ Ирландіи было бы единодушіе и общая любовь народа къ правительству." — Питтъ говорилъ: „Безопасность Британской націи существенно зависитъ отъ состоянія дѣлъ на твердой землѣ; слѣдственно необходимо надлежало о мирныхъ предложеніяхъ Франціи снестись съ дружественными Державами твердой земли, а особливо съ Россіею. Болѣе объ этомъ говорить нѣчего. Если Парламентъ узнаетъ обстоятельнѣе о всѣхъ бумагахъ и сношеніяхъ съ Испаніею, тогда увидитъ, что, овладѣвъ Испанскими фрегатами, мы не удалились отъ системы умѣренности. Его Величество, поступая по праву войны, въ то же время показалъ, что помышляетъ о средствахъ къ примиренію. Объ увольненіи же Ирландскихъ Католиковъ не слѣдовало бы упоминать, какъ о вещи, не принадлежащей къ Королевской Рѣчи. Теперь не время заниматься имъ." Г. Виндамъ равнымъ образомъ говорилъ къ Членамъ; потомъ единодушно положено благодарить Короля за Рѣчь Его.

Лордъ Аддингтонъ, наименованный отъ Короля Вицеграфомъ Сидмутомъ, получилъ новый знакъ милости своего Государя. Онъ пожалованъ Лордомъ Президентомъ Тайнаго Совѣта на мѣсто уволеннаго Герцога Портланда.

Въ 4мъ нумерѣ Вѣстника Европы на страницѣ 289 й ошибкою напечатано: нынѣшними Нѣмцами; надлежитъ читать: *Нѣмцами.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1805.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Завѣщаніе. Достопамятный Анекдотъ Историческій.

Реньяръ, славный Французскій Стихотворецъ, написалъ комедію, подъ названіемъ: *Наслѣдникъ по завѣщанію* (le Legataire), которой основаніемъ послужило одно истинное произшествіе, случившееся задолго передъ тѣмъ въ Римѣ и извѣстное весьма немногимъ людямъ. Тогда опасно было разглашать о дѣлѣ, въ которомъ Іезуиты, бывшіе въ великой силѣ, имѣли участіе. Анекдотъ сей крайне занимателенъ; по случаю же возстановленія Іезуитскаго Ордена онъ принадлежитъ къ нашей современной Исторіи.

Антоній Францискъ Готіотъ д'Ансіеръ, родился въ провинціи Франшъ Конше, въ которой находились его помѣстья. Чтобы обратить на себя вниманіе Отцевъ Іезуитовъ, надлежало только быть богатымъ и холостымъ старикомъ; д'Ансіеръ былъ точно въ такихъ обстоятельствахъ; слѣдственно Іезуиты города Безансона, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе, не забыли употребить никакихъ средствъ для пріобрѣтенія дружбы его и — имѣнія. Г. д' Ансіеръ въ 1626мъ году вздумалъ побывать въ Римѣ; честные отцы Безансонскіе увѣдомили честныхъ отцевъ Римскихъ о невинныхъ умыслахъ своихъ на имѣніе Г-на д' Ансіера, и совѣтовали имъ обойтись съ путешественникомъ какъ можно благосклоннѣе. Нашъ провинціалъ былъ принятъ въ Римѣ самымъ отличнымъ образомъ. Онъ скоро потомъ занемогъ, и по неотступной прозьбѣ своихъ гостепріимцевъ перешелъ къ нимъ на квартиру въ домъ, такъ называемый Великаго Іисуса, гдѣ жилъ самъ Генералъ Общества. Болѣзнь часъ отъ часу усиливалась; Г. д' Ансіеръ умеръ и — что казалось всего несноснѣе для Іезуитовъ — умеръ, не успѣвши сдѣлать духовнаго завѣщанія.

Братство пришло отъ того въ крайнее уныніе. По счастію, одинъ Іезуитъ,

догадливой и проворной, жившій долгое время въ Безансонѣ, видя общую печаль, предпринялъ утѣшить своихъ собратій. Его изобрѣтательный умъ тотчасъ нашелъ средство помочь въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ по видимому не льзя было надѣяться успѣха. Смиренный Іезуитъ увѣдомляетъ своихъ товарищей, что онъ зналъ во Франшъ-Конте одного откупщика, котораго голосъ такъ походилъ на голосъ покойника, что всѣ принимали его за самаго д' Ансіера. Лучь надежды оживилъ отцевъ Іезуитовъ; они согласились — не разглашая о смерти неблагодарнаго, отправившагося въ другой свѣтъ, не разсчитавшись въ здѣшнемъ съ своими благосклонными хозяевами — послать за откупщикомъ, котораго Судьба назначила быть для нихъ полезнымъ въ семъ важномъ обстоятельствѣ.

Этотъ человѣкъ назывался Денисъ Эврарь; онъ содержалъ на откупѣ небольшую мызу, принадлежавшую самому Г-ну д' Ансіеру и находившуюся въ деревнѣ Монтферранъ, не далеко отъ Безансона. Какимъ образомъ заставить его рѣшиться на путешествіе? Братъ Іезуитъ выдумалъ средство къ тому, и самъ взялся произвести его въ дѣйство. Онъ отправляется во Франшъ-Конте, находитъ Дениса Эврара

и тайно требуетъ отъ него клятвы не открывать никому, ниже своей женѣ, того, что услышитъ отъ Іезуита. Потомъ говоритъ ему, что Г. д' Ансьеръ жестоко занемогъ въ Римѣ и желаетъ сдѣлать духовное завѣщаніе, но что, имѣя необходимую надобность сперва видѣться съ нимъ Эвраромъ для сообщенія ему какихъ-то важныхъ дѣлъ, проситъ его пріѣхать въ Римъ и обѣщаетъ за трудъ сей наградить самымъ щедрымъ образомъ. Откупщикъ тотчасъ соглашается на предложеніе и, не говоря никому о своемъ отъѣздѣ, отправляется съ Іезуитомъ въ Римъ, прямо въ домъ Великаго Іисуса.

Лишь только Денисъ Эвраръ вошелъ въ комнату, какъ два Іезуита встрѣтили его слѣдующими словами, болѣзненнымъ голосомъ произнесенными: „Ахъ! любезной другъ! вы опоздали: Г. д' Ансьеръ умеръ. Какая потеря для насъ и для васъ! Онъ хотѣлъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи оставить вамъ мызу въ Монтферранѣ, а прочее имѣніе отказать отцамъ Іезуитамъ Безансонскимъ. Теперь все пропало.“ Пріѣзжему отвели комнату для отдохновенія и оставили его наединѣ заниматься размышленіями.

На другой день одинъ изъ Іезуитовъ, встрѣтившихъ гостя наканунѣ, пришелъ

посѣтить его и завелъ разговоръ о томъ же предметѣ. „Знаете ли что, любезной Г. Эвраръ?“ сказалъ онъ откупщику: „мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль. Покойный д' Анеїеръ хотѣлъ отказать по завѣщанїю вамъ Монтферранскую мызу, а намъ прочее свое имѣнїе. Вы согласитесь со мною, что онъ былъ полной господинъ своихъ помѣстьевъ и имѣлъ законное право разполагать ими по своей волѣ; слѣдственно мы можемъ почитать сїе имѣнїе дарованнымъ намъ отъ Господа Бога. Недостаетъ только формальнаго завѣщанїя; но эту бездѣлицу не трудно поправить. Я примѣчаю, что вашъ голосъ совершенно походитъ на голосъ покойнаго д' Ансїера; вамъ ничего не стоитъ лечь на постелю и заставить по словамъ вашимъ написать духовное завѣщанїе, сообразно съ волею покойника. Разумѣется, что не забудете упомянуть и о мызѣ.“

Откупщикъ охотно согласился на предложенїе Богослова. Отецъ Іезуитъ, которой освѣдомился о всѣхъ подробностяхъ, принадлежащихъ до имѣнїя покойникова, много разъ заставлялъ Эврара твердить и повторять ролю, для него назначенную. Наконецъ, когда откупщикъ довольно успѣлъ въ своемъ упражненїи, ему велѣно было лечь на постелю; призвали Нотарї-

уса и пригласили двухъ почетныхъ жителей изъ провинціи Франшъ-Конте, Парламентскаго Совѣтника и Катедральнаго Каноника, случившихся на ту пору въ Римѣ, прося ихъ отъ имени Г-на д'Ансіера быть свидѣтелями при завѣщаніи. Замѣтить должно, что обѣ упомянутыя особы часто приходили посѣщать Г-на д'Ансіера, и всегда получали отказъ, что больной не можетъ принять ихъ.

По прибытіи Нотаріуса и свидѣтелей, мнимый умирающій, закутавшись на постелѣ, которой занавѣсы почти совсѣмъ были задернуты, имѣя на головѣ большой колпакъ и лежа обернувшись къ стѣнѣ, произнесъ нѣсколько словъ къ двумъ землякамъ своимъ; потомъ приступили къ дѣлу.

Послѣ обыкновеннаго предисловія, завѣщатель уничтожаетъ всякую духовную, которая могла быть имъ сдѣлана прежде, и которая можетъ быть сдѣлана впредь, если она не начинается словами: Ave, Maria, gratiâ plena, т. е. *Богородице Дѣво, радуйся благодатная.* Онъ назначаетъ мѣсто своего погребенія въ церкви преподобныхъ отцевъ Іезуитовъ Римскихъ, съ позволеніемъ и согласіемъ преподобнаго отца Генерала; даетъ и завѣщаетъ по пятидесяти франковъ каждому обществу бѣдныхъ людей при церквахъ въ Безансонѣ,

сверхъ того назначаетъ неважную денежную сумму и картину одному изъ своихъ родственниковъ.

„*Равнымъ образомъ*", продолжаетъ мнимой больной, даю и отказываю по духовной Денису Эврару, моему откупщику, мызу Монтферранскую со всѣми принадлежностями." — При сихъ послѣднихъ словахъ, Іезуитъ, сидѣвшій у постели больнаго, крайне изумился, видя, что актеръ прибавляетъ отъ себя слова, которыхъ совсѣмъ не было въ его ролѣ. Послѣдователь Св. Игнатія далъ замѣтить завѣщателю, что *принадлежности* вещь немаловажная, потому что подъ симъ словомъ разумѣть должно *мѣльницу, рощу и ежегодныя подати*; но больной не соглашался отмѣнить ни одного слова, утверждая, что онъ весьма много обязанъ своему любезному откупщику.

„*Равнымъ образомъ* даю и завѣщаю упомянутому Денису Эврару мой виноградной садъ, лежащій на берегу Масона и простирающійся на восемдесятъ десятинъ." — Преподобный отецъ снова сдѣлалъ свое замѣчаніе, и получилъ отъ завѣщателя прежній отвѣтъ.

„*Равнымъ образомъ* даю и завѣщаю упомянутому Денису Эврару тысячу ефимковъ, которые онъ можетъ получить изъ

доходовъ, собираемыхъ съ моихъ помѣстьевъ, а недоплаченныя имъ деньги за наемъ Монтферранской мызы оставляю безъ взысканія." — Іезуитъ, терзаемый досадою, опять началъ-было противорѣчить; но больной, перебивъ его, продолжалъ:

„*Равнымъ образомъ* даю и завѣщаю пять сотъ франковъ дитяти племянницы упоминаемаго Дениса Эврара; потому что сіе дитя мнѣ не чужое."

Преподобный отецъ не могъ выговорить ни одного слова отъ чрезмѣрнаго гнѣва. Наконецъ завѣщатель объявилъ, что „достальное имѣніе свое сполна отказываетъ отцамъ Іезуитамъ Безансонскимъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они Іезуиты по сдѣланному плану построили церьковь съ часовнею во имя Св. Антонія и Св. Франциска, патроновъ умирающаго, и въ часовнѣ ежедневно отправляли Божію службу за упокой души основателя."

Таково было завѣщаніе, послужившее образцомъ завѣщанію Криспинову, и безъ сомнѣнія столь же забавное, какъ послѣднее. Однакожъ Г. д' Ансіеръ не ожилъ, подобно Геронту (*). На другой день разгла-

(*) Криспинъ и Геронтъ суть имена дѣйствующихъ лицъ въ Реньяровой комедіи

вили объ его смерти; завѣщаніе объявлено было въ присутственномъ мѣстѣ въ Безансонѣ, и Іезуиты вступили во владѣніе оставленнымъ наслѣдствомъ.

Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, Денисъ Эврарь впалъ въ болѣзнь; предвидя близкой конецъ свой и чувствуя угрызенія совѣсти, онъ открылъ духовнику произшествіе, случившееся въ Римѣ. Священникъ, которой не учился морали Іезуитовъ, представилъ умирающему всю важность его преступленія, и потребовалъ, чтобы онъ въ присутствіи Нотаріуса, судьи и многихъ свидѣтелей объявилъ подробно и обстоятельно все, что ни произходило между имъ и Іезуитами по сему предмету, и не только возвратилъ бы законнымъ наслѣдникамъ Г-на д'Ансіера присвоенное имѣніе, но даже отказалъ бы имъ свое собственное. Отреченіе отъ неправедно присвоеннаго имѣнія сдѣлано было по законному порядку. Скоро потомъ Эврарь умеръ.

Наслѣдники д'Ансіера, получивъ столь неоспоримыя доказательства, подали въ Безансонской судъ прошеніе объ уничтоженіи ложнаго завѣщанія, и выиграли тяжбу. Іезуиты перенесли дѣло на аппелляцію въ Дольскій Парламентъ, и не могли оправдаться. Оставалось употребить одно сред-

ство, то есть перенести тяжбу на аппелляцію въ верховное Судилище Бриссельское, потому что Франшъ-Конте, бывъ тогда во владѣніи Короля Испанскаго, зависѣло отъ Фландрскаго правительства. Въ семъ послѣднемъ Судилищѣ Іезуиты, съ помощію разныхъ происковъ и общаго довѣрія къ себѣ, одержали верхъ; оба прежнія рѣшенія были уничтожены; преподобные отцы удержали при себѣ имѣніе, которымъ до того времени спокойно пользовались. И теперь еще надъ фронтисписомъ церкви, при Безансонской Коллегіи находящейся, видна надпись: Ex munificentiâ Domini d'Ancier, *отъ щедраго даянія Г-на д'Ансіера.*

Нѣтъ сомнѣнія, что Реньяръ, которой много путешествовалъ въ молодыхъ лѣтахъ, узналъ о семъ анекдотѣ. Вѣроятно, что онъ слышалъ о немъ будучи въ Бриселѣ въ 1681 мъ году, когда странной этотъ процессъ былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, потому что всѣ жители города, имѣвшіе отъ роду отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ, были свидѣтелями сего дѣла. Стихотворецъ, сочинивши свою комедію: *Наслѣдникъ по завѣщанію*, имѣлъ осторожность не открывать никому, откуда онъ взялъ содержаніе; въ то время Іезуиты были весьма сильны. Слѣдственно благоразуміе требовало скромности отъ

Сочинителя; а преподобные отцы съ своей стороны не почитали нужнымъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и брать на свой счетъ насмѣшки театральнаго Писателя.

Однакожъ, кажется, что Реньяръ не выдавалъ себя за изобрѣтателя анекдота, или по крайней мѣрѣ не всѣ почитали его изобрѣтателемъ. Это видно изъ одного мѣста, въ *Карманномъ Словарѣ театральномъ*, гдѣ между прочимъ подъ статьею: *Наслѣдникъ по завѣщанію*, сказано: „Увѣряютъ, что истинное событіе послужило содержаніемъ сей комедіи.“ Но произшествіе сіе извѣстно только въ Безансонѣ, гдѣ всѣ безъ исключенія о немъ знаютъ.

(*Изъ Франц. Журн.*)

II.

Парижскій Аѳеней, прежде бывшій Лицей Республиканскій.

Въ семъ Институтѣ съ Ноября мѣсяца начинается преподаваніе публичныхъ лекцій. Для тѣхъ, которые не слыхали о немъ, или забыли, упоминаемъ, что назадъ тому двадцать лѣтъ многіе отличные мужи согласились учредить близь Пале-Ройяль среди самаго города неза-

висимое заведенїе, въ которомъ для занятїя праздныхъ людей находились бы: комнаты для чтенїя и для бесѣды, Кабинеты физическїй и химическїй, и преподавались бы публичныя лекцїи. Особое зданїе нарочно для сего было назначено, и всѣ принадлежности разположены въ такомъ порядкѣ, которой ручается за полезность обширныхъ намѣренїй, занимавшихъ людей благомыслящихъ прежде и во время революцїи. Въ самомъ дѣлѣ Кабинеты физическїй и химическїй отличаются своимъ великолѣпїемъ, хотя присмотръ за ними бываетъ не всегда рачительный; библїотека не обширна, но наполнена избранными сочиненїями. Управленїе Аѳенеемъ возлагается на выбираемыхъ Членовъ, безденежно исполняющихъ свою должность; не смотря на то ежегодныя издержки простираются до 40,000 ливровъ. Каждой Членъ платитъ по подпискѣ въ годъ отъ 4хъ до 5 луидоровъ. Сумма употребляется на освѣщенїе и отопленїе дома, на Журналы, на услугу, а особливо на почетную плату славнѣйшимъ Парижскимъ Профессорамъ, въ числѣ которыхъ, какъ извѣстно, находился покойный Лагарпъ. Институтъ бываетъ открытъ отъ девяти часовъ по утру до одиннадцати по полудни; лекцїи преподаются по два раза ежедневно. Въ передней комнатѣ продаютъ

разныя новости и книги. Во время, остающееся отъ слушанія лекцій, люди всѣхъ званій, а особливо не слишкомъ достаточные, собираются въ *комнатѣ для бесѣды* (гдѣ, скажемъ мимоходомъ, нѣтъ недостатка въ термометрахъ, барометрахъ, вѣтроуказателяхъ и проч.), проводятъ часы въ невинныхъ разговорахъ о погодѣ и Политикѣ, съ пріятною увѣренностію въ душѣ своей, что нѣсколько ротозѣевъ восхищаются ихъ разсужденіями. Не льзя не замѣтить, что сіе заведеніе устояло во время свирѣпствованія революціонной бури. Въ публичномъ засѣданіи нынѣшняго года читано было дурное похвальное слово Лагарпу, слѣпленное изъ однихъ защищеній и напоминавшее только одни заблужденія Лагарповы. Теперь мѣсто его занимаетъ Виже, не имѣющій ни вкуса, ни дарованій своего предмѣстника; Виже не могъ, подобно ему, наблюдать ходъ и успѣхи Литтературы. Его Исторія Словесности не имѣетъ никакого плана; его декламація нѣсколько принужденная, которая приличествовала ему въ молодыя лѣта, особливо нравится женщинамъ; онъ выбираетъ хорошіе стихи для своихъ лекцій, и это привлекаетъ къ нему слушателей. Сикаръ изрѣдка читаетъ о предметахъ Философской Грамматики, но въ его лекціяхъ нѣтъ ни пріятности, ни

глубокомыслія; рѣдкое появленіе на каѳедрѣ и опыты надъ глухими и нѣмыми дѣлаютъ его занимательнымъ. Робертсъ изъясняетъ Англійскихъ, а Болдони Италіянскихъ трудныхъ Авторовъ. Въ другомъ отдѣленіи, многоученый Гассенфрацъ толкуетъ Технологію, Кокеберъ Монбре — Физическую Географію, Мирбель, молодой искусной Ботаникъ — Физіологію растеній, остроумный Віотъ — Физику, Фуркруа, а въ отсутствіе его Тенаръ — Химію, и Кювье — Натуральную Исторію. Фуркруа и Кувье, послѣ Виже, болѣе всѣхъ имѣютъ слушателей. Виже, по примѣру Лагарпа, читаетъ изъ тетради, хотя не такъ просто, но съ такою пріятною выразительностію, что заставляетъ слушать себя съ удовольствіемъ. Фуркруа говоритъ краснорѣчиво не приготовясь; онъ всегда обиленъ матеріею, а особливо словами и выраженіями; слушатели восхищаются его умомъ, богатымъ и блестящимъ, даже въ то время, когда онъ ничего новаго не объясняетъ. Лекціи Г-на Кювье глубокомысленны; онъ говоритъ медленно и обдумываетъ, такъ что слушатель имѣетъ время совершенно понимать каждое слово въ собственномъ, или дальнѣйшемъ его знаменованіи. Если бъ въ лек-

ціяхъ Г-на Кювье не было того, что называютъ мыслями, то его толкованіе было бы утомительно; но красоты, ученость, выборъ словъ и основательность возбуждаютъ вниманіе въ слушателяхъ; если бъ онъ говорилъ скорѣе, то не льзя было бы успѣвать за нимъ слѣдовать. О Г-нѣ Фуркруа напротивъ того можно сказать, что медленность въ произношеніи сдѣлала бы скучнымъ его изъясненіе, и что, стараясь быть глубокомысленнымъ, онъ казался бы принуждаемымъ; Французы вообще довольны его краснорѣчіемъ. Фуркруа однимъ быстрымъ взглядомъ обозрѣваетъ предметъ свой, Кювье разсматриваетъ его медленно и съ размышленіемъ. Виже имѣетъ *только* дарованіе, такъ точно, какъ и Женгенъ, котораго лекціи объ Исторіи Словесности надѣлали было много шума; оба они, по видимому, знаютъ нѣкоторыя подробности своего дѣла, но не могутъ обнять его въ *цѣломъ*, и кажется, недавно начали упражняться, не смотря на то, что въ послѣднемъ видно болѣе знаній и дарованія. Изящная Словесность, критика ея и Исторія дозволяютъ Профессору украшать лекціи свои блескомъ остроумія; но въ другихъ наукахъ требуется болѣе истины, нежели блеска; Фуркруа и Кювье оба сіи способа упо-

требляютъ въ свою пользу. — Не упоминая о прочихъ менѣе извѣстныхъ преподавателяхъ, почитаю нужнымъ сказать, что Аѳеней Парижскій по многимъ причинамъ заслуживаетъ вниманіе путешественниковъ, и что въ немъ не трудно познакомиться съ лучшими Учеными и видѣть предметы любопытства, занимающіе просвѣщеннѣйшихъ жителей столицы.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Двѣ Весты.

(Окончаніе.)

Священный огонь горѣлъ днемъ и ночью и требовалъ отъ Весталокъ неусыпнаго надзиранія; по законамъ суевѣрія, погашеніе огня влекло за собою ужаснѣйшія слѣдствія. Нерадѣніе въ семъ случаѣ не имѣло пощады, и преступница неминуемо подвергалась терпѣть удары плетью; но при самомъ наказаніи наблюдаемо было уваженіе къ Жрицамъ. Самъ верьховный Понтифексъ, — который одинъ только имѣлъ неограниченную власть надъ Весталками, одинъ былъ судіею и исполнителемъ своихъ приговоровъ, — священны-

ми руками своими поражалъ виновную, потому что мірскіе люди не достойны были къ ней прикасаться. Фестъ дѣлаетъ замѣчаніе, что обрядъ сей совершался въ темной комнатѣ, что никто изъ посторонних не могъ быть при немъ, и что Весталка въ это время была покрыта тонкимъ полотномъ. Пусть представятъ себѣ Юлія Цезаря, которой былъ верьховнымъ Первосвященникомъ, управляющаго обществомъ молодыхъ дѣвушекъ избранныхъ, слѣдственно прекрасныхъ и любезнѣйшихъ, или принимающаго на себя важной видъ судьи, произносящаго строгой приговоръ и исполняющаго оной!

Если Римляне съ такою рачительностію хранили огонь священный, то еще важнѣйшимъ дѣломъ почитали цѣломудріе Весталокъ. Судя по закону, сдѣланному или вразсужденіи сего предмета, видно, что обѣтъ сей исполнить было весьма трудно. Страхъ казни отвращаетъ отъ преступленій; Римляне употребили сіе средство и опредѣлили смерть Весталкѣ, которая потеряла бы свое дѣвство. Сказываютъ, что они взяли примѣръ сей отъ жителей Альбы; но не извѣстно, какой родъ казни употребляли сіи послѣдніе. Діонисій Галикарнасскій говоритъ, что Рея-Сильвія умерла подъ розгами.

Нума, учредивъ общество Весталокъ, назначилъ смертную казнь нарушительницамъ обѣта цѣломудрія, и приказалъ, безъ дальнихъ обрядовъ и приготовленій, побивать ихъ камнями. Законъ сей въ послѣдствіи времени измѣнился. Фестусъ упоминаетъ объ одной Весталкѣ, осужденной на отсѣченіе головы. Полагаютъ, что обыкновеніе зарывать въ землю Весталокъ живыхъ началось при старшемъ Тарквиніѣ, которой сдѣлалъ многія перемѣны въ ихъ узаконеніяхъ. Весталка Панарія, обличенная въ преступленіи, была такимъ образомъ казнена; ее судили Первосвященники, и съ тѣхъ поръ всѣ дѣла сего рода принадлежали до ихъ вѣдомства. Сіе жестокое обыкновеніе кончилось вмѣстѣ съ орденомъ Весталокъ. Діонисій Галикарнасскій свидѣтельствуетъ, что сперва Римляне, подобно жителямъ Альбы, по наказаніи Жрицъ розгами, зарывали ихъ въ землю. Сенека упоминаетъ объ одной Весталкѣ, осужденной быть брошенною съ вершины утеса.

Судъ производился въ собраніи Жрецовъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Первосвященника. Обвиняемая могла защищаться сама или черезъ стряпчаго. Ее часто призывали передъ священное собраніе, требовали отъ нее отвѣтовъ на пред-

ложенныя вопросныя статьи, и выслушивали съ терпѣнїемъ. По собранїи всѣхъ нужныхъ объясненїй, дѣло рѣшили по большинству голосовъ слѣдующимъ образомъ: каждой жрецъ, написавъ на маленькой доскѣ буквы C или A (condamno или absolvo), то есть оправдываю, или обвиняю, клалъ ее въ корзину; Великїй Первосвященникъ, пересчитавъ дощечки, произносилъ приговоръ.

Въ день, назначенный для совершенїя казни, Глава Религїи, сопровождаемый всѣми Жрецами, приходилъ во храмъ; онъ собственными руками снималъ съ преступницы священныя одежды и повязки, которыми было увито чело ея; потомъ заставлялъ ее цѣловать ея покрывало и приказывалъ одѣвать ее въ погребальную ризу. Несчастную жертву связавъ веревками, клали на носилки, исправно закрытыя со всѣхъ сторонъ, для того, чтобы крики ея не слышны были народу, когда понесутъ на мѣсто казни, которое находилось весьма далеко. Надлежало пройти многїя улицы и главную площадь; шествїе продолжаемо было медленно и въ молчанїи; друзья осужденной провожали ее съ рыданїемъ; весь городъ погруженъ былъ въ мрачное унынїе, почитая день сей злополучнымъ;

никто не смѣлъ показаться на улицѣ, но которой несли преступницу.

Пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась чудесная, построенная Тарквинїемъ плотина — о которой Плинїй говоритъ съ удивленїемъ, и которая иногда служила для погребенїя виновныхъ Весталокъ, иногда для игръ и зрѣлищъ народныхъ, — Первосвященникъ отворялъ носилки, тихо читая нѣкоторыя молитвы, освобождалъ Весталку отъ узъ, и взявъ ее за руку, подводилъ къ могилѣ. Отверстїе могилы было на самой вершинѣ плотины; Весталка сходила по лѣстницѣ въ маленькую продолговато-четвероугольную комнатку; тамъ заставляли ее садиться на приготовленномъ ложѣ. На столикѣ оставляли зажженный свѣтильникъ, нѣсколько масла, молока, воды и хлѣба.

Потомъ, закрывъ отверстїе, засыпали могилу землею такъ, чтобы на верьху не оставалось никакого признака. Римляне по суевѣрїю своему утверждали, что законъ не осуждаетъ Весталокъ на смерть, но только на заключенїе въ могилу, и что Понтифексъ не имѣлъ власти лишать ихъ жизни — какъ будто право тѣлесно наказывать и заключать живыхъ во гробъ должно ни во что ставить.

Въ прочемъ, такія ужасныя казни случались гораздо рѣже, нежели думать можно. Въ продолженіе тысяча-сто-лѣтняго существованія общества, только двадцать Весталокъ обличены были въ преступленіи; нѣкоторыя изъ нихъ избавились отъ казни погребенія. Двѣ Оцеллаты избрали сами родъ смерти; Домиціанъ оказалъ такую же милость Веронилїи; другія сами себя лишили жизни; Каторонія удавилась; Флоронія пронзила грудь свою кинжаломъ. Тринадцать Весталокъ умерли въ могилахъ. Не льзя не удивляться Римскому суевѣрію; народъ, при несчастныхъ случаяхъ, думалъ, что боги на него разгнѣвались. Во время Консуловъ Панарія и Фурія, спрашивали у провѣщателей о причинѣ свирѣпствующей болѣзни между женщинами, а особливо между беременными; отвѣтствовано было, что къ богамъ приближаются нечистые люди; немедленно начали помышлять объ умилостивленіи безсмертныхъ. Одинъ невольникъ донесъ на Весталку Урбинію; тогда искали жертвы, слѣдственно обвиняемая не избѣгла бы казни, хотя въ самомъ дѣлѣ была бы невинною. Другая болѣзнь, почти похожая на первую, обнаружилась въ 477 мъ году, но много спустя по перенесеніи Эскулапа въ Римъ изъ Эпидавра. Зараза свирѣпство-

вала не только надъ беременными женщинами, но даже надъ животными женскаго пола. Это подало Св. Августину поводъ сказать, что Эскулапъ, будучи только врачемъ, а не повивальною бабкою, не могъ помочь Римлянкамъ. Въ сіе время Весталка Сексція принесена была на жертву суевѣрію. Этого мало: Римляне, не удовольствовавшись наказаніемъ виновныхъ, для умилостивленія боговъ своихъ опредѣлили угождать имъ приношеніемъ людей на жертву; что въ слѣдующемъ году случилось въ самомъ дѣлѣ. Флоронія предупредила казнь свою; за то подруга ея Опимія пострадать долженствовала. Войска Республики сражались несчастливо; народъ опредѣлилъ закопать живыхъ въ землю Грека, Гречанку, Галла и Галлянку, для умилостивленія боговъ и для изпрошенія у нихъ побѣдъ надъ врагами.

Удивительно, что при такомъ направленіи умовъ, фанатизмъ, подкрѣпляемый законами, погубилъ только двадцать дѣвушекъ. Можетъ быть, многія изъ Весталокъ заслуживали наказаніе; но онѣ умѣли скрывать свои шалости, и были столь осторожны, что, какъ говоритъ Минуцій Феликсъ, *сама Веста не могла ни въ чемъ подозрѣвать ихъ.*

Не льзя не признаться, что жизнь Весталокъ была несносна, и что слабости ихъ были наказываемы съ звѣрскою жестокостїю; за то уже онѣ пользовались великими преимуществами. Съ той самой минуты, когда жребїй опредѣлялъ ихъ на служенїе Вестѣ, онѣ начинали быть совершенно свободными и принадлежали одной богинѣ. Онѣ имѣли право дѣлать духовныя завѣщанїя при жизни своихъ родителей; получали отъ постороннихъ богатыя наслѣдства; могли по произволу разполагать своимъ имѣнїемъ, продавать его и дарить, кому хотѣли. Нося на себѣ званїе дщерей богини огня или жизни, онѣ имѣли власть прощать виновныхъ, ведомыхъ на казнь, если сїи несчастные попадались имъ на встрѣчу. Въ судилищахъ одно простое объявленїе Весталки почиталось несомнительнымъ свидѣтельствомъ. Вооруженный Ликторъ предшествовалъ имъ, когда онѣ ходили по городу. Консулы и Преторы избѣгали случаевъ съ ними встрѣчаться; если же не льзя было обойтись безъ того, тогда чиноначальники Римскїе приказывали уклонять передъ Весталками топоры и связки, которыя Ликторы предносили имъ въ знакъ ихъ достоинства.

Сїи жрицы пользовались общимъ уваженїемъ, на которое даютъ право му-

дрость и Религія; обыкновенно просили ихъ помощи и заступленія, когда нужно было возстановить согласіе въ семействахъ, примирить непріятелей, защитить обижаемаго и обезоружить притѣснителя. Онѣ ежегодно посѣщали такъ называемаго *Царя жертвоприношеній*, особу, представлявшую первое лицо послѣ великаго Первосвященника, и совѣтовали ему исполнять свою должность съ строгою точностію. Имъ ввѣряли на сохраненіе тайные договоры, самые важные; часто знаменитые граждане отдавали имъ духовныя свои завѣщанія.

Ихъ одежда, въ прочемъ отличная отъ другихъ женщинъ, не была ни печальна, ни отвратительна; видимъ на нѣкоторыхъ медаляхъ, что ихъ головной уборъ состоялъ изъ повязокъ, которыя, не закрывая лица, оканчивались надъ ушами. На бѣлой длинной одеждѣ накинута была багряная мантія, такимъ образомъ, что одна рука оставалась голою до половины. Во время торжественныхъ обрядовъ, онѣ наряжались въ богатыя, щегольскія одежды, и волосы свои убирали съ отличнымъ вкусомъ. Носилки ихъ были великолѣпны; часто видѣли ихъ гуляющихъ по улицѣ или ѣдущихъ въ Капитоліи, въ сопровожденіи множества женщинъ и невольниковъ

Многія изъ нихъ старались принаровлять-ся къ свѣтскому общежитію и казаться разсѣянными. Онѣ могли присутствовать на всѣхъ зрѣлищахъ. Августъ назначилъ имъ особую скамью въ театрѣ противъ скамьи Преторовой. Надобно думать, что сіе мѣсто было въ отличномъ уваженіи; ибо Сенатъ изъ почтенія къ Ливіи опредѣлилъ ей мѣсто на скамьѣ Весталокъ.

Сіе славное общество долгое время процвѣтало; въ правленіе Императоровъ оно находилось на самой вышней степени своего величія. Христіанскіе Императоры, отнявъ у Весталокъ знатную часть ихъ богатства, лишили ихъ многихъ преимуществъ. Ѳеодосій и Гонорій взяли себѣ всѣ имѣнія, которыя прежде были назначены на содержаніе храмовъ и на жертвоприношенія; надобно думать, что и Весталки подпали тому же жребію. Изъ Исторіи не видно, когда уничтожено ихъ общество; вѣроятно, что это случилось въ 389 мъ году, когда Ѳеодосій повелѣлъ затворить языческіе храмы. Общество Весталокъ учреждено на четыредесятомъ году отъ построенія Рима, или на 712 мъ году до Р. Х.; слѣдственно продолжалось тысячу сто одинъ годъ.

(Изъ Фран. Журн.)

IV.

Пышность двора Царскаго въ семнадцатомъ вѣкѣ.

Великолѣпіе Двора свидѣтельствуетъ о народномъ богатствѣ, а богатство служитъ вѣрнымъ доказательствомъ государственной тишины и благоденствія. Истинный Россіянинъ съ пламенною ревностію ищетъ слѣдовъ любезной старины отечественной и торжествуетъ духомъ, встрѣчая въ лѣтописяхъ черты, напоминающія древнее величіе, могущество и славу Россіи. Предупреждая нареканіе въ пристрастіи, выпишемъ изъ иностранныхъ Авторовъ извѣстія о нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, бывшихъ въ употребленіи при Дворѣ Московскомъ.

Царь, получивъ донесеніе о прибытіи иностраннаго Посла къ границамъ Россіи, для встрѣчи его и провожанія до столицы посылалъ отрядъ Стрѣльцовъ. Опредѣленные Приставы обязаны были стараться о доставленіи посольской свитѣ возможнѣйшихъ удовольствій и о предупрежденіи всѣхъ ея потребностей; для сего изъ Царской казны отпускалась знатная денежная сумма. Чужестранный Министръ, находясь въ Россійскихъ владѣніяхъ, не имѣлъ нужды вынимать кошелька своего

до тѣхъ поръ, пока переступалъ за границу, возвращаясь въ отечество.

Когда Посолъ приближался къ Москвѣ, другіе Приставы, знатнѣйшіе прежнихъ, выѣзжали къ нему на встрѣчу съ поздравленіемъ, и для предложенія услугъ своихъ посольству, пока оно пробудетъ въ столицѣ. Иногда при такихъ встрѣчахъ происходили странные споры. Графъ Карлиль, Посолъ Англійскій — отправленный отъ Карла II къ Царю Алексію Михайловичу для переговоровъ о возстановленіи торговыхъ привиллегій, уничтоженныхъ по случаю происшедшихъ въ Англіи смятеній — долго спорилъ съ Приставомъ, кому прежде выходить изъ саней; наконецъ положено было, ступить на землю обоимъ въ одно время. Однакожъ Приставъ перемудрилъ Англичанина: выходя изъ саней, онъ приказалъ людямъ поддержать себя на рукахъ, и не прежде ступилъ на землю, какъ Посолъ, не ожидавшій никакой хитрости, уже стоялъ на ней. Секретарь Графа Карлиля, описавшій путешествіе посольства его къ Сѣвернымъ Дворамъ, жалуется на упрямство Русскаго Пристава, которой поступалъ соображаясь съ обрядами тогдашняго этикета; кажется, что и Посолъ не болѣе правъ: оба они думали, что честь Госу-

даря и націи налагаетъ на нихъ обязанность быть неуступчивыми.

Бояре и знатнѣйшіе чиновники, облитые серебромъ и золотомъ, для встрѣчи Посла выѣзжали за городъ верьхами на коняхъ богатоубранныхъ; серебренныя цѣпи служили вмѣсто поводовъ у узды; чепраки выложены были дорогими камнями. Посланники равнымъ образомъ старались отличиться пышностію уборовъ. Приготовленія къ торжественному въѣзду и самое шествіе столь медленно происходили, что не рѣдко свита въѣзжала въ Москву уже по наступленіи ночи. Тогда городъ освѣщаемъ былъ факелами, и свѣтъ огня, отражающійся отъ золота и дорогихъ камней, придавалъ еще болѣе великолѣпія сему зрѣлищу. Иногда самъ Царь съ супругою и дѣтьми своими скрытнымъ образомъ смотрѣлъ на торжественное шествіе.

По обыкновенію тогдашняго времени, иностранные Послы и чиновники, при нихъ находившіеся, не могли выѣзжать изъ квартиры своей, которая обыкновенно была назначаема въ городѣ Китаѣ, ниже принимать у себя кого-нибудь, до тѣхъ поръ, пока не были у Царя на аудіенціи. Россійскіе Посланники, отправляемые къ Европейскимъ Дворамъ, также не посѣщали знатныхъ особъ, извиняясь, что они не мо-

гутъ быть ни у кого прежде, пока не увидятъ *ясныхъ очей Королевскихъ* (*). Послѣ аудіенціи посольство и свита имѣли свободу гулять по улицамъ Москвы бѣлокаменной, выѣзжать за городъ, забавляться охотою и даже видѣться съ иностранцами. Правда, Дворъ не всегда былъ доволенъ, если посольство часто принимало у себя гостей; а особливо Русскіе почитали для собя дѣломъ непристойнымъ и непозволеннымъ посѣщать ихъ.

Дня за два до аудіенціи Приставъ отъ имени Царя увѣдомлялъ Посланника о на-

---

(*) Въ посольскомъ Наказѣ Дворянину и Намѣстнику — Болховскому Князю Михайлу Петровичу Борятинскому съ товарищи, отправленнымъ въ посольство къ Персидскому Шаху Аббасу 1618 го года, сказано: Если въ какомъ-нибудь городѣ Шаховъ *ближній человѣкъ* велитъ имъ быть у себя, то Князю не ходить къ тому ближнему человѣку, и отвѣчать, что, не бывъ у Шаха и не изправя посольства, имъ ни у кого *быть непригоже*, что Послы Шаха Аббаса, бывшіе у Царскаго Величества, Бояръ и Воеводъ не посѣщали, и что наконецъ, Царское Величество повелѣваетъ дѣлать это, остерегая честь Своего Царскаго Величества и Шахова.

значенномъ времени; въ самой день аудїенцїи по утру, Приставъ въ другой разъ объявлялъ Послу, что Государь Царь желаетъ видѣть его. Свита, болѣе или менѣе многочисленная, смотря по уваженїю къ Государю, котораго Особу представляетъ Посолъ, провожала его въ Кремль. По обоимъ сторонамъ улицы до самой лѣстницы чертоговъ стояли Стрѣльцы вооруженные. Знатнѣйшїй Чиновникъ Государственный съ однимъ Дьякомъ встрѣчалъ Посла внизу лѣстницы; другой чиновникъ также съ Дьякомъ принималъ его вверху на крыльцѣ, а третїй, и обыкновенно Царскїй родственникъ, у дверей Грановитой Палаты. Это называлось: первая, вторая и третья встрѣча. Министрамъ второкласныхъ Державъ дѣлали только по двѣ встрѣчи.

Въ передней горницѣ стояли Дворяне въ парчевыхъ одеждахъ, и почетнѣйшїе купцы съ бѣлыми волнистыми бородами, называемые *гостьми Царскими*. Они одѣты были также въ богатыя парчевыя платья и имѣли на головахъ высокїя шапки соболевыя. Одежда выдавалась имъ изъ казны для торжественныхъ обрядовъ. Стражи Царскїе одѣты были въ богатое бархатное платье, подложенное соболями; шапки ихъ украшены были жемчугомъ и дорогими каменями, даже бердыши ихъ покрыты бы-

ли серебромъ и золотомъ. Посолъ и прочіе, допускаемые предъ лице Государя, должны были оставлять шпаги свои въ передней горницѣ: вооруженнымъ не позволялось входить въ Палату.

Самая зала аудіенціи не представляла взорамъ ничего достопамятнаго, кромѣ богатыхъ ковровъ, которыми она была обита. Въ ней господствовало глубокое молчаніе. Вокругъ сидѣли около двухъ сотъ, иногда и болѣе, Бояръ и знатнѣйшихъ Чиновниковъ, одѣтыхъ въ парчевыя и бархатныя платья, унизанныя дорогими камнями; на головахъ ихъ были шапки изъ мѣховъ черныхъ лисицъ. Не должно удивляться, что Бояре въ присудствіе Государя сидѣли въ шапкахъ; во время могущества Татаръ, Послы Русскіе являлись къ Ордынскимъ Ханамъ съ покрытою головою; сіе обыкновеніе введено было при Дворѣ Великихъ Князей и потомъ Царей Всероссійскихъ. У стѣны противъ дверей возвышался престолъ, на семи или осми ступеняхъ. Онъ былъ вылитъ изъ серебра и вызолоченъ; верьхъ его оканчивался пирамидами. Царь сидѣлъ на тронѣ въ пирамидальномъ вѣнцѣ съ крестомъ на верху, въ одеждѣ, унизанной драгоцѣнными камнями, имѣя въ рукѣ скипетръ. Держава

лежала подлѣ Его на бархатной подушкѣ. По обѣимъ сторонамъ стояли молодые, видные собою люди знатной породы въ бѣлыхъ шелковыхъ одеждахъ и въ бѣлыхъ же коротенькихъ сапогахъ, имѣя на шеѣ по золотой цѣпи, а въ рукѣ по топору серебренному. Они назывались *Рынды*, и выбираемы были въ сїе званїе изъ Стольниковъ, Стряпчихъ и Дворянъ. Г. Новиковъ пишетъ, что они имѣли на головахъ высокїя, черныя лисьи или собольи шапки, и стояли неподвижно, *подобно статуямъ*, не трогаясь никакимъ членомъ и не поворачивая глазъ. Напротивъ того Секретарь Посольства Англїйскаго, Мьежъ, очевидный свидѣтель, именно говоритъ, что четыре стража, стоявшїе передъ престоломъ (при другихъ аудїенцїяхъ ихъ было только по два), отличались тѣмъ, что весь уборъ на нихъ былъ бѣлой, даже сапоги и шапки, и что, смотря попеременно то на Государя, то на посольскую свиту, казалось, давали ей разумѣть желанїе свое, чтобы она удивлялась великолѣпному зрѣлищу.

Иногда Патрїархъ Филаретъ присутствовалъ при аудїенцїи, и сидѣлъ на стулѣ, покрытомъ чернымъ бархатомъ, стоявшемъ въ правой сторонѣ отъ престола; подлѣ его занимали мѣста знатнѣйшїе Архїереи.

По восточному обыкновенїю надлежало являпься къ Царю съ дарами; Посланники въ свою очередь получали отъ Государя богатые подарки. Татарскїе Ханы единственно изъ корыстолюбїя часто отправляли посольства ко Двору Московскому; ихъ Посланники, бѣдно одѣтые, на первой аудїенцїи получали подарки и нарядные кафтаны. Въ бытность Олеарїя въ Москвѣ, прїѣзжали ко Двору семдесятъ два Крымскихъ Татаръ, всѣ въ качествѣ Посланниковъ. Они шли къ Царю на аудїенцїю въ толстыхъ суконныхъ кафтанахъ, а вышли назадъ въ богатыхъ нарядахъ.

Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпїемъ аудїенцїи, ослѣплявшимъ глаза чужестранцевъ. Секретарь Графа Карлиля описывалъ произшествїя слогомъ простымъ; но когда дошло до аудїенцїи, то противъ своей воли онъ долженъ былъ говорить тономъ возвышеннымъ. „Съ нами то же случилось," пишетъ онъ: „что бываетъ съ людьми, вышедшими изъ тмы и ослѣпленными внезапнымъ сїянїемъ солнца; едва могли глаза наши сносить блескъ великолѣпїя, когда мы вошли въ палату. Казалось, что яркость сїянїя, отъ дорогихъ камней изливающагося, спорила съ лучами солнечными, такъ что мы совершенно потерялись въ семъ смѣшенїи блеска и

величія. Самъ Царь, подобно горящему солнцу, излигалъ отъ себя лучи свѣта.“

При чтеніи вѣрительной грамоты каждой разъ надлежало повторять полной титулъ Царскій, гдѣ только упоминалось его имя. Секретарю Графа Карлиля не понравилось такое обыкновеніе; однакожъ Царь Всероссійскій въ титулѣ своемъ употреблялъ имена царствъ и областей, которыя дѣйствительно принадлежали къ Его владѣніямъ, между тѣмъ какъ Великобританскій Король до нашихъ временъ назывался Королемъ Англійскимъ, Шотландскимъ, *Французскимъ* и Ирландскимъ, не владѣя Франціею и не имѣя никакого права на присвоеніе сего Королевства.

Царь допускалъ Пословъ чужестранныхъ и находившихся при нихъ чиновниковъ къ цѣлованію руки своей. Левекъ говоритъ, что Магометане и Идолопоклонники не удостоивались такой чести; однакожъ это кажется намъ сомнительнымъ, потому что Цари иногда дозволяли съ собою обѣдать Посламъ Магометанскимъ, и въ наказахъ Русскимъ Посламъ предписываемо было цѣловать руки у Магометанскихъ Государей.

Царь, допустивъ къ столу своему Пословъ, Патріарха, или какого — нибудь знатнѣйшаго Чиновника государственнаго,

угощалъ ихъ съ отмѣнною пышностїю. У стола служили двѣсти или триста молодыхъ благородныхъ людей, одѣнныхъ въ богатыя платья изъ золотыхъ и серебренныхъ парчей Персидскихъ, съ высокими выложенными жемчугомъ воротниками, и съ золотыми цѣпями на шеѣ. Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Польскїе Послы оцѣпенѣли отъ удивленїя и зависти, увидѣвъ великолѣпїе стола Царскаго, и подарки, назначенные для посольства; въ это время, прибавляютъ лѣтописи, три Татарскїе Царевича, *Урусланъ*, *Урматетъ* и *Меметкулъ*, окружали Царя Бориса. Пышность, съ какою сей Государь угощалъ Датскаго Принца Іогана, нареченнаго своего зятя, превосходитъ вѣроятїе. По прибытїи Принца въ Москву, Царь послалъ къ нему на квартиру кушанье на стѣ большихъ и толстыхъ блюдахъ, покрытыхъ сотнею же другихъ блюдъ; всѣ они были сдѣланы изъ *чистаго золота*; количество чашъ и кубковъ съ напитками соотвѣтствовало числу блюдъ. Аудїенцїя, которую Царь Борисъ далъ своему зятю, представляла зрѣлище очаровательное. Царь и оный Царевичь стояли подъ богатымъ балдахиномъ, въ длинныхъ пурпуровыхъ бархатныхъ мантїяхъ, вынизанныхъ крупнымъ жемчугомъ и дорогими камнями; на

головѣ и на грудяхъ были каменья, совсѣмъ несцѣненныя. Послѣ взаимныхъ дружескихъ привѣтствій, Царь угощалъ Принца обѣденнымъ столомъ въ Грановитой Палатѣ. Царскія кресла сдѣланы были изъ золота, а столъ изъ серебра съ позолоченнымъ подножіемъ. Надъ столомъ висѣла корона съ боевыми часами. Большой столбъ, стоящій среди Палаты, съ верху до низу кругомъ уставленъ былъ золотыми и серебренными кубками, большими чашами, кружками и прочею посудою; въ передней залѣ большія пирамиды уставлены были золотыми же и серебренными чашами и блюдами. Петрей творитъ, что кушанье за столомъ подавали на двухъ стахъ блюдахъ.

(*Продолженіе впредь.*)

V.

Исторія органовъ.

Греки называли *органами* музыкальной инструментъ, составленный изъ многихъ стволовъ или трубъ, издающихъ разные голоса; Римлянамъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ organum pneumaticum, *духовое орудіе*, для отличія отъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Исторія не упоминаетъ, имѣли ли древніе народы ин-

струменты, похожїе на наши органы; знаемъ только, что у Евреевъ, въ царствованіе Давида и Соломона, употребляемо было при священныхъ обрядахъ орудїе, называемое *Гуггабъ*, состоявшее изъ многихъ трубокъ разной величины, правильно и порядочно разположенныхъ. Послѣ плѣненїя Вавилонскаго, а особливо послѣ разрушенїя Храма Іерусалимскаго ничего уже не слышно стало ни о музыкѣ Іудейской, ни объ ихъ орудїяхъ. — Изобрѣтенїе органовъ приписываютъ Архимеду, жившему за два столѣтїя до Рождества Христова. Сей знаменитый художникъ приводилъ въ движенїе мѣхи гидравлическою машиною; не извѣстно, что онъ употреблялъ вмѣсто клавишей, и сколько тоновъ находилось въ его органахъ. Подобное составленїе сего музыкальнаго орудія было употребляемо до шестаго вѣка; послѣ сего уже времени начали стараться объ усовершенствованїи и увеличенїи органовъ; до осьмаго вѣка клавиши состояли только изъ двухъ октавъ. Прежде сей эпохи одни Восточные жители умѣли дѣлать органы. Первое изъ сихъ музыкальныхъ орудїй, появившееся во Францїи, было присланю въ 757мъ году отъ Константина Копронима, Греческаго Императора, Пепину Короткому, находившемуся тогда въ Компьенѣ. Въ

десятомъ вѣкѣ, въ Италіи были уже искусные мастера, дѣлавшіе органы, а въ одиннадцатомъ начали употреблять сіе орудіе въ монастырскихъ церквахъ. Между двенадцатымъ столѣтіемъ и пятнадцатымъ искусство дѣлать органы получило великіе успѣхи въ Германіи. Тогда уже клавиши состояли изъ трехъ октавъ; нѣкто Бернардъ изобрѣлъ педалы въ 1480мъ году. Въ шестьнадцатомъ вѣкѣ органы имѣли по два ряда клавишей, съ четырью октавами и со многими ключами для перемѣны тоновъ. Съ того времени сіе орудіе почитается однимъ изъ главныхъ украшеній для церквей; оно весьма много способствовало къ усовершенствованію музыкальнаго искуства. Надобно признаться, что Музыка — равно какъ Поэзія, Живопись, Зодчество, Краснорѣчіе и вообще Словесность — успѣхами своими одолжена Религіи.

(*Изъ Монитера.*)

VI.

Сельская Элегія.

Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи своей?
Гдѣ размыкать горе горькое свое? —

Сердце, сердце, ты вѣщунъ, губитель мой!
Для чего не льзя не слушать намъ тебя?
Какъ охотникъ пріучаетъ соколовъ,
Пріучаешь ты тоску свою къ себѣ;
Манишь горестъ, безъ того твою родню;
Приласкало грусть слезами ты къ себѣ. —
Вѣйте буйны, легкокрылы вѣтерки,
Развѣвайте кудри черныя лѣсовъ;
Вѣйте вѣсточки съ далекой стороны,
Развѣвайте мою смертную печаль! —
Вы скажите: жить ли бѣдной мнѣ въ тоскѣ! —
Вы скажите: живъ ли милой мой дружокъ?
Долго, долго ждетъ любовь моя его!
Вотъ ужь три года тоскѣ моей минетъ;
Ровно три года, какъ слуху нѣтъ объ немъ;
Нѣтъ ни грамотки, ни вѣстки никакой! —
Ахъ! ужь ли то солнце стало холоднѣй?
Не уже ли то кровь ретива не кипитъ?
Не ужь ли твое сердечко, милой другъ,
Ничего тебѣ о мнѣ не говоритъ? —
Много время, чтобъ состарѣться любви,
Много время позабыть и измѣнить! —
Вѣтеръ дунулъ съ чужой, дальней стороны,
Показалася зарница надъ горой,
Улыбнулася красотка молодцу —
И прости мое все щастье и покой! —
Нѣтъ! не вѣрю я причудамъ всѣмъ своимъ!
Милой другъ мой! твоя дѣвушка въ тоскѣ,
Тебѣ вѣритъ больше, нежели себѣ. —

Знать злощастнымъ намъ такой уже таланъ,
Не дѣлясь душой, дѣлиться ввѣкъ житьемъ;
Знать за тѣмъ-то въ зеленомъ у насъ саду
Два цвѣточка одиночкою росли,
Однимъ солнышкомъ и грѣлись и цвѣли,
Одной радостью питались на земли,
Чтобы вѣтры ихъ далеко разнесли,
Чтобы въ разныхъ разсадить ихъ сторонахъ,
Чтобъ на разныхъ вдругъ засохнуть имъ грядахъ! —
У нихъ отняли послѣдню радость ихъ,
Чтобы вмѣстѣ горевать и умереть. —
Поздно миленькой на родину придёшь;
Поздно, солнышко, на гробъ ты мой блеснёшь!
Я найду уже другаго жениха,
Обвѣнчаюся со смертью безъ тебя.
Самъ ты не хотя меня сосваталъ съ ней! —
Приди, милой другъ, къ могилѣ ты моей!
Ты сорви цвѣтокъ лазоревой на ней.
Онъ напомнитъ, какъ цвѣла я при тебѣ.
Ты оттудова поди въ темны лѣса;
Тамъ услышишь ты кукушку вдалекѣ:
Куковала такъ злощастная въ тоскѣ!
Горесть съѣла всю дѣвичью красоту;
Сердце бѣдное слезами изтекло.
Какъ подкошена травиночка въ лугу,
Вся изсохла я безъ милова дружка! —
Мѣсто всякое не мѣсто для меня,
Всѣ веселья не веселья безъ тебя.

Радабъ я бѣжать за тридевять земель;
Но возможно ли отъ сердца намъ уйти?
Но возможно ли отъ горя убѣжать? —
Оно точитъ стѣны каменны насквозь:
Оно гонится за нами въ самой гробъ! —
Дѣвки просятъ, чтобъ не выла я при нихъ;
Ты лишь портишь наши игры, говорятъ:
На тебя глядя, намъ тошно и самимъ! —
Ахъ! подруженьки! вы не жили совсѣмъ! —
Вы не знаете, и дай Боже не знать,
Горя сладкаго, опаснаго: — *любить!*
Ваше сердце не дѣлилося ни съ кѣмъ!
Въ моемъ сердцѣ половины цѣлой нѣтъ!
Въ моемъ миломъ я любила этотъ свѣтъ!
Въ немъ одномъ и родъ и племя все мое;
Въ немъ одномъ я весела и хороша;
Безъ него млада ни людямъ, ни себѣ. —
Ахъ! когда вы что узнаете объ немъ,
Не таитесь добры люди отъ меня;
Ужь не бойтесь испугать меня ничѣмъ!
Вы скажите правду истинну скорѣй;
Легче знавъ бѣду, однажды умереть,
Чѣмъ не знавъ ее всечасно умирать. —

А. А. А.!

ПОЛИТИКА.

I.

Джеззаръ, Паша Акрскій.

Много было писано о Джеззарѣ, извѣстномъ по своей жестокости, по неуваженію Порты и по осажденію Французами города Акры, въ защищеніи котораго онъ принималъ весьма неважное участіе. Сей тиранъ, къ радости и удовольствію Дивана, умершій въ Маѣ мѣсяцѣ 1804го года, занимаетъ мѣсто въ Исторіи нашего времени. Слѣдующее начертаніе жизни его взято изъ *Дополненія къ Путешествію Оливье по Востоку, недавно изданнаго* на Французскомъ языкѣ симъ Авторомъ, и еще не переведеннаго на прочіе Европейскіе. Г. Оливье въ предисловіи къ сочиненію говоритъ: „Вступивши въ провинціи, принадлежавшія къ начальству Джеззара, мы тотчасъ успѣли примѣтить, что окружающіе насъ произносили имя его съ трепетомъ. Не проходило дня, чтобы намъ не разсказали о новомъ варварскомъ поступкѣ, новомъ убійствѣ, новомъ злодѣяніи. Ни одинъ тиранъ не пролилъ столько крови и съ такимъ равнодушіемъ, какъ Джеззаръ,

Паша Акрскій; ни одинъ не умертвилъ, не изувѣчилъ болѣе невинныхъ, не заставилъ болѣе проливать слезъ. Надѣясь на свои богатства, сей коварный человѣкъ не боялся ни фирмановъ (*), ни Капиджіевъ (**), ниже самой власти Султанской, если она противилась его намѣреніямъ. Онъ угнеталъ богатыхъ, ссужалъ поселянъ деньгами за непомѣрные проценты, и держалъ на откупѣ плоды полевые и прочіе съѣстные припасы. Такимъ образомъ Джеззаръ безпрепятственно продолжалъ исполнять свои неистовства. Изъ сего видны и слабость Султана, и развращенность Дивана, и привязанность униженнаго народа къ бѣдственной жизни."

Ахметъ, по прозванію Джеззаръ, родился въ Босніи отъ бѣдныхъ Христіанъ. Еще въ дѣтствѣ обнаружились въ немъ дикіе нравы. На семнадцатомъ году своего возраста онъ закололъ одну дѣвушку, которая не хотѣла отвѣчать на любовь его. Сей поступокъ заставилъ его бѣжать изъ отечества, наняться въ матрозы на одномъ небольшомъ суднѣ, и ѣхать во вну-

---

(*) Султанскіе указы.

(**) Чиновники, посылаемые Портою для удавленія Пашей.

тренность Турецкой Имперіи. Скоро товарищи стали гнушаться имъ, видя въ такомъ молодомъ человѣкѣ нравы необузданные, гордость несносную, властолюбіе чрезмѣрное. Отъ ссоры доходило до драки, и Джеззаръ принужденъ былъ, оставивъ корабль, шататься сперва въ Ромеліи, потомъ въ Наполіи. Онъ терпѣлъ крайнюю нужду и едва не умеръ отъ голода. Столь бѣдное состояніе заставило его продать себя одному купцу, торгующему невольниками, которой съ товаромъ своимъ отправлялся въ Египетъ.

По прибытіи въ Каиръ, Джеззаръ перемѣнилъ вѣру и обрѣзался; это однакожъ не избавило его отъ рабства. Красивая наружность и крѣпкое сложеніе тѣла доставили ему счастіе записаться въ службу Али-Бея. Тутъ отличился онъ военными дарованіями и слѣпымъ повиновеніемъ волѣ господина. Ему особливо поручаемы были исполненія дѣлъ кровопролитныхъ; иногда заставляли его принести голову какого-нибудь Бея, иногда удавить какого-нибудь Кахефа, или сжечь какое-нибудь селеніе, и перерѣзать всѣхъ жителей. Каждой разъ, когда возлагали на него подобныя препорученія, неистовая радость сверкала въ глазахъ его.

Совершивъ удачно и съ холодною жестокостію нѣсколько такихъ подвиговъ, онъ получилъ отъ своихъ товарищей и отъ самаго господина наименованіе Джеззара, то есть *убійцы* или *удушителя*; носилъ его постоянно до самой смерти, и всегда гордился имъ. Имя Ахмета досталось ему въ то время, когда онъ сдѣлался Магометаниномъ.

Онъ скоро дослужился до Кахефскаго чина, и могъ бы, по чрезвычайной своей неустрашимости и по благосклонности Алія, со временемъ занять высшія достоинства, если бъ рѣшился принести господину своему голову Салеба-Бея, правителя Харкіегской провинціи; но по неизъяснимой причинѣ, онъ не дерзнулъ исполнить сего препорученія. Али почиталъ Салеба своимъ совмѣстникомъ, и хотѣлъ отъ него какъ нибудь избавиться, что скоро удалось ему сдѣлать черезъ подкупленныхъ Арабовъ, которые умертвили Салеба. Джеззаръ, спустя нѣсколько дней, узнавъ о семъ произшествіи, и будучи увѣренъ, что возбудить негодованіе тирана, или подпасть приговору смертной казни, было одно и то же, въ 1772мъ году разсудилъ тайно бѣжать изъ Каира, и отправился въ Константинополь. Въ семъ городѣ ему не посчастливилось ни въ чемъ,

потому что онъ не имѣлъ ни денегъ, ни кредита. Нѣсколько мѣсяцовъ проведши въ безполезныхъ домогательствахъ, онъ наконецъ рѣшился индѣ искать себѣ счастія, и сѣвъ на корабль, поплылъ въ Барутъ.

По прибытіи въ Сирію, Джеззаръ отправился въ горы Кезруанскія и предложилъ Друзійскому Эмиру, Юссефу, свои услуги. Сей Князь, принявъ его благосклонно, далъ ему одобрительныя письма къ Пашѣ Дамасскому, къ которому Джеззаръ немедленно поѣхалъ и скоро былъ пожалованъ Агою; при чемъ получилъ подъ свое начальство человѣкъ болѣе пятидесяти. Его честолюбіе не удовлетворялось симъ званіемъ; не смотря на то, онъ рѣшился принять его, надѣясь найти средство отличить себя; случай къ тому скоро представился.

Барутъ, одинъ только приморскій городъ, принадлежавшій Друзамъ, боялся нападенія Турковъ и Арабовъ. Эмиръ Юссефъ, желая поручить начальство надъ нимъ человѣку дѣятельному и храброму, обратился съ предложеніемъ къ Джеззару, которой охотно согласился исполнить волю Юссефа. Но занявъ Барутъ, онъ тотчасъ началъ привлекать къ себѣ солдатъ, а между тѣмъ отписалъ къ Портѣ, что хочетъ ей передать ввѣренный ему городъ;

еще до полученія отвѣта изъ Константинополя онъ объявилъ, что кромѣ Султана не признаетъ никого властелиномъ надъ собою.

Въ это самое время одинъ Арабскій Шейкъ, именемъ Дагеръ, возмутился противу Порты, овладѣлъ Галилеею и сдѣлалъ Акру главнымъ городомъ такой области, которая много лѣтъ съ ряду противилась войскамъ всѣхъ сосѣдственныхъ Пашей, и не боялась фирмановъ Султанскихъ. Раздраженный Юссефъ прибѣгъ съ прозьбою къ Дагеру, и заключилъ съ нимъ союзной договоръ, котораго главнѣйшая статья состояла въ томъ, чтобы соединенными силами напасть на Барутъ, и отнять сей городъ у измѣнника Джеззара.

Немедленно по заключеніи сего договора, появились на берегахъ Сиріи два Россійскіе фрегата, принадлежавшіе ко флоту Графа Орлова. Безпокойства, раздиравшія здѣшнія области, были извѣстны Россіянамъ, которые хотѣли возпользоваться симъ случаемъ. Дагеръ и Юссефъ склонили Русскихъ напасть на Барутъ съ моря, а сами обѣщались приступить къ городу со стороны сухопутной, что и было исполнено. Джеззаръ защищался съ такою неутомимою храбростію, показалъ такія военныя дарованія, что прі-

обрѣлъ себѣ уваженіе отъ своихъ непріятелей, хотя и былъ принужденъ вступить съ ними въ переговоры. Дагеръ предложилъ ему свою дружбу и Губернаторское мѣсто въ Яффѣ, съ условіемъ, чтобы Джеззаръ защищалъ сей городъ противъ Порты и противъ всѣхъ его непріятелей. Джеззаръ охотно согласился на все, чего отъ него ни требовали.

Чрезъ упорное защищеніе города Барута онъ пріобрѣлъ себѣ на Востокѣ великую славу; но этого было не довольно для его честолюбія. По разсчетамъ своей Политики онъ легко догадался, что осмидесяти-четырехъ-лѣтній Дагеръ не могъ долго противиться власти Султана; зная также, что Турецкая эскадра скоро должна была появиться на берегахъ Сиріи, онъ оставилъ Яффу, объявилъ себя со стороны Турковъ и отправился въ Дамаскъ, гдѣ и рѣшился дожидаться прибытія Капитана Паши со флотомъ. Лишь только Турецкій Адмиралъ явился передъ Сейдою, немедленно Джеззаръ предсталъ предъ нимъ, донесъ ему о пожертвованіяхъ своихъ для Порты, снискалъ себѣ его довѣренность и отправился съ нимъ къ Акрѣ, для осажденія сего города.

Дагеръ старался защищать Акру; но въ ней господствовали безпокойства и не-

согласіе, которыя ускорили сдачу города. Старый Дагеръ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и палъ мертвъ отъ выстрѣла непріятельскаго; такимъ образомъ прекратилась пагубная война, опустошавшая Сирію.

Уже давно Друзы гордились своею независимостію. Прилѣжаніемъ и неусыпными трудами они голыя скалы сдѣлали для себя полезными, для непріятелей непроходимыми, и не боялись внѣшняго нападенія. Друзы многочисленностію своею и духомъ воинственнымъ были страшнѣе, нежели Мотуалисы, ихъ сосѣди, жившіе въ долинахъ. По симъ причинамъ весьма нужно было отнять у нихъ Барутъ, городъ, которой былъ ключемъ къ ихъ горнымъ обиталищамъ, мѣстомъ складки ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ и земныхъ произведеній.

Въ то время Губернія Сейдская весьма разпространилась; она вмѣщала въ себѣ города: Сейду, Соуръ, Акру, Каиффу, землю Саффетъ и плодоносныя, обширныя равнины Галилейскія. По присоединеніи къ ней отъ Юга Цезареи, а отъ Сѣвера Баруга, Паша удобно могъ противиться мужественнымъ Друзамъ, предпріимчивымъ Мотуалисамъ, непослушнымъ Наплузіянамъ и неукротимымъ Ара-

бамъ. Это обстоятельство не укрылось отъ прозорливости Капитана Паши Гассана; онъ видѣлъ, что сїю Губернїю нужно поручить въ управленїе человѣку отважному, хитрому и предпрїимчивому. Джеззаръ имѣлъ всѣ сїи свойства; онъ при осадѣ обнаружилъ свое мужество и благоразумїе, былъ явный врагъ Юссефа, не могъ примириться съ сыномъ Дагеровымъ, измѣнивъ отцу его; Порта видѣла въ немъ человѣка, ей искренно преданнаго. Капитанъ — Паша изходатайствовалъ для Джеззара три бунчука, и такимъ образомъ изъ простаго Аги сдѣлалъ его Визиремъ и Губернаторомъ обширной провинцїи.

Джеззаръ, едва получивъ новое достоинство (въ 1775мъ году), тотчасъ началъ помышлять о способахъ оставить Сейду и перенести резиденцїю свою въ Акру, исправно укрѣпленную Дагеромъ. Сейда, открытая со всѣхъ сторонъ, не защищаемая ни стѣнами, ни батареями, не могла казаться мѣстомъ безопаснымъ для такого человѣка, которой тогда же рѣшился утвердиться въ своей Губернїи, хотя бы Порта и не хотѣла того. Честолюбїе заставило его наружно помириться съ Эмиромъ Юссефомъ, которому онъ угождалъ, посылалъ богатые подарки, и даже обѣщалъ опять отдать Барутъ въ его вла-

дѣнїе. Эмиръ, почитая искренними сїи дружескїя увѣренїя, прїѣхалъ въ Акру, и былъ сперва принятъ съ отличными почестями и уваженїемъ; но скоро Джеззаръ подъ различными предлогами нашелъ средство вымучить у него большїя суммы денегъ; а когда Юссефъ хотѣлъ возвратиться домой, то насильно былъ удержанъ и не прежде получилъ позволенїе оставить Акру, какъ истощивъ всѣ свои сокровища.

Кажется, что такой урокъ долженствовалъ бы научить Эмира осторожности, и заставить его всегда удаляться отъ человѣка, которой столь часто обнаруживалъ свое вѣроломство. Однакожъ лукавый Джеззаръ, по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ, умѣлъ въ другой разъ заманить Эмира въ Акру, гдѣ ожидала его страшная участь. Его заставили выдать всѣ свои деньги и потомъ, подъ ложными предлогами измѣны, удавили въ собственномъ его домѣ.

Неожидаемая смерть Юссефа подала поводъ къ несогласїю между его наслѣдниками; Джеззаръ старался питать сїи безпокойства и снабдилъ деньгами честолюбивыхъ искателей для составленїя партїй между сосѣдственными горными жителями. Мятежи болѣе и болѣе разпро-

странялись. Джеззаръ попеременно помогалъ то одной, то другой партіи, и подкрѣпляя своею довѣренностію, войсками и деньгами, въ самомъ дѣлѣ ослаблялъ ихъ, сѣялъ между ними духъ недовѣренности и унынія. Такимъ образомъ удалось ему покорить власти своей Друзовъ и Мотуалисовъ, и заставить ихъ ежегодно платить тягостную подать.

Болѣе двадцати лѣтъ онъ велъ войну съ несчастными горными жителями, сопутствуемую безпрестанными измѣнами, вѣроломствомъ, грабежами и убійствами, которыхъ обстоятельное описаніе заставило бы трепетать читателя. Джеззаръ рѣдко отваживался подвергать войска свои неизвѣстности сраженія, и рѣдко самъ предводительствовалъ ими. Посредствомъ золота онъ всегда могъ имѣть шпіоновъ и измѣнниковъ, которые предварительно доносили ему объ умыслахъ и намѣреніяхъ непріятелскихъ; противники его обыкновенно убѣгали, прежде нежели доходило до сраженія.

Одна такая экспедиція, надъ которою начальствовалъ Селимъ, Кайя Джеззаровъ, окончилась совершеннымъ покореніемъ Друзовъ и Мотуалисовъ. Джеззаръ столько былъ доволенъ симъ завоеваніемъ и пріобрѣтенными корыстями, что вы-

просилъ у Порты достоинство двух-бунчужнаго Паши для Селима. Новой Паша, какъ не трудно догадаться, былъ достоинъ своего покровителя; онъ не замедлилъ; тотчасъ по полученіи новаго чина, найти себѣ друзей въ Константинополѣ и составить заговоръ, котораго была главная цѣль — выдать Джеззара Портѣ и, въ награду за сію услугу, получить въ управленіе Сирійскую Губернію.

Въ 1789мъ году, умыселъ сей обнаружился. Селимъ стоялъ подъ Сейдою съ отрядомъ войска, ввѣреннаго ему отъ Джеззара, для укрощенія новой партіи возмутившихся Друзовъ. Вмѣсто нападенія, Селимъ вступилъ съ мятежниками въ переговоры, задобрилъ свое войско, развернулъ знамена бунта, занялъ Сейду и, оставивъ тамъ гарнизонъ, пошелъ къ Акрѣ, чтобы внезапно напасть на Джеззара.

Въ то самое время взбунтовалась толпа Мамелюковъ, собственно принадлежавшихъ Джеззару; они произвели безпокойства въ Акрѣ, надѣлали шуму во дворцѣ, добирались до самаго Гарема, угрожали смертію своему господину, и не хотѣли иначе оставить городъ, какъ получивъ отъ Губернатора четыреста мѣшковъ денегъ. Требуемая сумма была выдана. Ма-

мелюкамъ, которые немедленно выступили изъ Акры для прогнанія Селима.

Еслибъ сей Паша имѣлъ неустрашимость, храбрость и дѣятельность Джеззара, то Сирія досталась бы въ руки другому тирану, которой заступилъ бы мѣсто прежняго такъ точно, какъ предшественники сего были подобные же ему тираны. Но Селимъ, управляемый жадностію къ корысти, желая угодить своему войску, отдалъ ему городъ Соуръ на разхищеніе, и замедлилъ тамъ многіе дни, проведенные въ разпутствѣ. Потомъ онъ подступилъ къ Акрѣ и расположился передъ воротами; рѣшительность оставила его, когда пришло ему на мысль, что онъ долженъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, котораго дарованія были ему извѣстны, и передъ которымъ онъ трепеталъ, бывъ его подчиненнымъ. Наконецъ онъ ободрился, приказалъ осадить городъ и началъ готовиться къ приступу.

Джеззаръ восемь дней равнодушно смотрѣлъ со стѣны на приготовленія непріятеля, смѣялся надъ его неопытностію, и въ восьмой день передъ вѣрными своими солдатами поклялся, что прежде возхожденія солнца мятежникъ получитъ достойное наказаніе. Въ наступившую ночь онъ выходитъ изъ города съ немногимъ чис-

-ломъ отборныхъ солдатъ и съ двумя пушками, и съ быстротою молнїи нападаетъ на спящїя войска, которыя, приведены будучи въ крайнее замѣшательство, разсыпаются, бѣгутъ, не слушаютъ своего начальника, и черезъ нѣсколько минутъ оставляютъ въ добычу счастливому Джеззару оружїе, палатки и весь обозъ. Побѣдитель, не удовольствуясь добычею, погнался за убѣгающими, многихъ изъ нихъ умертвилъ и по наступленїи уже дня торжественно возвратился въ городъ.

Селимъ, убѣжавъ къ Друзамъ, тщетно старался собрать разсыпанныхъ солдатъ своихъ и составить войско. Его поведенїе не могло въ солдатахъ поселить охоты вновь сражаться за него, ниже заставить горныхъ жителей снабдить его съѣстными припасами. Тѣмъ болѣе торжествовалъ его противникъ, котораго одержанная побѣда почиталась чудомъ сверхъестественнымъ, и съ которымъ никто уже не осмѣливался ссориться. Наконецъ Селимъ отправился въ Константинополь, куда онъ былъ позванъ для отданїя отчета въ своемъ поведенїи.

Не льзя не упомянуть здѣсь объ одномъ достопамятномъ произшествїи, которое было очевидною причиною къ изгнанїю Французскихъ промышленниковъ изъ Акры

и Сейды. Селимъ, передъ походомъ своимъ къ Акрѣ, отдалъ девятнадцать мѣшковъ золота на сбереженіе Французскому, находившемуся въ Сейдѣ, Вицеконсулу, который охотно желалъ бы отклонить сіе предложеніе, но не могъ рѣшиться оскорбить человѣка, управлявшаго городомъ, имѣвшаго многочисленное войско въ своихъ повелѣніяхъ и готовившагося подступить къ Акрѣ, городу почти не укрѣпленному солдатами. Къ тому прибавить еще должно, что Селимъ наружно казался другомъ Французовъ и поклялся защищать ихъ торговлю; напротивъ того Джеззаръ, который всѣ съѣстныя потребности держалъ на откупѣ, и ссужалъ промышленниковъ и поселянъ деньгами за непомѣрные проценты, не любилъ купцовъ, равномѣрно недовольныхъ его алчнымъ корыстолюбіемъ; онъ безпрестанно грозился лишить ихъ имѣнія и жизни; притомъ же извѣстно, что онъ много разъ готовъ былъ выгнать Французскихъ купцовъ изъ своей провинціи, и что одно опасеніе раздражить Порту удерживало его отъ сего поступка. По сей причинѣ Вицеконсулъ, по разсчетамъ благоразумія и для выгодъ своей націи, принужденъ былъ взять деньги на сохраненіе, о чемъ Джеззаръ — если бы Селиму удалось побѣдить его, какъ вообще надѣ-

лись — ни отъ кого не могъ бы увѣдомиться. Однако жъ Судьба опредѣлила иначе.

Селимъ, передъ отъѣздомъ въ Константинополь, послалъ къ Вицеконсулу нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ только сказано было, чтобы онъ вручителю, не названному по имени, „отдалъ извѣстную вещь, полученную имъ въ палаткѣ Французскаго Драгомана.“ Письмо сїе достталось въ руки Джеззара, которой написанныя въ немъ слова разтолковалъ по своему, то есть, будто Французскїе купцы сдѣлали съ непрїятелями заговоръ противъ его особы, и будто они обѣщались снабдить мятежниковъ деньгами и муницїею.

Съ того времени Джеззаръ не говорилъ иначе о Французахъ, какъ съ презрѣнїемъ и ругательствами, угрожая всѣхъ ихъ лишить жизни. Множество подслушивателей ходили по слѣдамъ за невинными купцами, и выговоренныя ими, ничего не значущїя слова доносили тирану, прибавляя къ нимъ ложныя объясненїя — подобно всѣмъ доносчикамъ, которые по найму клевещутъ на другихъ передъ своими покровителями, желающими умножить число виновныхъ. Торговля была стѣснена, цѣна товарамъ назначена произвольная, подати наложены самыя тягостныя, а къ довершенїю несчастїя, гнуснымъ бездѣльникамъ

позволено ругаться надъ людьми почтенными, по тому только, что они не нравились человѣку, имѣющему власть награждать и наказывать.

Одинъ случай заставилъ Джеззара отложить на нѣсколько времени исполненіе своего мщенія. Французскій фрегатъ, начальствуемый Г-мъ Параде, въ 1790 мъ году остановился на рейдѣ передъ Акрою. Но лишь только фрегатъ ушелъ опять въ море, Джеззаръ далъ полную свободу своей ярости. Въ слѣдствіе указа Султанскаго, онъ долженъ былъ возвратить Назаретскимъ монахамъ знатную денежную сумму, которую у нихъ взялъ насильнымъ образомъ. Изверъ, вмѣсто того, чтобъ исполнить повелѣніе своего Государя, приказалъ удавить Драгомана сихъ монаховъ; спустя потомъ нѣсколько дней, 6 го Октября 1790 го года велѣлъ объявить Французскому Консулу, чтобы онъ выѣхалъ изъ провинціи. Консулъ отправился въ Яффу, куда скоро потомъ собрались всѣ купцы, равномѣрно выгнанные изъ Акры. Паша передъ отъѣздомъ ихъ отобралъ къ себѣ ключи отъ анбаровъ и комнатъ, и позволилъ имъ взять съ собою только нѣкоторыя необходимо нужныя вещи. Онъ также приказалъ срубить дерево, стоявшее передъ Консульскимъ до-

томъ съ національнымъ флагомъ, разграбить Христіанскую церковь, и потомъ срыть ее до основанія.

Сей человѣкъ, рожденный для несчастія Сиріи, не скрывалъ жадности своей къ кровопролитію и гнуснаго корыстолюбія съ тѣхъ поръ, когда сдѣлался Губернаторомъ города Баруша. Не безполезно было бы подробно описать всѣ обстоятельства его жестокости, чтобы показать, до какой степени человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ характеромъ и съ пылкими страстями, можетъ употреблять во зло власть, ему ввѣренную, или имъ себѣ присвоенную. Изъ того можно было бы увидѣть, что человѣкъ, воспитанный въ невѣжествѣ и образованный для рабства, терпѣливо несетъ тяжкое иго, не стараясь свергнуть его съ плечь своихъ, и что такой человѣкъ смотритъ равнодушно на сосѣдовъ, друзей и родственниковъ своихъ, влекомыхъ на мучительную казнь, не отваживаясь для ихъ избавленія подвергать опасности жизнь свою, не смотря на то, что она и безъ того находится всегда въ опасности.

Я упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ произшествіяхъ, обнаруживающихъ звѣрскую жестокость Джеззара; этого будетъ довольно для опредѣленія ему въ

Исторіи мѣста, имъ заслуженнаго. Потомъ слегка изображу главнѣйшія физическія и моральныя черты сего необыкновеннаго человѣка.

При осажденіи Барута въ одинъ день захвачено въ плѣнъ множество непріятелей; Джеззаръ велѣлъ привести ихъ къ себѣ, и живыхъ обкласть кирпичами, оставляя головы и руки несчастныхъ для того, чтобы солдатамъ можно было бранью и насмѣшками мучить ихъ до послѣдняго издыханія. Связанныя руки ихъ употребляемы были вмѣсто конюшенныхъ перекладинъ, къ которымъ привязываютъ лошадей.

Одинъ молодой невольникъ, любимый Джеззаромъ, по легкомыслію своему, сдѣлалъ какой-то неважной проступокъ, не заслуживавшій вниманія. Паша, которой по несчастію въ то время былъ невеселъ, яростно закричалъ: „позовите сюда бездѣльника!“ Мальчикъ является, и испугавшись дикаго взора своего господина, съ трепетомъ проситъ извиненія. Тиранъ, помолчавъ нѣсколько времени, произноситъ ужасной приговоръ: „заколите его сей часъ, передъ моими глазами!“ Окружавшіе Малелюки стояли подобно окаменѣлымъ; ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился поднять руку на ребенка, любимаго ихъ повелителемъ. Вдругъ раздался громовой голосъ:

„Подлые трусы! для чего вы не повинуетесь? колите!“ Никто не смѣлъ тронуться съ мѣста. Джеззаръ въ бѣшенствѣ встаетъ и подбѣгаетъ къ мальчику. Всѣ Мамелюки падаютъ на колѣна. Тиранъ останавливается, принимаетъ спокойной видъ, бросаетъ взоръ на жертву свою, вынимаетъ кинжалъ — и вонзаетъ его по самой ефесъ въ грудь ребенка.

Иногда здодѣю приходило въ голову, что какой-нибудь житель Губернїи имѣлъ деньги; онъ призывалъ его къ себѣ и требовалъ извѣстной суммы, большей или меньшей, смотря по его мнимому богатству. Если принуждаемый медлилъ или не могъ заплатить требуемаго количества, въ такомъ случаѣ Джеззаръ приказывалъ безъ пощады бить его палками по пятамъ и по брюху; ежели несчастный упорно стоялъ въ томъ, что ничего не имѣетъ, тогда тиранъ отрѣзывалъ ему носъ и уши, выкалывалъ глаза, а часто осуждалъ на смерть мучительную. Не получивъ ничего отъ жителя, онъ призывалъ жену его, и требовалъ чтобы она объявила, гдѣ спрятаны деньги; въ противномъ случаѣ Джеззаръ приказывалъ давить въ тискахъ несчастную до тѣхъ поръ, пока она лишалась жизни въ сихъ адскихъ мукахъ.

Джеззаръ, узнавъ, что неистовые Мамелюки — во время случившагося возмущенія, о которомъ упомянуто выше — ворвались въ Гаремъ его, разтерзался отъ ревности и возпламенился такою яростію, которая совершенно походила на бѣшенство. Онъ приказалъ умертвить всѣхъ женщинъ; хотя большая часть изъ нихъ спаслась бѣгствомъ, однакожъ осталось еще много для удовлетворенія звѣрскаго мщенія.

Каждая изъ несчастныхъ осуждена была претерпѣть особенной родъ казни. Некрасивыя и старухи кучами накладены были на лодки, отвезены на открытое море и брошены въ воду; другія зашиты были въ кожаные мѣшки и утоплены въ Акрскомъ заливѣ. Иныхъ заставляли терпѣть жесточайшія муки, потомъ живыхъ бросали въ глубокій колодезь — могилу многихъ знатнѣйшихъ чиновниковъ — изъ котораго выходилъ заразительный паръ отъ гніющихъ труповъ. Молодыхъ и пригожихъ самъ Джеззаръ уродовалъ безъ милосердія.

Въ числѣ сихъ несчастныхъ находилась одна женщина, красоты очаровательной, младшая всѣхъ прочихъ и болѣе любимая своимъ повелителемъ. Джеззаръ опредѣлилъ ей умереть послѣ всѣхъ, и назначилъ день для совершенія казни. По

наступленіи срока, изверіъ съ однимъ изъ своихъ наперсниковъ пошелъ въ отдаленнѣйшую комнату чертоговъ, приказавъ вести туда невинную жертву. Лишь только она явилась, тиранъ, поднявъ кинжалъ, закричалъ: „Несчастная! признайся въ твоемъ преступленіи! Не правда ли, что ты обманула меня?“ Красавица, не могши держаться на ногахъ отъ ужаса, упала на руки Джеззарова наперсника и слабымъ голосомъ отвѣчала: „нѣтъ, господинъ! я не обманывала тебя.“ — Вѣроломная! вскричалъ яростный тиранъ; ты должна быть наказана за свое злодѣйство! — и съ послѣднимъ словомъ отрубилъ ей обѣ поднятыя вверхъ руки. Этого не довольно. Джеззаръ еще двумя ударами отдѣлилъ сосцы отъ груди ея. Наперсникъ тирана, пораженный симъ зрѣлищемъ, вскрикиваетъ отъ ужаса и опускаетъ на землю умирающую жертву. Джеззаръ съ звѣрскою радостію смотритъ на лїющуюся кровь своей любезной, снова вынимаетъ кинжалъ и многими ударами лишаетъ ее жизни.

Сердце обливается кровїю, при изображенїи столь неслыханной жестокости. Но печальной долгъ Историка налагаетъ на меня обязанность упомянуть еще объ одномъ произшествїи.

Въ 1791 мъ году Джеззаръ отправился въ Мекку въ качествѣ Эмира-Гаджи или начальника надъ путешествующими поклонниками. Чтобы увеличить важность набожнаго путешествія и чтобы загладить нѣкоторые грѣхи, въ которыхъ онъ по прибытіи въ священный храмъ торжественно покаялся, изверг произнесъ обѣтъ — умертвить извѣстное число Христіанъ. Возвратясь въ Акру, онъ тотчасъ началъ помышлять объ исполненіи своего обѣщанія; приказалъ въ назначенной день наполнить дворъ свой людьми разнаго званія и возраста. Солдаты разсыпались по городу и съ палками въ рукахъ сгоняли ко дворцу безъ изъятія всѣхъ попадавшихся на встрѣчу; нѣкоторые изъ нихъ ходили по домамъ и увлекали съ собою стариковъ и дѣтей, которые въ ужасѣ недоумѣвали, что хотятъ съ ними дѣлать на дворѣ тирана.

Джеззаръ явился на балконѣ; лице его было спокойно, но дикіе взоры его устрашали тѣхъ, которые не привыкли къ нимъ. Спустя минуту, онъ сходитъ въ низъ, будучи сопровождаемъ немногими солдатами, и не имѣя при себѣ никакого оружія; равнодушно подходитъ къ народной толпѣ, приказываетъ раздѣлить ее на разныя части, осматриваетъ каждую порознь,

выбираетъ изъ каждаго отдѣленія по нѣсколько человѣкъ, говоря, что „на лбу у нихъ написано, будто имъ не долго остается жить на свѣтѣ," и отводитъ выбранныхъ на особливое мѣсто; прочимъ велѣно было удалиться. Число осужденныхъ жертвъ простиралось до пятидесяти семи человѣкъ, матросовъ, промышленниковъ, водоносовъ и купцовъ. Они были перевязаны, выведены за городъ и умерщвлены; тѣла ихъ брошены на снѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ.

Вотъ изображеніе человѣка, умершаго почти семидесяти лѣтъ отъ роду. За истину сихъ произшествій ручаются многіе Французы и Греки, которые лично знали Джеззара и имѣли съ нимъ сношенія.

Джеззаръ былъ роста высокаго; имѣлъ сложеніе крѣпкое, станъ правильной, физіономію умную и живую, взоръ дикій и глаза огненные. Онъ былъ отважень, дерзокъ, неутомимъ, вспыльчивъ, воздерженъ, непримиримъ и часто притворенъ. Будучи искусенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, онъ сохранилъ ловкость въ оборотахъ до старости, умѣлъ управлять саблею и огнестрѣльнымъ оружіемъ, ѣздить на дромадерѣ и укрощать дикихъ лошадей. Въ самыхъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ онъ нем-

дленно рѣшался на то или на другое, и всегда съ успѣхомъ оканчивалъ свои предпріятія, какъ при нападеніи, такъ и при защищеніи; къ чему болѣе всего способствовали его храбрость, неустрашимость и поспѣшность.

Этотъ необыкновенной человѣкъ равно и въ важныхъ предпріятіяхъ и въ мѣлочахъ не уступалъ хитрецамъ, самымъ искуснымъ. Онъ былъ словоохотенъ; въ продолженіе разговора попеременно переходилъ онъ занимательныхъ предметовъ до малозначущихъ подробностей, отъ важныхъ матерій до замысловатыхъ шутокъ, и изъяснялся съ такою ясностію, съ такою опредѣленностію, съ такою точностію, которыя доказывали, что все въ головѣ его разположено было удивительнымъ образомъ. Онъ почти въ одно и то же время отдавалъ приказанія, относящіяся до управленія провинціи, до крѣпостныхъ и другихъ строеній, чертилъ планъ похода, разполагалъ кораблестроеніемъ, садилъ цвѣты, выдумывалъ наряды для женъ своихъ, и рисовалъ образчики для швей.

Онъ былъ весьма простъ въ нравахъ и часто обходился безъ чиновъ съ Акрскими жителями; казался сострадательнымъ и самъ раздавалъ больнымъ лѣкарства, которыя считалъ для нихъ полезными. Иногда допускалъ къ себѣ несчастныхъ, дозволялъ

имъ при себѣ садиться, утѣшалъ ихъ, и собственными руками надѣлялъ ихъ пищею; въ его чертогахъ безпрестанно стояли на огнѣ котлы съ сарацинскимъ пшеномъ для бѣдныхъ; кромѣ того, онъ еженедѣльно раздавалъ деньги неимущимъ. Не смотря на такую щедрость, Джеззаръ умѣлъ освѣдомляться, у кого сколько денегъ. Никто еще не позволялъ себѣ наживаться столь несправедливымъ образомъ.

Сей тиранъ, подобно всѣмъ властолюбцамъ, не гнушался ласкательствомъ; подобно всѣмъ невѣждамъ, онъ не умѣлъ различать подлой лести отъ похвалы заслуженной. Ему всегда было пріятно обонять запахъ такого куренія, въ которомъ никогда не было недостатка. Всѣ искатели его милостей, узнавъ въ немъ сію слабость, употребляли ее въ свою пользу.

Этотъ Джеззаръ, насмѣхавшійся надо всѣмъ священнымъ, не уважавшій никакихъ законовъ, кромѣ собственныхъ прихотей и своенравія, управляемый страстями, не обуздываемый ничѣмъ — кромѣ невозможности, этотъ человѣкъ былъ прилѣпленъ къ грубѣйшимъ предразсудкамъ суевѣрія, ко всѣмъ заблужденіямъ черни. Онъ въ одно и то же время исполнялъ многія правила, предписываемыя разными религіями, Христіанскою и Магометанскою;

призывалъ бѣсовъ, чародѣйствовалъ и совѣтовался со звѣздами. Онъ спрашивалъ мнѣнія у Монаховъ и Дервишей, у Пасторовъ и Имановъ, у колдуновъ и звѣздотолкователей, у Врачей и шарлатановъ, у всѣхъ вмѣстѣ и у каждаго порознь, о мѣлочахъ и о важныхъ приключеніяхъ. Вѣроятно, что сей коварный человѣкъ такимъ образомъ поступалъ, съ намѣреніемъ дѣйствовать на умы народа невѣжественнаго и суевѣрнаго. Джеззаръ разпустилъ о себѣ слухи, что онъ колдунъ, что, по знакомству съ добрыми и злыми духами, можетъ узнавать человѣческія мысли, что съ помощію сихъ духовъ можетъ превратить въ прахъ всѣхъ своихъ недоброжелателей и исполнить всѣ свои намѣренія и предпріятія. Не только жители Сиріи и горъ Ливанскихъ увѣрены были въ силѣ чародѣйствъ Джеззаровыхъ, но даже въ Дамаскѣ, въ Алеппо и въ Багдадѣ, боялись его и не сомнѣвались въ чудесномъ его всемогуществѣ.

Таковъ былъ сей Паша, которой въ наше уже время, по окончаніи войны революціонной, владѣлъ южною и западною Сиріею. Изъ описанія его жизни видно, что Натура произвела его на свѣтъ человѣкомъ необыкновеннымъ. Можетъ быть, съ помощію хорошаго воспитанія, подъ руко-

водствомъ мудраго наставника, онъ былъ бы великимъ человѣкомъ; но по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ Джеззаръ сдѣлался злодѣемъ, тираномъ, новымъ Фаларидомъ.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

II.

Прокламація отъ Князя мира къ Испанскому народу.

Его Католическое Величество, соизволивши ввѣрить мнѣ, какъ Генералиссиму войскъ своихъ, управленіе военными дѣйствіями по случаю нынѣшняго разрыва съ Великобританіею, желаетъ, чтобы всѣ власти, начальствующія въ областяхъ Королевства, имѣли непосредственное со мною сношеніе по сему предмету. Чтобы оправдать высочайшую ко мнѣ довѣренность, чтобы достойно исполнить почтенныя обязанности начальника храбрыхъ войскъ Его, я долженствую не щадить никакихъ усилій моей пламенной ревности, долженствую употребить всѣ возможныя средства для успѣшнаго произведенія въ дѣйство нашихъ предпріятій.

Извѣстно всѣмъ и каждому, что Англїя, не объявляя предварительно войны, открыла непрїятельскїя дѣйствїя, захватила три фрегата Королевскїе, взорвала четвертый на воздухъ, взяла въ плѣнъ одинъ пѣхотный полкъ, плывшїй въ Минорку, отвела въ свои гавани множество нашихъ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, а прочїе, которые поднимали менѣе ста бочекъ, потопила. И въ какое время сдѣланы сїи хищенїя, измѣны, убїйства? ... Тогда, какъ нашъ Король съ дружескою довѣренностїю принималъ въ портахъ своихъ купеческїе корабли Англїйскїе; тогда, какъ военнымъ ихъ кораблямъ оказывалъ возможную помощь! . . . Какая несправедливость съ одной стороны! какое великодушїе, какая искренность съ другой! . . . Кто изъ Испанцевъ не чувствуетъ праведнаго негодованїя, видя такое вѣроломство? кто изъ воиновъ не поспѣшитъ къ оружїю? . . . Мореходцы! триста человѣкъ, вашихъ братїй, разтерзанныхъ на мѣлкїя части, тысяча другихъ, захваченныхъ въ плѣнъ измѣною, вопїютъ къ вамъ объ отмщенїи за жестокую обиду. . . Воины сухопутные! равное число вашихъ товарищей, постыдно обезоруженныхъ, лишенныхъ знаменъ, отвезенныхъ на отдаленный островъ и осужденныхъ претерпѣть

голодную смерть, или, можетъ быть, принуждаемыхъ вступить въ службу непріятельскую противъ своего отечества, напоминаютъ вамъ вашу должность. Испанцы всѣхъ состояній! миролюбивые и беззащитные рыболовы, доведенные до крайней нищеты, ихъ жены и дѣти, клянущіе своихъ грабителей, просятъ вашей помощи, вашего состраданія. Наконецъ, тысяча голодныхъ семействъ, въ несчастнѣйшее время лишенныхъ необходимо нужнаго запаса, которымъ они надѣялись облегчить бѣдственную участь свою, требуютъ отъ васъ *мщенія, мщенія!* . . . Друзья! полетимъ! Король повелѣваетъ, честь и справедливость налагаютъ на насъ долгъ священный. Если Англичане забыли, что въ жилахъ Испанцевъ течетъ кровь Героевъ, торжествовавшихъ надъ Карѳагенянами и Римлянами, надъ Вандалами и Маврами; то мы не можемъ забыть, что долженствуемъ поддержать славу отцевъ нашихъ, и знаемъ, что потомство наши имена сопричтетъ къ сонму героевъ Кастилланскихъ. Если Англичане были такъ ослѣплены, что наше миролюбивое бездѣйствіе сочли слабостію и безчувствіемъ — свойствами, совершенно противуположными мужественному и пылкому характеру Испанцевъ — то они скоро узнаютъ, что

не надлежитъ оскорблять народъ вѣрный, добродѣтельный, храбрый, преданный Религіи, чести и славѣ; узнаютъ, что такой народъ умѣетъ мстить за нанесенныя обиды. Если Англичане, не признавая стыда, удерживающаго людей отъ великихъ злодѣяній, не уважая обыкновеній, принятыхъ всѣми просвѣщенными націями, хотѣли только заграбить сокровища, которыя въ противномъ случаѣ не достались бы въ ихъ руки; то Испанцы научатъ ихъ, что нарушеніе народнаго права, злоупотребленіе силы и чрезмѣрное властолюбіе всегда ускоряли паденіе Государствъ. . . Пусть же стыдятся, пусть трепещутъ они, взирая на сіи ничтожныя сокровища, облитыя кровію жертвъ невинныхъ, и напечатлѣвающія на челѣ грабителей вѣчное пятно, которое предъ лицемъ всея земли дѣлаетъ ихъ ненавистными.

Храбрые Испанцы! благородство и великодушіе ваше не дозволятъ вамъ откладывать далѣе мщенія за обиды столь несносныя; всѣмъ извѣстны любовь и привязанность Короля къ народу; слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что всѣ вѣрноподданные постараются съ дѣятельною ревностію споспѣшествовать исполненію праведныхъ намѣреній Его Величества. И такъ

станемъ вести войну и употребимъ къ этому средства, пагубнѣйшія для жестокихъ нашихъ непріятелей; но не будемъ слѣдовать ихъ примѣру въ поступкахъ, недостойныхъ просвѣщенной націи, уважающей свою честь, свою славу. Наконецъ, чтобы военные начальники могли дѣйствовать съ тѣми усиліями, съ тою свободою, которыхъ требуютъ нынѣшнія обстоятельства и довѣренность нашего Государя, я именемъ Его Величества обнадеживаю, что они не будутъ отвѣчать, если бы и не имѣли успѣха ихъ покушенія противу непріятелей, принятыя по внушенію благоразумія и мужества; но нерадѣніе о средствахъ, которыя начальники могли бы произвести въ дѣйство, и которыя пламенная ревность произвести удобна, остается на ихъ отчетѣ. Народы, которые были гораздо бѣднѣе въ пособіяхъ, нежели мы, и находились въ непріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, такъ хорошо умѣли воспользоваться своею силою, что безразсудные обидчики содѣлались жертвою ихъ стремительнаго негодованія. Пускай только возгорится въ народѣ храбрость, пускай только благородныя чувства его будутъ направлены къ полезной цѣли — тогда мы не встрѣтимъ невозможностей. Генералъ-Капитаны и Начальники провинціальные

должны оживлять духъ воинскій въ своихъ подчиненныхъ; почтенные Архіепископы, Епископы и Прелаты, равнымъ образомъ начальники гражданскихъ обществъ въ Королевствѣ краснорѣчіемъ своимъ и примѣромъ должны побуждать всякаго спосѣшествовать по возможности отмщенію за честь Государя и избавленію отечества.

Чрезвычайныя обстоятельства заставляютъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ. По сей причинѣ, каждая провинція употребитъ свои особливые способы къ нанесенію вреда непріятелю. Остается пожелать, чтобы здравая Политика и любовь къ общему благу умѣли возпользоваться ими; чтобы каждой начальникъ, каждое общество одушевились ревностію отличиться числомъ великодушныхъ пожертвованій и усилій, на пользу Государя, согражданъ, цѣлой Европы, когда предстанетъ случай вредить непріятелю; чтобы каждой предводитель ловилъ такіе случаи, не ожидая повелѣній отъ своихъ начальниковъ, не теряя времени на разсужденія, которыя не рѣдко ослабляютъ храбрость исполнителей, упускаютъ драгоцѣнныя минуты и подвергаютъ опасности честь націи.

Остается пожелать, чтобы тайные провозчики запрещенныхъ товаровъ были

преслѣдуемы, какъ единомышленники жадныхъ непріятелей нашихъ, какъ продавцы матерій, соткапныхъ руками, обагренными кровію отцевъ и братьевъ нашихъ; чтобы такая постыдная торговля родила омерзѣніе въ душахъ патріотовъ; а когда она прекратится, когда всѣ Испанцы прервутъ торговыя связи съ Англичанами; когда Европа, познавъ существенныя свои выгоды, затворитъ порты свои для промышленности сихъ островитянъ; въ то время совершится наше мщеніе, гордость непріятеля унизится, въ то время увидимъ нарушителей народнаго права, сихъ самовольныхъ обладателей морей, отверженными во всѣхъ частяхъ свѣта и издыхающими отъ бѣшенства на кучахъ богатства.

Да будетъ между нами единомысліе! не пощадимъ великодушныхъ пожертвованій! Если же, противъ всякаго чаянія, находится хотя одинъ Испанецъ, котораго сердце не пламенѣетъ священнымъ огнемъ любви къ отечеству; да бѣжитъ онъ отъ лица своихъ согражданъ, да не соблазняетъ ихъ душъ благородныхъ, и его постыдная нечувствительность да не охлаждаетъ ихъ мужества. Многіе по старости лѣтъ и по слабости здоровья не въ состояніи лично взять дѣятельное участіе въ геройскихъ битвахъ; такіе могутъ способ-

шествовать намѣреніямъ Государя и моимъ желаніямъ — богатствомъ, мнѣніями, совѣтами; тогда-то праведное негодованіе наше будетъ имѣть ужасныя слѣдствія. Кто изъ Испанцевъ захочетъ особливо предпринять что нибудь противъ Англіи, и будетъ имѣть нужду въ пособіи отъ Правительства; тотъ, отнесшись ко мнѣ, по изслѣдованіи, на чемъ основываются его планы, немедленно получитъ требуемую помощь, если только его намѣренія окажутся благоразумными и очевидно будутъ клониться къ пагубѣ непріятеля и ко славѣ Испаніи.

Мадритъ, 20 Декабря 1804.

Подписано: *Князь мира.*

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Наконецъ пріѣхалъ въ Гагу Г. Шиммельпенникъ, столь нетерпѣливо ожидаемый своими соотечественниками. Кажется, что великія затрудненія предстоятъ новому образованію Батавской Республики: до сихъ поръ еще ни одинъ актъ не обнародованъ относительно къ сему предмету. Увѣряютъ даже, что ничего еще не предпринято въ разсужденіи устроенія финан-

совъ, а въ этомъ состоитъ главное дѣло. Между тѣмъ Г. Шиммельпенникъ имѣетъ частыя сношенія съ Членами Правительства, принимаетъ депутаціи отъ разныхъ провинцій, и безпрестанно выслушиваетъ жалобы о бѣдственномъ состояніи Республики. Вотъ все, что до сихъ поръ извѣстно: Шиммельпенникъ не согласился принять на себя Президентскаго сана, и будетъ управлять Республикою въ званіи Совѣтника - Пенсіонера (Raad - Penſionaris). Вѣроятно, Г. Шиммельпенникъ принимаетъ титло сіе по тому, что вводимый въ Батавіи новый образъ правленія есть только временный, и что прочность Конституціи зависитъ отъ заключенія съ Англіею мира, котораго, кажется, не льзя ожидать въ скоромъ времени. Какъ бы то ни было, до сихъ поръ еще никто не знаетъ, съ какимъ устроеніемъ надобно будетъ поздравить Голландію. Слухи, разнесшіеся въ Европѣ, будто или Принцъ Вейльбургскій, или сынъ Наслѣднаго Принца Оранжскаго будетъ верховнымъ Правителемъ Голландской Республики, оказались несправедливыми. Г-ну Шиммельпеннику, по его прибытіи изъ Парижа, предложена была квартира въ старомъ Дворцѣ; но онъ отклонилъ сіе предложеніе, и хочетъ остаться въ классѣ простыхъ гражданъ.

*

Въ Февралѣ мѣсяцѣ въ обоихъ Англійскихъ Парламентахъ происходили споры. 8 го Числа въ Нижнемъ Парламентѣ Сиръ Эванъ Непенъ говорилъ слѣдующее: „Прошу позволить мнѣ сдѣлать предложеніе объ уничтоженія въ Ирландіи на нѣкоторое время извѣстнаго акта habeas corpus (*); думаю, каждой видитъ въ томъ потребность: ибо извѣстно, что Ирландской Комитетъ держитъ засѣданія свои въ Парижѣ, что посылаетъ въ Ирландію шпіоновъ, и что доставляетъ непріятелю разныя извѣстія и нужную помощь. На всемъ берегу Ирландскомъ разсѣяны тайные соглядатаи, имѣющіе сношенія съ недовольными, живущими внутри острова, и увѣдомляютъ непріятеля о всѣхъ произшествіяхъ. Сіи обстоятельства заставляютъ возобновить уничтоженіе" и проч.

Сиръ Джонъ Ньюпоръ: „Уничтоживъ Актъ habeas corpus, надобно будетъ лишить Ирландію главнѣйшей изъ ея привиллегій; къ тому потребны причины немаловажныя, и на однихъ поверхностныхъ показаніяхъ не льзя основываться. Предлагаю учредить Комитетъ для изслѣдованія при-

(*) Такъ называется Актъ, по силѣ котораго гражданинъ пользуется свободою, и не подлежитъ наказанію безъ суда. *Изд.*

чинъ, нужно ли остановить дѣйствіе упомянутаго Акта?"

Г. Вандамъ подкрѣпилъ голосъ Сира Джона Ньюпора.

Г. Питтъ: „Удивляюсь мнѣнію, будто силу Акта habeas corpus не льзя на время остановить, не изслѣдовавъ побудительныхъ къ тому причинъ; еще болѣе удивляюсь тому, что слышу это отъ высокопочтеннаго Оратора, которой прежде былъ совсѣмъ другаго мнѣнія, и думалъ, что одной извѣстности о произшествіяхъ довольно для уничтоженія упомянутаго Акта. Онъ попался въ трудную дилемму, изъ которой едва можетъ выпутаться На вопросы его о причинахъ, требующихъ временнаго уничтоженія Акта, скажу только, что онъ точно тѣ же, какія были прежде. Ясно и очевидно, что непріятель имѣетъ намѣренія напасть на Ирландію, какъ на сторону слабѣйшую Англіи, и что бдительная осторожность нашихъ флотовъ удерживаетъ его отъ покушеній. Всѣмъ извѣстно, что уничтоженіе Акта habeas corpus имѣло благодѣтельнѣйшія слѣдствія во время бывшихъ внутреннихъ смятеній. Положимъ, что многіе наконецъ увѣрились самыми опытами, сколь пагубны слѣдствія честолюбивыхъ плановъ Франціи; однакожъ не льзя согласиться, будто сѣмена злыхъ умысловъ совершенно истребились

въ нѣкоторомъ классѣ людей. Осторожность потребна; произшествія всѣмъ извѣстныя заставляютъ прибѣгнуть къ ней;" и проч.

Г. Фоксъ: „Если высокопочтенный Канцлеръ положеніе моего друга называетъ трудною дилеммою; то я осмѣливаюсь сказать, что объясненія высокопочтеннаго Канцлера суть не что иное, какъ предложенія неприличныя. Мой другъ не прибѣгнувшися осторожнымъ мѣрамъ; не доволенъ только недостаткомъ причинъ побудительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ сіи причины? Извѣстно, что знатная часть жителей Ирландскихъ состоитъ изъ людей добрыхъ и вѣрныхъ; можно даже сказать, что въ Ирландіи большая часть жителей состоитъ изъ людей благонамѣренныхъ. Не ужасно ли, націю вѣрную и добрую лишить права драгоцѣннѣйшаго? Подлинно ужасны должны быть слѣдствія, если одобрится сіе предложеніе. Высокопочтенный Канцлеръ упоминаетъ, что мы ведемъ войну съ непріятелемъ, которой имѣетъ намѣреніе напасть на Ирландію. Кто изъ нашихъ непріятелей не имѣлъ такихъ же намѣреній? Непріятель угрожалъ Ирландіи; но развѣ онъ не грозился напасть и на самую Англію? развѣ онъ не сдѣлалъ страшныхъ приготовленій? Самъ высокопочтенный Канцлеръ называлъ ихъ страшными, и утверждалъ, что они

каждой день, каждую недѣлю увеличиваются. Если нѣжная попечительность о судьбѣ Ирландїи заставляетъ Канцлера предлагать объ отнятїи ея привиллегїй; то по внушенїю попечительности еще нѣжнѣйшей и въ разсужденїи Англїи должны быть взяты равныя мѣры!! — Если станемъ соглашаться на такїя причины — тогда прощай всѣ права, привиллегїи и вольность нацїи; тогда останется намъ терпѣливо преклонить выю подъ скипетръ деспотическїй" и проч.

Г. Шериданъ подалъ голосъ объ изслѣдованїи причинъ. Многїе говорили противное. Напослѣдокъ собрали голоса, и *временное уничтоженїе* Акта habeas corpus *утеерждено* 122 мя голосами противъ 55 хъ.

11 го Числа въ Верхнемъ Парламентѣ предложено было о поднесенїи Королю благодарительнаго адресса за сообщенїе бумагъ, принадлежащихъ до обстоятельствъ войны съ Испанїею. Лордъ Спенсеръ говорилъ при семъ случаѣ: „Не буду оспоривать справедливости войны съ Испанїею; однакожъ не одобряю нерѣшительности Министровъ. По моему мнѣнїю, назначенїе Г-на Фрера въ преемники его брату сдѣлано противъ Политики; ибо если произошла ссора между Княземъ мира и Г-мъ Фреромъ, то легко можно было догадаться, что и съ братомъ его то же послѣдуетъ. Не смотря на то,

его отправили, не снабдивъ никакими наставленіями. Далѣе, мнѣ кажется, овладѣнія Испанскими фрегатами равнымъ образомъ одобрить не можно. Не лучше ли было бы наложить арестъ на всѣ корабли Испанскіе? всѣ похвалили бы такой поступокъ. Но не объявивши войны завладѣть кораблями — есть нѣчто такое, въ справедливости котораго я никакъ не могу убѣдить себя."

Лордъ Гренвиль: „Какое нареканіе заслуживаетъ поступокъ Министровъ! Испанія хотѣла знать причины нашего разрыва со Франціею, — Г. Фреръ не могъ дать никакого отзыва. Испанія предлагала свое посредство къ примиренію насъ со Франціею — и не получила удовлетворительнаго отвѣта. Здѣсь находившійся Испанскій Министръ подалъ Ноту, и жаловался на многія неудовольствія, — но высокопочтенный Стапс-Секретарь не удостоилъ его ни аудіенціею, ниже отвѣтомъ. Нашъ Министръ отпущенъ въ Испанію безъ наставленій. Неслыханныя оскорбленія! и никто не позаботился загладить ихъ! какъ будто для насмѣшки, назначили Г-на Фрера преемникомъ брату!"

Лордъ Гакесбури: „Благородный Лордъ опорочиваетъ поступокъ Министровъ, и однакожъ оправдываетъ войну; я долженъ сдѣлать на то нѣкоторыя замѣчанія. При

начатіи нынѣшней войны съ Французами совсѣмъ не льзя было надѣяться, чтобы къ нашей пользѣ заставили непріятеля на твердой землѣ раздѣлить свои силы. Слѣдственно крайне было бы глупо разорвать мирную связь вдругъ со всѣми Державами, которыми мы недовольны. Тѣмъ съ большею осторожностію надлежало обходиться съ Испаніею; ибо отъ того зависитъ участь Португаллїи. Если благородный Лордъ не одобряетъ Министровъ за то, что они не представили всѣхъ запросовъ и требованій такимъ образомъ, чтобы *немедленнымъ* слѣдствіемъ ихъ была война или миръ; то не многіе умные Политики возьмутъ его сторону. Медленность, Министрами умышленно допущенная, чтобы дать время Испаніи отвязаться отъ несносной союзницы, а намъ — привести въ безопасность Португаллію, — сія медленность заслуживаетъ великую похвалу и одобреніе."

Извѣстно, что Верхній Парламентъ опредѣлилъ поднести Королю благодарственный адрессъ. — Дальнѣйшія пренія помѣщены будутъ въ слѣдующихъ Нумерахъ Вѣстника.

Въ Парижѣ все готово къ отъѣзду Папы и Г-на Бонапарте въ Италію. Министръ Талейранъ три дни съ ряду сидѣлъ запершись въ кабинетѣ Г-на Бонапарте, и

оба вмѣстѣ работали неусыпно. Само собою разумѣется, что дѣло шло о Ломбардской коронѣ. Сказываютъ, что Іосифъ точно рѣшился быть Королемъ; часть экипажа его уже привезена въ Миланъ. Герцогство Пармское, вѣроятно, присоединено будетъ къ какому нибудь Государству, а можетъ быть, Г. Бонапарте по временному всемогуществу своему подаритъ сіе Герцогство какому нибудь члену многолюдной семьи своей. Между тѣмъ Полиція Парижская не оставалась безъ дѣла. Во многихъ частныхъ домахъ, коихъ владѣльцевъ почитаютъ приверженными къ Бурбонамъ, сдѣланы многократные обыски, и найдены списки надгробнаго слова Герцогу Энгіеньскому, произнесеннаго въ Лондонѣ въ свое время.

*

Извѣстно всѣмъ въ Парижѣ, что Г. Делаланд, изволитъ кушать пауковъ, чтобы отличиться странностію. Одинъ путешественникъ сдѣлалъ такое открытіе, которое не будетъ пріятно для лакомаго Француза, а именно: онъ нашелъ цѣлой народъ, питающійся пауками. И такъ Г-ну Делаланду остается выдумывать другой способъ отличаться, или же лакомиться змѣями и прочими животными пресмыкающимися. Въ этомъ безъ сомнѣнія онъ не скоро найдетъ себѣ соперника.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1805.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Гонимый судьбою (*).

Знакомство.

....Въ томъ состояло все мое упражненіе. Впрочемъ, мнѣ не запрещали съ книгою въ карманѣ бродить, гдѣ я хотѣлъ. Скоро послѣ несчастія Сусанны, я нашелъ друга, и сей другъ имѣлъ великое вліяніе на всю жизнь мою.

Я познакомился съ Г-мъ Вальденомъ, которой въ нашей деревнѣ былъ извѣстенъ болѣе подъ названіемъ *негодяя*, нежели подъ своимъ настоящимъ именемъ. По всему казалось, что онъ заслужилъ это. Не только посторонніе люди, но даже ро-

(*) Отрывокъ изъ *дневныхъ записокъ Карла Энгельмана*, изданныхъ А. Лафонтенемъ.

дипели его, даже слуги, которые знали его съ младенчества, всѣ вообще отзывались объ немъ, какъ о злодѣѣ, самомъ опаснѣйшемъ. Онъ вынималъ шпагу противъ отца и хотѣлъ соблазнить мачиху. Каждой смотрѣлъ на него съ омерзѣнїемъ, каждой почиталъ его человѣкомъ злымъ отъ природы и неспособнымъ къ исправленїю.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ замѣчено въ *негодяѣ* упрямство непреклонное; просвѣщенный разумъ и обширныя свѣдѣнїя дѣлали его еще болѣе опаснымъ. За дурные поступки выгнали его изъ Академїи. Отецъ опредѣлялъ его къ разнымъ должностямъ, — и нигдѣ онъ не ужился, никто не могъ терпѣть его. Всѣ почитали старраго Вальдена человѣкомъ добрымъ, справедливымъ и любящимъ своего сына, которого онъ принужденъ былъ послать въ заточенїе на мызу, находящуюся въ нашей деревнѣ. Здѣсь жилъ изгнанникъ въ прекрасномъ сельскомъ домикѣ, нарочно для него приготовленномъ. Садовыя деревья, книги, флейта и кисти были обыкновенными предметами его упражненїй.

Вальденъ жилъ въ деревнѣ настоящимъ пустынникомъ. „Онъ надѣлалъ бы проказъ,“ говорилъ управитель: „еслибъ дали ему волю; старой баринъ побожился и поклялся, что за первую шалость заклю-

чить его въ тюрьму на всю жизнь. Надобно только послушать, какъ онъ смѣется надъ человѣческимъ родомъ и проклинаетъ его!" — Каждой трепеталъ при одномъ напоминаніи имени столь гнуснаго злодѣя, каждой боялся говорить съ нимъ. Всѣ далеко обходили темную, находящуюся близь сада сосновую рощу, въ которой Вальденъ часто проводилъ время въ безмолвномъ уединеніи. Онъ имѣлъ щетинистые рыжіе волосы: это еще болѣе устрашало поселянъ.

Я не менѣе другихъ боялся, хотя никогда не видалъ его. Спустя недѣли четыре послѣ того, какъ Сусанна разсталась съ нами, случилось мнѣ гулять въ березовой рощѣ, гдѣ часто любилъ я смотрѣть на птичекъ, сидящихъ въ гнѣздахъ; тамъ встрѣтился со мною молодой человѣкъ, которой, не смотря ни то, что былъ рыжеволосъ, на мало не испугалъ меня; я и прежде уже видѣлъ его, гуляя съ Сусанною. Онъ попадался намъ на встрѣчу, и дружески кланялся сестрѣ, какъ человѣкъ знакомой. Иногда онъ о чемъ-то спрашивалъ ее; Сусанна обыкновенно отвѣчала однимъ или двумя словами, и мы продолжали путь свой. Хотя у него и рыжіе волосы, думалъ я; но съ

кѣмъ Сусанна говоритъ ласково, тотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Встрѣтясь опять со мною въ березовой рощѣ, онъ посмотрѣлъ на меня пристально, и послѣ короткаго молчанія, спросилъ о моихъ любимыхъ гнѣздахъ, но такимъ дружескимъ, такимъ пріятнымъ голосомъ, по которому я никакъ не могъ подозрѣвать, что имѣю дѣло съ *негодяемъ*. Онъ ходилъ со мною и разсказывалъ о свойствахъ птицъ, о которыхъ я совсѣмъ ничего не зналъ, кромѣ гнѣздъ ихъ. Я показалъ ему мои гнѣзда; онъ вынулъ изъ кармана горсть разныхъ сѣменъ и высыпалъ на землю. Потомъ мы, отошедши на нѣкоторое разстояніе, сѣли и любовались, глядя, какъ птицы кормили своихъ малютокъ; мнѣ казалось, что я въ то время былъ богаче Могола. Незнакомой забавлялъ меня пріятными анекдотами; я въ свою очередь разсказывалъ ему о моихъ родителяхъ, о моемъ дядѣ, о Сусаннѣ, не упоминая однакожъ объ ея несчастіи; мнѣ строго запрещено было говорить о немъ. Незнакомой объявилъ мнѣ о себѣ, что онъ стрѣлецъ стараго господина Вальдена, и я повѣрилъ тому; на немъ было охотничье платье. Наконецъ, насыпавъ мнѣ полной карманъ сѣменъ для моихъ птичекъ, и обѣщавшись

какъ можно чаще приходить въ рощу, онъ разстался со мною.

Пришедши домой, я съ крайнимъ удовольствіемъ разсказывалъ о свиданіи съ стрѣльцомъ; но никто не обратилъ на это вниманія. На другой день я опять повстрѣчался съ нимъ, и опять услышалъ новые анекдоты; разговоръ непримѣтнымъ образомъ склонился на Сусанну. Когда я началъ говорить о ней, незнакомой обнялъ меня съ нѣжностію; слезы блеснули въ глазахъ его. Прощаясь, онъ обѣщался на другой день видѣться со мною; въ самомъ дѣлѣ явился въ назначенное время, и предложилъ мнѣ идти въ такое мѣсто, гдѣ я найду множество птичекъ, сидящихъ въ гнѣздахъ; я съ радостію согласился. Холодной трепетъ обнялъ меня, когда я примѣтилъ, что мы подходимъ къ рощѣ *негодяя*; незнакомой умѣлъ ободрить меня, и ввелъ въ темную аллею, въ которой раздавалось пріятное пѣніе соловьевъ и другихъ птичекъ. Казалось, что мѣсто сіе было храмомъ довѣренности; птички, не боясь, прыгали вокругъ насъ и спокойно клевали кормъ свой. Не понимая, какимъ образомъ отцеубійца умѣлъ поселить довѣренность въ боязливыхъ пернатыхъ, я не скрылъ своего недоумѣнія отъ любезнаго

стрѣльца. „О! сынъ мой!“ сказалъ онъ, улыбаясь: „Вальденъ не такъ золъ, какъ ты думаешь. Люди ненавидятъ его; но сіи невинныя, добрыя твари любятъ его, потому, что онъ имъ благодѣтельствуетъ.“ Мы сѣли на скамьѣ передъ домикомъ, среди деревъ буковыхъ. Пара голубей спустилась съ крышки прямо на плеча незнакомаго. Я ужаснулся, догадавшись, что этотъ незнакомой долженъ быть самъ — *чеходяй.*

Онъ примѣтилъ мое замѣшательство и объявилъ мнѣ настоящее свое имя; но его ласки, его нѣжной голосъ, совершенно успокоили меня. Потомъ онъ отворилъ для меня свой домикъ, показалъ рисунки, принадлежащіе къ Бюффоновой Натуральной Исторіи, повелъ меня на голубятню, гдѣ были самые отборнѣйшіе голуби, и занялъ меня такъ пріятно, что я не увидѣлъ, какъ насталъ вечеръ.

Прощаясь со мною, онъ взялъ меня за руку и сказалъ печально: „Если твои родители узнаютъ, что ты посѣщалъ меня, то мы болѣе уже не увидимся; мнѣ будетъ очень жаль; я могъ бы еще показать тебѣ много хорошаго.“ Онъ развернулъ большую книгу въ листъ, и я увидѣлъ прекрасныя изображенія. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ я съ радостію: „никто не узнаетъ,

что я былъ здѣсь; завтра по утру опять увидимся." Онъ поцѣловалъ меня и показалъ мѣсто, чрезъ которое могъ я выдти, не будучи никѣмъ примѣченъ. Въ самомъ дѣлѣ я умолчалъ о дневномъ прикаючении; прекрасные рисунки, голуби, анекдоты крѣпко привязали меня къ моему другу, и я опять посѣтилъ его. При каждомъ свиданіи любовь моя къ нему увеличивалась. Спустя мѣсяцъ, я не могъ уже безъ него жить и всѣ праздные часы свои проводилъ въ темной буковой рощѣ.

Скоро встрѣтились нѣкоторыя препятствія нашимъ свиданіямъ; мнѣ должно было ежедневно по два часа учиться у сельскаго Священника Латинскому языку и наукамъ. Наставникъ мой, человѣкъ нерадивый, заставлялъ меня выучивать наизусть множество словъ. Я старался какъ можно скорѣе затверживать урокъ свой, чтобы имѣть время посѣщать Вальдена, и часто, идучи къ нему, бралъ съ собою книгу. Вальденъ шутилъ надъ моимъ прилѣжаніемъ, и началъ учить меня по-своему, то есть, читалъ со мною вмѣстѣ Латинскихъ Авторовъ. Я любилъ новаго своего наставника, и это помогло мнѣ преодолѣвать всѣ трудности, встрѣчавшіяся при самомъ началѣ, такъ что, упражняясь въ переводахъ, я мало по малу завер-

дилъ всѣ правила Грамматики. Священникъ удивлялся моей способности, а особливо удачной своей методѣ, отъ которой онъ самъ не надѣялся большихъ успѣховъ.

Время, проведенное мною съ Вальденомъ, большею частію было посвящено ученію — и какому ученію! Незабвенный наставникъ мой! когда опять увижу тебя? Ты, подобно солнцу благотворному, озарялъ умъ мой и согрѣвалъ мое сердце; ты удѣлялъ мнѣ отъ своего золота не слитками, но выбитою, наличною монетою, и на каждой монетѣ отпечатаны были чувства благороднѣйшія! Много я обязанъ твоимъ обширнымъ знаніямъ; но еще болѣе, гораздо болѣе твоимъ слезящимъ очамъ, твоему напряженному голосу, огню, горѣвшему на блѣдныхъ щекахъ твоихъ, когда ты говорилъ о страждущемъ человѣчествѣ, о добродѣтели, объ упованіи на Бога и о надеждѣ на лучшую жизнь. Я плакалъ вмѣстѣ съ тобою, не зная, что о тебѣ самомъ проливаю слезы, не зная, что къ разтроганному сердцу своему прижимаю несчастнѣйшаго и добрѣйшаго изъ всѣхъ людей, существовавшихъ въ мірѣ. Твои собратія оставили тебя — ты не оставилъ ихъ; забывъ о своемъ собственномъ счастіи, ты помнилъ только о благѣ человѣчества. Ты желалъ, чтобы все живущее радовалось и благоден-

ствовало, и не зналъ, не испыталъ самъ, что есть благоденствіе и радость; другой міръ носился въ печальномъ твоемъ воображеніи, міръ вожделѣнный для всѣхъ добрыхъ.

Въ продолженіе немногихъ лѣтъ я научился многому; разумѣлъ по Латыни и читалъ по Гречески довольно исправно. Мнѣ весьма пріятно было, когда узнали, что *негодяй* былъ моимъ учителемъ. Отецъ и дядя, видя успѣхи мои, смотрѣли сквозь пальцы на знакомство мое съ Вальденомъ; но каждой разъ, когда я начиналъ хвалить его, оба качаніемъ головы изъявляли сомнѣніе. Можетъ быть, мнѣ запретили бы видѣться съ нимъ, но не смѣли рѣшиться: ибо при первомъ опытѣ замѣтили, что мнѣ не возможно будетъ повиноваться. Съ того времени, я началъ уже явно посѣщать Вальдена; любилъ его какъ брата, почиталъ какъ отца, во всемъ признавался передъ нимъ, открывалъ ему всѣ свои мысли и чувства; но не удостоился его довѣренности. Мнѣ извѣстно было его сердце, но не приключенія, которыя казались мнѣ таинствомъ непроницаемымъ. Я ломалъ себѣ голову, старался доискаться, ужасался, думая о нихъ; но никогда не осмѣливался спрашивать Вальдена.

Онъ говорилъ о Сусаннѣ и въ спокойныя минуты и въ печальныя. Я давно уже разсказалъ ему все, что было извѣстно мнѣ объ ея участи; не смотря на то, Вальденъ тысячу разъ заставлялъ меня повторять обстоятельства и подробности послѣдняго ея съ нами прощанья, и всегда слушалъ съ горестною улыбкою, со слезами на глазахъ. Ахъ! я догадывался, я чувствовалъ, что онъ имѣлъ тѣсную связь съ несчастіемъ Сусанны, но никогда не смѣлъ объявить ему о своей догадкѣ. Однажды мнѣ вздумалось спросить, чѣмъ я заслужилъ его къ себѣ привязанность? Бросивъ на меня взоръ умильно — печальной, онъ отвѣчалъ: „Сусанна любила тебя; въ чертахъ твоего лица такое сходство .... Сусанна ....“ и не могъ кончить (*).

Хотя по его участію въ судьбѣ Сусанны, я о многомъ догадывался; однакожъ никому не открывалъ ни слова изъ нашихъ разговоровъ. Мои родственники тщетно продолжали стараться узнать соблаз-

(*) Надобно знать, что Сусанна, двоюродная сестра повѣствующаго лица, любила Вальдена. Отецъ ея, удостовѣрясь о сей связи по признакамъ несомнительнымъ, выгналъ ее изъ своего дома. Прочее не принадлежитъ къ сему отрывку. *Изд.*

нителя Сусанны. Я молчалъ, молчу и теперь, хотя думаю, что несчастный уже лежитъ въ могилѣ. Какая мнѣ нужда, что сердце его истлѣло въ земномъ нѣдрѣ? Его тайна священна для меня, какъ нѣкогда была священною печаль его. Несчастный другъ мой! не проклятіе моего дяди, не упреки моего отца должны носиться надъ твоею могилою! нѣтъ! благословеніе всѣхъ сердецъ добрыхъ и чувствительныхъ. Листки сіи увидятъ только тѣ люди, которые прольютъ по тебѣ слезы состраданія.

Первое прощаніе.

Мнѣ надлежало отправиться въ Университетъ; сундукъ мой посланъ былъ въ передъ. „Поѣзжай, сынъ мой!“ сказалъ мнѣ батюшка, когда подвели къ крыльцу верховую лошадь, на которой я долженъ былъ ѣхать въ городъ: „поѣзжай, сынъ мой, и будь честнымъ человѣкомъ. Если случится тебѣ спорить съ людьми, и если справедливость будетъ на твоей сторонѣ — уступи противнику; ибо ты правъ, и чего болѣе хотѣть? Если жъ ты будешь виноватъ — уступи, потому что виноватъ. Не забудь, сынъ мой, что человѣкъ бываетъ нечувствительнѣе и жесточе, когда онъ чувствуетъ себя правымъ. Можно быть во всемъ правымъ, и быть бездѣльникомъ.

Быть правымъ и быть справедливымъ не есть одно и то же. Щади человѣческое сердце болѣе всего. Помни, что съ несчастіемъ, съ глазами слезящими можно явиться передъ лице Судіи Праведнаго; но съ худыми дѣлами — никогда! Съ Богомъ!"

„Съ худыми дѣлами никогда!" подхватилъ Вахмистръ, мой дядя: „Будь честнымъ, будь вѣрнымъ Богу, людямъ и самому себѣ. Однакожъ, ни большому, ни малому, ни знатному, ни простолюдиму не позволяй играть на носу твоемъ. Если случится тебѣ въ Лейпцигѣ видѣть хорошіе аврикулы (*), то вспомни о своемъ дядѣ."

Матушка плакала; прижавъ меня къ своему сердцу, она сказала: „Будь здоровъ и счастливъ, сынъ мой! исполни совѣты ихъ! Богъ да благословитъ тебя!"

Всѣ трое закричали: аминь!

Кто, находясь въ трепещущихъ объятіяхъ, самъ не трепещетъ отъ радости, или печали? кто можетъ смотрѣть сухими глазами на плачущихъ? кто можетъ съ холодностію слушать прощанія, сопровождаемыя желаніемъ всѣхъ благъ и счастія?

Скупой сказалъ бы мнѣ: береги деньги. Философъ объяснилъ бы какое нибудь пра-

---

(*) Медвѣжье ушко, любимое растѣніе Вахмистра.

вило Морали; любовница посовѣтовала бы хранить одну добродѣтель: вѣрность. Моя мать, которая знала только, что любитъ меня отъ всего сердца, не говоря ничего о добродѣтеляхъ, сказала: будь счастливъ! Она ничего отъ меня не требовала, ниже любви, хотѣла только, чтобъ я былъ счастливъ. Не знаю, что всѣ они думали во время сего прощанья; я видѣлъ ихъ любовь, слышалъ ихъ усердныя желанія, чувствовалъ дрожащія, но сильныя пожиманія рукъ моихъ. — Медленно поѣхалъ я по дорогѣ въ городъ, со слезами на глазахъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ въ душѣ обнять въ послѣдній разъ моего друга.

Второе прощаніе.

Ввечеру, я опять поѣхалъ въ деревню изъ города. Ночь была прекрасная; багряная половина луны освѣщала легкія облака, носящіяся на западѣ; надо мною горѣли милліоны звѣздъ. Душа моя еще не отдохнула послѣ печальнаго прощанія съ родными; мнѣ казалось, будто по прошествіи тридцати лѣтъ я возвращаюсь въ деревню для посѣщенія могилъ, любезныхъ моему сердцу. Я чувствовалъ какое-то неизвѣстное хотѣніе, какое-то ожиданіе сильной перемѣны душевной, которая должна была

послѣдовать при прощаньѣ съ моимъ наставникомъ. Проѣзжая черезъ деревню, я на минуту остановился передъ домомъ отца моего. Теперь онъ, такъ я думалъ, записываетъ наше прощанье, и къ имени моему прибавляетъ благословенїе родительское Ты не знаешь, доброй отецъ, доброй человѣкъ, шепталъ я самъ съ собою, что сынъ твой стоитъ здѣсь и дрожащею рукою пишетъ имя твое на небесномъ сводѣ между звѣздами. Я въ самомъ дѣлѣ написалъ его; сїя игрушка благодарности обрадовала мое сердце и вознесла его выше звѣздъ. Съ спокойнымъ духомъ я пошелъ въ буковую рощу, въ которой почтенный наставникъ ожидалъ меня.

Въ домикѣ свѣтился огонекъ; идучи мимо, я заглянулъ въ окно и увидѣлъ Вальдена сидящаго надъ бумагою съ карандашемъ въ рукахъ. Никогда еще во всю жизнь мою не былъ я столько разположенъ къ прощанью, какъ въ тотъ вечеръ; со всѣмъ тѣмъ я ощутилъ какое-то замѣшательство, когда вошелъ въ комнату. Мой наставникъ, съ обыкновенною привѣтливостїю пожелавъ мнѣ добраго вечера, протянулъ черезъ столъ свою руку. Видя, что онъ не кончилъ работы, я вышелъ на дворъ, полюбовался свѣтомъ огня, мелькающаго на древесныхъ листьяхъ, ю-

смотрѣлъ на усѣянное звѣздами небо, и возвратился въ комнату. Что вы рисуете? спросилъ я. „Мемнонову статую;“ отвѣчалъ Вальденъ. Онъ представилъ ее точно въ такомъ положенiи, какъ она описана въ жизни Аполлонiя; разкрытая книга лежала на столѣ. На рисункѣ изображена статуя, сдѣланная изъ чернаго мрамора и представляющая сидящаго юношу, которой, опираясь на обѣ руки, хочетъ подняться на ноги; на противной сторонѣ видно возходящее солнце.

Что же это значитъ? спросилъ я. — „Это должно служить для тебя напоминанiемъ;“ отвѣчалъ Вальденъ, улыбаясь. Я всматривался пристальнѣе, и по нѣкоторомъ молчанiи сказалъ: „ничего не понимаю.“ — И Аполлонiй не понималъ; отвѣчалъ Вальденъ, указывая на книгу. Я принялся читать, а онъ продолжалъ работу. „Не уже ли не видишь,“ сказалъ Вальденъ тихимъ голосомъ: „что Мемнонъ представляетъ символъ человѣка? Смотри! сынъ утренней зари изображенъ сидящимъ; на мрачномъ лицѣ его написано страданiе; ноги его прикрѣплены къ землѣ; онъ ничего не слышитъ, ничего не чувствуетъ и ждетъ нетерпѣливо, пока первый лучь солнечный озаритъ его. Тогда онъ откроетъ уста свои; тогда мертвые

глаза его засверкаютъ, сердце наполнится чувствомъ бытія и блаженства. И мы, чада немерцающаго свѣта, и мы развѣ не прикованы къ землѣ страстями? развѣ печаль и страданія не отрачаютъ насъ? развы мы безчувствіемъ не уподобляемся мрамору, пока яркій лучь другой жизни, свѣтъ вѣчности, не пробудитъ нашего сердца къ бытію и блаженству? Впрочемъ, это въ настоящихъ обстоятельствахъ есть дѣло постороннее; мнѣ хочется только, чтобы сіе изображеніе служило для тебя напоминаніемъ о несчастномъ, которой изъ мрака земнаго мысленно стремится къ блаженной вѣчности: напоминаніемъ о твоемъ другѣ?"

Онъ замолчалъ — и слезы градомъ покатились изъ глазъ его. Спустя не много, онъ опять сѣлъ за работу, докончилъ рисунокъ, надписалъ на немъ слова: *помни Мемнона*, и отдалъ мнѣ.

„Ты вступишь въ свѣтъ," говорилъ Вальденъ: „вступишь въ общество людей, не зная, каковы они: Помни, любезной другъ, слова, которыя ты много разъ отъ меня слышалъ; помни, что злые не всегда такъ злы, какими они кажутся, что добрые не всегда такъ добры, какими могли бы они быть, и что наилучшій человѣкъ болѣе *любитъ* добродѣтель, неже-

ли *исполняетъ* ее. И добрыхъ и злыхъ ты встрѣтишь на пути жизни, будешь терпѣть отъ нихъ оскорбленія; но не огорчайся противъ самой добродѣтели. И добрые и злые могутъ быть для тебя полезны; но не люби порока. Если опыты удостовѣрятъ тебя, что добрыхъ людей на свѣтѣ мало — не презирай всего человѣчества. Не забудь, что Провидѣніе печется о каждомъ смертномъ, и что для составленія гармоніи потребны разные голоса. Знай, что собственныя страсти твои гораздо чаще будутъ вводить тебя въ заблужденія, нежели люди; страсти будутъ виною твоего счастія и несчастія. Я поступилъ бы несправедливо, если бы сказалъ тебѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни радости, ни печали; ты испытаешь и печаль и радость. Но, молодой человѣкъ! и въ счастіи и въ несчастіи не забывай никогда, что радость и печаль какъ дымъ изчезаютъ, и что ты стоишь на краю могилы, гдѣ вѣчное спокойствіе обитаетъ. Часто благороднѣйшія намѣренія раждаются отъ гордости; часто блистательнѣйшіе подвиги суть плодъ суетности; однакожъ добродѣтель существуетъ въ мірѣ. Драгоцѣнные камни малы величиною, но стоютъ цѣлой области; бываютъ мысли, чувства, намѣренія, поступки,

о которыхъ никто не знаетъ, — и со всѣмъ тѣмъ, они иногда скрываютъ въ себѣ зерно добродѣтелей для цѣлаго столѣтія. Молодой человѣкъ! самое большее несчастіе въ жизни есть — заслужить несчастіе; тотъ наслаждается верховнымъ блаженствомъ, кто увѣренъ въ душѣ своей, что имѣетъ право наслаждаться онымъ. Я испыталъ и то и другое." Сказавъ сіе, онъ замолчалъ.

Я просилъ его не останавливаться, видя, что изліяніе чувствъ облегчаетъ его сердце отъ горести. „Опытъ будетъ твоимъ наставникомъ," отвѣчалъ онъ съ значительною улыбкою, и вынесъ изъ кабинета двѣ бумаги запечатанныя. Подавая мнѣ одну, онъ сказалъ: „Прочти; здѣсь содержится исторія моей жизни. Ты увидишь, что я не злодѣй; это нужно для твоей добродѣтели. Прочти и опять запечатай; вотъ печать моя. Храни залогъ сей; со временемъ я обратно потребую отъ тебя сіи бумаги." Тутъ онъ сорвалъ печать съ конверта, подалъ мнѣ бумагу, оставилъ меня одного и заперся въ кабинетѣ. Я цѣпенѣлъ отъ ужаса, читая плачевную исторію, и омывалъ ее моими слезами. Начинало разсвѣтать, когда я, прочитавъ до конца, дрожащею рукою приложилъ печать къ конверту.

Дверь кабинета отворилась, и я бросился въ объятія любезнаго моего наставника, едва будучи въ состояніи выговорить: „несчастный Вальденъ!“ Онъ подалъ мнѣ другую бумагу, сказавъ: „Это для Сусанны, если она найдется; для тебя, если не найдется Сусанна. Теперь прости, любезный другъ мой! будь добръ и счастливъ.“ Тутъ онъ прижалъ меня къ своему сердцу, подарилъ мнѣ дорогой цѣны перстень, проводилъ меня до самаго выхода изъ рощи — и скрылся.

Тамъ, подъ высокими соснами, оставшись одинъ, невольнымъ образомъ я упалъ на колѣна; горящее лице мое склонилось къ влажному дерну. Я не молился; но душа моя утопала въ возвышенныхъ чувствахъ умиленія. Ощутивъ бодрость въ себѣ, я всталъ, и радостно окинулъ взоромъ окрестные предметы. Въ ту минуту овладѣла мною сладостная увѣренность, что я никогда не буду порочнымъ человѣкомъ; слѣдственно и злосчастнымъ — прибавилъ бы я, но приключенія Вальдена были у меня въ свѣжей памяти. „Какая нужда!“ говорилъ я: „за гробомъ сіяетъ свѣтлый день вѣчной жизни.“ Въ деревнѣ уже начинали раздаваться голоса пробуждающихся поселянъ; я поспѣшно отправился въ городъ, и цѣлой день провелъ

въ описаніи Вальденовыхъ приключеній. Окончивъ свою работу, я узналъ, что почта отходитъ, сѣлъ въ коляску и черезъ три дни пріѣхалъ въ Лейпцигъ.

Рыжеволосый.

Отъ чего трепещетъ рука моя, принимаясь за перо, для описанія жизни сего несчастнаго? Не отъ того ли, что онъ страдалъ невинно? развѣ одни преступники страдаютъ? Не отъ того ли, что причина его несчастій маловажна? но сама Натура не производитъ ли ужаснѣйшихъ бурей изъ того же воздуха, которымъ человѣкъ дышетъ? — Ахъ! не могу съ равнодушіемъ помыслить объ исторіи Вальденовой жизни. Древніе утверждали, что неумолимая Судьба, строгая Необходимость управляетъ богами и людьми. Для меня такая вѣра не утѣшительна; это значитъ отнять языкъ у несчастнаго, чтобы заставить его прекратить жалобы. Бѣдной, безутѣшной человѣкъ!

Главное несчастіе Вальдена состояло въ томъ, что онъ родился — рыжеволосымъ. Мать его имѣла уже трехъ сыновей, прекрасныхъ какъ сама Любовь; Вальденъ былъ четвертый. Она надѣялась, что волосы со временемъ почернѣютъ; на-

противъ того они годъ отъ году становились рыжѣе и жестче. Братья Вальдена, веселые и ласковые мальчики, безпрестанно прыгали и увивались около своихъ родителей. *Безобразной дятелъ* (*) (такъ мать называла его), обыкновенно нахмурясь, стоялъ вдали, завидовалъ счастїю своихъ братьевъ, и часъ отъ часу казался грустнѣе. Иногда мать подзывала его къ себѣ, но только для того, чтобы пожалѣть объ его волосахъ, лицѣ и обычаѣ. Вальденъ сдѣлался молчаливымъ, потому что не видѣлъ любви къ себѣ, и упрямымъ, потому что при всякомъ спорѣ заставляли его быть виноватымъ. Такимъ образомъ съ малолѣтства онъ привыкъ къ мрачному уединенїю.

Наставникъ четырехъ братьевъ, человѣкъ съ большими познанїями, но съ дурнымъ сердцемъ, льстилъ родителямъ, превозносея похвалами троихъ старшихъ сыновей и сравнивая ихъ съ младшимъ, разумѣется, ко вреду сего послѣдняго. Мемнонъ (такъ буду называть моего друга) чувствовалъ, что его крайне обижаютъ; онъ зналъ гораздо болѣе нежели братья; ибо все удовольствїе свое находилъ въ одномъ ученїи. Видя, что наставникъ умы-

(*) Извѣстная птица съ красною головою.

шленно вредитъ ему, Мемнонъ началъ обходиться съ нимъ неучтиво; наставникъ съ своей стороны сперва платилъ ему холодностїю, потомъ насмѣшками, наконецъ явнымъ презрѣнїемъ.

Огорченный мальчикъ выдумывалъ колкїя шутки на счетъ наставника, отзывался съ пренебреженїемъ о своихъ братьяхъ и убѣгалъ родителей. Прежде нежели исполнилось ему десять лѣтъ, уже всѣ въ домѣ и въ деревнѣ не называли его иначе, какъ *негодяемъ*. Оставленный отъ людей, носящїй на себѣ мнимую печать отриновенїя, часто онъ скрежеталъ зубами отъ досады, слыша: берегитесь того, на комъ самъ Богъ положилъ печать отриноновенїя! — „Что будетъ изъ этого несчастнаго?“ иногда спрашивалъ отецъ, кинувъ на него не охотной взглядъ. „Ничего!“ обыкновенно отвѣчала мать, поглаживая полненькую щечку одного изъ любимыхъ сыновей. Наставникъ съ своей стороны пожималъ плечами. Такимъ образомъ юное сердце приготовили къ ненависти. Однакожъ онъ никого не ненавидѣлъ; другая мысль занимала его — мысль успѣхами въ наукахъ и благонравїи устыдить родителей, братьевъ и наставника.

Съ тѣхъ поръ онъ не показывалъ уже своихъ упражненїй учителю, притворился

совершенно невнимательнымъ, и на каждой вопросъ давалъ отвѣты нескладные и глупые. Напротивъ того скрытнымъ образомъ занимался съ особеннымъ прилѣжанїемъ, и въ уединенїи перечитывалъ книги, какїя только могъ достать. Это удовлетворяло его самолюбїе. Онъ совсѣмъ не заботился о томъ, что называли его простякомъ, упрямцемъ и негодяемъ. Наконецъ потеряли терпѣнїе жить съ нимъ вмѣстѣ, и крайне обрадовались, когда Мемнонова бабка, женщина добрая и благомыслящая, сжалившись, согласилась взять его къ себѣ на воспитанїе.

Сїя добродушная женщина дыханїемъ любви отогрѣла Мемноново сердце, начинавшее охладѣвать къ человѣчеству. Она успѣла спасти въ немъ качество благороднѣйшее: любовь къ добродѣтели. Доброхотство снова разцвѣло въ душѣ Мемнона; однакожъ въ его взорахъ, въ чертахъ лица остались слѣды пасмурной скрытности. Онъ любилъ бабку свою со всею нѣжностїю, но не могъ принудить себя изъявлять ей наружныя ласки. Сердце его наполнялось чувствомъ благодарности, въ глазахъ навертывались слезы: вотъ все, чѣмъ онъ могъ отвѣчать на любовь бабки.

Къ сожалѣнїю, сїе счастливое время было очень коротко. Спустя полгода,

великодушная Мемнонова благодѣтельница скончалась; она успѣла сказать тринадцатилѣтнему своему внуку, что любила его съ материнскою нѣжностїю, и что умретъ спокойно, если будетъ увѣрена въ его почтенїи къ родителямъ. Мемнонъ съ разтерзаннымъ сердцемъ обѣщался исполнить ея волю.

Умирающая въ духовной своей завѣщала внуку въ вѣчное владѣнїе — когда онъ достигнетъ двадцатилѣтняго возраста — мызу, лежащую въ нашей деревнѣ. Мемнону надлежало снова переселиться въ домъ отеческїй, гдѣ ожидали его многїя огорченїя. Онъ рѣшился терпѣливо сносить оныя отъ своихъ родителей; но не хотѣлъ покоряться братьямъ, отъ которыхъ уже не скрывалъ оскорбляемой гордости своей и превосходства въ знанїяхъ передъ ними. До сихъ поръ они считали его за простяка, слѣдственно думали, что имѣютъ право ненавидѣть такого человѣка, которой, не уважая достоинствъ ихъ, самъ обнаруживаетъ требованїя на уваженїе. Троихъ братьевъ послали въ Академїю; Мемнонъ остался дома. Не много спустя, одинъ изъ нихъ привезъ домой печальное извѣстїе о смерти своихъ братьевъ, утонувшихъ, купаясь въ рѣкѣ. Горесть родителей усугубилась новымъ несчастїемъ: третїй

сынъ занемогъ оспою и въ седьмой день умеръ. Отчаянная мать не могла утѣшиться, а особливо приводя себѣ на память нѣкоторыя строки изъ письма бабки Мемновой, полученнаго ею за нѣсколько лѣтъ прежде: „Берегись, дочь моя! чтобы несчастіе, ожидающее любимыхъ дѣтей твоихъ, не наказало тебя за несправедливость противъ младшаго сына!“ Печальное предвѣщаніе совершилось на самомъ дѣлѣ. Мать, почитая смерть старшихъ сыновей наказаніемъ отъ Провидѣнія, боялась взглянуть на младшаго. Спустя мѣсяцъ, когда Мемнонъ въ первый разъ явился къ матери она, съ ужасомъ отворотясь отъ него, вскричала: „Праведный Боже! Ты отнялъ, у меня любимыхъ дѣтей моихъ, и оставилъ этого!“

Мемнонъ поблѣднѣлъ и остановился въ отдаленіи, подобно окаменѣлому. Отецъ, подведши его къ неутѣшной матери, сказалъ съ принужденною ласковостію: „что же дѣлать! станемъ любить его; судьбѣ противиться не возможно!“ и съ явною холодностію обнялъ сына. Мемнонъ ничѣмъ не отвѣчалъ на такія ласки. „Ты чудовище!“ вскричалъ разъяренный отецъ. — „У васъ остался одинъ сынъ,“ отвѣчалъ Мемнонъ равнодушно: „но онъ — сирота, онъ не имѣетъ родителей.“ Отвѣтъ сей, из-

лившійся изъ разтерзаннаго сердца, показался отцу угрожающимъ упрекомъ; онъ съ досадою отворотился отъ несчастнаго Мемнона. „Такъ!“ вскричала мать: „мы не имѣемъ сына!“ — Скоро потомъ, печаль о смерти старшихъ дѣтей прекратила жизнь ея, не изтребивъ ненависти къ младшему сыну, которую она питала до послѣдняго вздоха.

Овдовѣвшій отецъ захотѣлъ наконецъ поправить разстроенныя обстоятельства. Онъ приставилъ къ Мемнону слугъ, опредѣлилъ знатное жалованье, снабдилъ его деньгами и платьемъ, и послалъ въ Университетъ учиться. Мемнонъ ничего не требовалъ, и получилъ все — кромѣ любви, а ему нужна была только любовь.

Уединенное, прилѣжное упражненіе въ наукахъ и претерпѣнныя огорченія усовершенствовали его способности, которыхъ однакожъ никакихъ слѣдовъ не видно было въ его физіогномии. Обширныя познанія и остроуміе таились въ душѣ его. Склонность къ сатирѣ часто оживляла его поступки; но никогда онъ не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ, если кого нибудь обижали. Видъ его показывалъ человѣка находящагося въ безпрестанномъ недоумѣніи, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ былъ

только задумчивымъ и незаботящимся о предметахъ, его окружающихъ.

Съ такими расположеніями и съ знатною денежною суммою Мемнонъ пріѣхалъ въ Университетъ. Должно ли удивляться, что немедленно окружила его толпа молодыхъ людей, искавшихъ его знакомства? Чувство быть любимымъ, чувство новое для его сердца, заставило его участвовать въ разныхъ дурачествахъ товарищей своихъ, или по крайней мѣрѣ смотрѣть равнодушно на ихъ дурачества. Не умѣя располагать деньгами, Мемнонъ былъ щедръ до расточительности; всѣ окружающіе обманывали его; онъ видѣлъ это, молчалъ и старался только доставить другимъ радостныя минуты, самъ не будучи въ состояніи наслаждаться радостію. Скоро начали считать его за простяка. Какъ же удивились молодые товарищи, когда Мемнонъ съ твердою рѣшимостію вступился за одного человѣка, невинно терпящаго оскорбленія, вооружился язвительными укоризнами противъ цѣлой толпы неистовыхъ обидчиковъ, и съ благороднымъ хладнокровіемъ защищалъ обижаемаго!

Тутъ въ первой разъ Мемнонъ съ удовольствіемъ примѣтилъ, какъ не трудно удерживать нахальныхъ. Ему понравилось удачное слѣдствіе рѣшимости, и съ тѣхъ

поръ онъ при каждомъ случаѣ охотно принималъ на себя должность примирителя. Такимъ образомъ не проходило ни одной ссоры, въ которой бы Вальденъ не былъ замѣшаннымъ. Привыкнувъ учиться по своей методѣ, онъ рѣдко посѣщалъ классъ, но никогда не пропускалъ случая быть въ библїотекѣ въ то время, когда отворяли ее. Все это кончилось тѣмъ, что начальники Университета признали нужнымъ — Мемнона, какъ человѣка безпокойнаго, выключить изъ своихъ списковъ.

Старой Вальденъ встрѣтилъ Мемнона слѣдующимъ привѣтствїемъ: „я ничего лучшаго не могъ ожидать отъ негодяя;“ и скоро потомъ опять удалилъ его изъ дому. Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнїя; слѣдственно обыкновенїе требовало послать его путешествовать — то есть, подъ надзиранїемъ гофмейстера посѣтить Дворы Князей Нѣмецкихъ. Обстоятельства заставили Мемнона разлучиться съ гофмейстеромъ; онъ видѣлъ, что одинъ проведетъ время съ большею для себя пользою. Прїѣхавши въ Римъ, онъ отписалъ къ отцу о мѣстѣ своего пребыванїя, и съ отвѣтомъ получилъ неважную денежную сумму, которой, по разсчетамъ стараго Вальдена, едва могло доставать для издержекъ на возвратной

путь. Къ крайнему удивленію отца, Мемнонъ успѣлъ, съ помощію присланныхъ денегъ, посѣтить Швейцарію и Францію; не видѣлъ ни одного Двора, и возвратился столь же скромнымъ и молчаливымъ, какимъ поѣхалъ.

Мемнонъ пришелъ домой пѣшкомъ, и ничего не принесъ съ собою, кромѣ записной книжки, наполненной разными рисунками и примѣчаніями на древнихъ Римскихъ Классиковъ, списанными въ бытность его въ Италіи. Старой Вальденъ встрѣтилъ его обыкновеннымъ привѣтствіемъ: „что мнѣ дѣлать съ тобою?“

Надлежало опредѣлить Мемнона къ должности. Онъ удивилъ своими обширными знаніями всѣхъ присутствовавшихъ при испытаніи, которое сдѣлано ему было; всѣ поздравляли Вальдена съ такимъ сыномъ, и старой Вальденъ, качая головою, думалъ: „увидимъ, увидимъ, что будетъ далѣе,“ — и не ошибся. Мемнонъ не могъ смотрѣть равнодушно на злоупотребленія, не могъ терпѣть, когда важное преступленіе старались оправдывать, говорилъ истину безъ околичностей — и сдѣлался ненавистнымъ. Ему *позволено* было подать прошеніе объ увольненіи. Отецъ не хотѣлъ пускать его на глаза къ себѣ, и заперся въ кабинетѣ, когда Мемнонъ пріѣхалъ домой.

„Что я сдѣлалъ? въ чемъ я провинился?“ говорилъ самъ себѣ Мемнонъ, услышавъ о гнѣвѣ родителя.

Ненавидимый отцемъ, презираемый всѣми, онъ снова предался тихому уединенію, упражнялся въ чтеніи и разводилъ цвѣты въ любимомъ саду своемъ.

(*Продолженіе впредь.*)

II.

Гигантское предпріятіе.

Тотъ не рожденъ трудиться надъ усовершенствованіемъ наукъ и художествъ, кто хочетъ назначить имъ извѣстныя границы. Чего не льзя ожидать отъ времени, отъ случая, отъ способностей ума человѣческаго? Можетъ быть, разстояніе между лодкою дикаго Американца и военнымъ кораблемъ о 124 хъ пушкахъ находится такое же, какое между нынѣшнимъ шаромъ воздухоплавательнымъ, и тѣмъ, которой сдѣланъ будетъ по прошествіи ста лѣтъ.

Наши воздушныя путешествія не получаютъ большихъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока Ученые собственнымъ опытомъ

не узнаютъ пользы, сопряженной съ такими путешествіями. Можетъ быть, важнѣйшія открытія и самое изобрѣтеніе управленія шаромъ по произволу, зависятъ только отъ небольшихъ пожертвованій, на которыя надлежитъ рѣшиться.

Сія надежда родила во мнѣ мысль предложить о сдѣланіи большаго аэростата, которой имѣлъ бы въ поперешникѣ 152 фута, и могъ бы поднять вѣсу болѣе 74400 фунтовъ. Попеченія мои при изготовленіи такого шара ручались бы за его прочность и крѣпость. На немъ можно было бы запасти все нужное для содержанія и безопасности *пятидесяти* человѣкъ, которые рѣшились бы пуститься въ дорогу на многіе мѣсяцы, для опытовъ и наблюденій физическихъ и астрономическихъ во всякое время, во всякую погоду, со всѣхъ высотъ и со всякой точки земнаго шара. Такой воздушной шаръ могъ бы служить и для географическихъ открытій; на немъ не трудно было бы достигнуть до земель и пустынь, почитаемыхъ неприступными; такъ конечно! можетъ статься, съ помощію постояннаго вѣтра удалось бы вокругъ облетѣть землю, между поворотными кругами.

Такую воздухоплавательную машину должны составлять:

Большой шаръ, имѣющій въ поперешникѣ 152 фута, и сдѣланный изъ наклеенной тафты, нарочно для сего приготовленной въ Лїонѣ.

Корабль изъ еловаго дерева, вѣсомъ въ 20000 фунтовъ, снабдѣнный парусами и канатами, чтобы въ потребномъ случаѣ могъ плавать по морю; шаръ тогда надлежало бы снимать.

На кораблѣ должны находиться:

1) Шелковыя лѣстницы; чтобы удобно было можно восходить на шаръ.

2) Большая кладовая для свѣжей воды, уксуса, вина и съѣстныхъ припасовъ.

3) Поварня безъ печной трубы и какъ можно далѣе отъ шара; въ одной только поварнѣ позволяется разводить огонь.

4) Рабочая для Механиковъ, для слѣсарни, для прачечной и проч.

5) Домъ для любопытныхъ путешественниковъ, одобренныхъ Академїями.

6) Рабочая для Химиковъ.

7) Астрономическая обсерваторїя.

8) Общая часовня для путешественниковъ разныхъ исповѣданїй.

9) Академическая зала для ученыхъ собранїй.

10) Зала для гулянья, игры и тѣлесныхъ упражненїй.

11) Музыкальная зала.

12) Парусъ для узнанія перемѣны въ направленіи шара.

13) Учебная зала, кабинетъ физическій и Натуральной Исторіи.

14) Нѣсколько палатокъ для сторожей.

15) Малой воздушной шаръ для разныхъ опытовъ и для пособія большому.

16) Парашютъ, мною усовершенствованный.

Слѣдуетъ примѣрное изчисленіе тяжести, для сопротивленія 1,203,650 ти кубическимъ футамъ водороднаго газа:

Шаръ изъ двойной, три раза наведенной лакомъ шафты будетъ вѣсить	2400	фун.
Епанча, назначаемая вмѣсто сѣти. - -	1500	—
Въ пятидесяти человѣкахъ, то есть тридцати Ученыхъ и двадцати служителяхъ, полагается -	6250	—
Въ бѣльѣ, платьѣ и другихъ потребныхъ вещахъ -	1200	—
Въ съѣстномъ четырехъ-мѣсячномъ для пятидесяти человѣкъ запасѣ, которой долженъ служить вмѣсто балласта -	36000	—
Физическіе, химическіе, астрономическіе инструменты, и предметы, до Натуральной Исторіи принадлежащіе. - -	500	—

Тяжесть, которую можно прибавить къ балласту и съѣстнымъ припасамъ. - -	4365	—
Корабль съ парусами и канатомъ. - -	20000	—
Тяжесть вещей, здѣсь не наименованныхъ - -	2260	
Итого	74475	фун-

Всѣ ученыя общества Европы могутъ участвовать въ построенiи сего шара; кому изъ нихъ угодно будетъ помочь денежною суммою, тѣ имѣютъ право прислать отъ себя двухъ Ученыхъ для воздушныхъ путешествiй на аэростатѣ, которой безъ сомнѣнiя стоить будетъ не дороже корабля линейнаго.

Робертсонъ.

III.

Статья изъ воспоминанiй Фелицiи.

Молодые люди не умѣютъ употреблять въ пользу ни ума своего, ни денегъ: то и другое они расточаютъ безразсудно, желая только забавляться, блистать, нравиться. Розница между *человѣкомъ съ истин-*

нымъ достоинствомъ и между *человѣкомъ остроумнымъ*, есть та, что первой дары Природы старается употребить въ свою пользу, другой совсѣмъ о томъ не думаетъ. Вообще мы имѣемъ чрезвычайное отвращенїе отъ прилѣжанїя; нѣтъ сомнѣнїя, что совсѣмъ не забавно заниматься такими вещами, которыя требуютъ большаго вниманїя отъ того, кто хочетъ имѣть о нихъ достаточное понятїе. Утомленїе душевное гораздо несноснѣе утомленїя тѣлеснаго. Лѣность ума, заставляющая насъ обманываться въ нашихъ склонностяхъ, дѣлаетъ то, что мы часто избираемъ для себя должности и занятїя, не соотвѣтствующїя нашимъ дарованїямъ. Сколько видимъ посредственныхъ стихотворцевъ и сочинителей романовъ, которые, можетъ статься, были бы славными Учеными, если бы попали на упражненїя по своимъ склонностямъ! . . . Старинное воспитанїе, при которомъ требовалось отъ дѣтей извѣстнаго напряженїя ума, имѣло передъ нынѣшнимъ то преимущество, что тогда заблаговременно прїучали заниматься отвлеченными предметами. Не могу утверждать рѣшительно, въ самомъ ли дѣлѣ необходимо нужно знать языки Греческой и Латинской, чтобы умѣть хорошо писать на своемъ природномъ; но

знаю на вѣрное, что нѣтъ ничего полезнѣе, какъ съ младенчества снискать навыкъ къ прилѣжному упражненію. Стараясь избавить дѣтей отъ трудовъ, дѣлаемъ ихъ лѣнивыми, а часто легкомысленными — и навсегда; вмѣсто того, чтобы мучить дѣтей, погружая ихъ въ холодныя ванны, гораздо было бы лучше обуздывать пылкость ихъ характера, и умѣ пріучать къ занятіямъ. Я знала одного отца, которой говорилъ осмилѣтнему своему сыну: *рѣжь себѣ руку* — и дитя повиновалось; этотъ самой отецъ не хотѣлъ маленькаго страдальца учить грамотѣ, боясь *изнурить* его, и ожидалъ, пока сыну будетъ двенадцать лѣтъ, чтобы посадить его за азбуку.

Если не принуждать дѣтей къ полезному чтенію, чѣмъ они будутъ заниматься? легкими стишками, романами, соблазнительными повѣстями. Послѣ такого воспитанія спросите ихъ, къ чему имѣютъ склонность? и получите въ отвѣтъ: „къ *Литтературѣ*!“ Но къ какой Литтературѣ? къ той ли, которая возвышаетъ душу, украшаетъ разумъ? Совсѣмъ нѣтъ; къ той, которая дѣлаетъ стыдъ Авторству. Положимъ, что молодой человѣкъ читаетъ лучшіе стишки, лучшіе романы, лучшія повѣсти; однакожъ все желать

должно, чтобы онъ снискалъ еще другія познанія, а особливо счастливой навыкъ заниматься вещами *скучными*.

Настоящее мое положеніе подало мнѣ поводъ къ симъ разсужденіямъ. Я имѣю тяжбу, весьма важную для меня; соперникъ мой защищаетъ дѣло неправое и гнусное — вотъ все, что я знаю; но подробности тяжбы, способы защищенія и проч. и проч. мнѣ совсѣмъ не извѣстны. Уже цѣлой годъ проходитъ, какъ я теплю муку, слушая разговоры о судебныхъ предметахъ, которые кажутся мнѣ несносными, по причинѣ моего невѣжества. Въ молодыхъ лѣтахъ я выучилась играть на восьми инструментахъ: теперь очень хотѣла бы, чтобы время, употребленное для искусства играть на *семиструнной віоли*, на *волынкѣ*, на *цимбалахъ* и на *мандолинѣ*, опредѣлено было для науки Судовѣдѣнія. Не спорю, музыка есть вещь очень пріятная; но опасаюсь, чтобы противникъ мой несказалъ мнѣ съ колкою насмѣшкою того, что Лафонтеневъ муравей отвѣчалъ кузнечику:

Ты лѣтомъ пѣлъ? я очень радъ;
Теперь изволь себѣ плясать.

Непріятно, крайне непріятно по недостатку нужныхъ свѣдѣній не знать того, что тѣсно сопряжено съ собственными

нашими выгодами. Моя тяжба несносна для меня, и я каждую минуту забываю, что она — моя; досадую, когда заставляютъ меня писать чужія слова, а особливо, когда принуждена бываю посѣщать питомцевъ Ѳемиды. Мнѣ казалось, что мой стряпчей долженъ бы съ покорностію благодарить меня за снизхожденіе, которое оказываю ему, соглашаясь поступать по его совѣтамъ; и что жъ? совсѣмъ напротивъ! Сіи люди, по моему мнѣнію, до крайности неблагодарны. Ничего нѣтъ для меня несноснѣе свиданій съ Судьями и Секретарями. Недостатокъ въ знаніи судебнаго порядка я стараюсь замѣнить почтенію, и обыкновенно являюсь прежде всѣхъ у Г. Ф..., человѣка умнаго и просвѣщеннаго, которой взялся имѣть попеченіе о моемъ дѣлѣ. Я застаю его на единѣ; ожидая, пока пріѣдутъ другіе, мы, совсѣмъ не думая о тяжбѣ, проводимъ время въ пріятныхъ разговорахъ. Тогда, забывъ о своей пользѣ, я внутренно желаю, чтобы никто не помѣшалъ намъ, и весьма досадую, когда начнутъ являться приказные для того, чтобы заниматься собственнымъ моимъ дѣломъ; люди сіи мнѣ кажутся несносными, и я рада бы бранить Г. Ф..., для чего онъ впускаетъ ихъ. Признаюсь, что роль моя бываетъ

не очень забавна при сихъ свиданіяхъ. Начиная разсуждать о моемъ дѣлѣ, я испытываю внезапное превращеніе и чувствую себя совершенно тупою; не могу ни доказывать, ни противорѣчить; тщетно стараюсь выговорить опроверженіе, и если осмѣлюсь сдѣлать какой нибудь вопросъ, то это для того, чтобы показать, что я не хорошо вслушалась, или не поняла, о чемъ идетъ дѣло. Вообще я прибѣгаю къ благоразумному средству — къ молчанію; между тѣмъ обо мнѣ совсѣмъ забываютъ, а я равнымъ образомъ забываю о нихъ, и думаю совсѣмъ о постороннемъ. По окончаніи всего, то есть, спустя часа три, меня будятъ, и я ѣду домой, будучи крайне довольна, что умѣю такъ хорошо отправлять дѣла свои. Я утѣшала себя въ невѣжествѣ, воображая, что всѣ извѣстныя мнѣ женщины, имѣющія свѣдѣніе въ дѣлахъ судебныхъ, походятъ на тритральныхъ челобитчицъ, и что всѣ онѣ крикливы, упрямы, смѣшны и надуты. Но скоро я лишилась сей утѣшительной увѣренности: на другой день, пріѣхавши къ Г. Ф..., я застала у него людей мнѣ незнакомыхъ, разговаривающихъ о дѣлѣ, которое также мнѣ было неизвѣстно. Видя, что присутствіе мое не мѣшало имъ, я сѣла подлѣ камина, съ намѣреніемъ до-

слушать ихъ матерію. На другой сторонѣ подлѣ камина сидѣла женщина, имѣвшая наружность благородную и привлекательную и также въ молчаніи слушала разговаривающихъ. Я сердечно пожалѣла, что она имѣетъ тяжбу, судя по ея виду, ни мало не похожему на челобитчицу, и думала, что она столько же, какъ и я, разумѣетъ дѣла судебныя, слѣдственно ни чего не понимаетъ изъ разговора. Спустя четверіть часа, она начала говорить; я позавидовала ея кроткому тону и пріятному голосу; она отвѣчала на всѣ вопросы ясно, умно и основательно; я увидѣла свою ошибку, и слушала ее съ крайнимъ удивленіемъ; мои *дарованія* трепетали передъ ея *свѣдѣніями*. Для меня было непонятно, какимъ образомъ женщина столь любезная, съ такою пріятною наружностію, съ такими обширными знаніями, съ такимъ даромъ изъясняться краснорѣчиво, могла говорить о тяжбахъ? Я готова была отдать ей почтеніе, должное уму ея и достоинству, и сказать: „Вижу, что вы одарены всѣми способностями украшать собою общество; ваши тѣлодвиженія, голосъ, тонъ, увѣряютъ меня въ сей истинѣ; не смотря на то, вы отличаетесь основательностію и знаніями, которыя сдѣлали бы честь всякому мущинѣ. Благодарю

васъ, что вы примѣромъ своимъ доказали мнѣ возможность соединенія столь рѣдкихъ, почти противныхъ, качествъ въ одной особѣ. Прискорбно мнѣ, что не могу съ вами сравниться; но радуюсь, имѣя честь быть съ вами одного пола."

Мнѣ извѣстно имя сей рѣдкой и любезной женщины. Я видѣла ее только одинъ разъ; но никогда не забуду сего свиданія.

Жанлисъ.

IV.

Мирабо.

Мирабо, подобно Катилинѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на которыхъ обыкновенно смотрятъ съ какимъ-то изумленіемъ, и которые заставляютъ уважать свое имя, хотя ничто не дѣлаетъ его почтеннымъ. Бывъ необыкновеннымъ человѣкомъ по своимъ дарованіямъ, онъ еще необыкновеннѣе по судьбѣ своей; онъ сдѣлался извѣстнымъ въ обществѣ по распутной своей жизни. Не зная ума его и талантовъ, люди судили о немъ по его нравамъ, и почитали его рожденнымъ для мрачной неизвѣстности. Началась революція; Мирабо

могъ отличиться своими способностями на семъ новомъ и обширномъ поприщѣ; онъ сдѣлалъ изъ нихъ странное употребленїе — заставилъ другихъ бояться себя и ненавидѣть. Но когда дерзновенные замыслы его увѣнчались желаемымъ успѣхомъ; когда всѣ успѣхи, по видимому, были въ его власти, въ то время онъ остановился, взглянулъ на прошедшее, казалось — захотѣлъ исправиться, и власть, прїобрѣтенную посредствомъ злодѣйствъ, употребить для благодѣянїй. Глаза всѣхъ обратились на него. Но онъ — умеръ; граждане почти жалѣли о немъ, не смотря на то, что вся жизнь его ознаменована пороками и злодѣянїями.

Многїе люди думали, что Мирабо умеръ очень поздно и очень рано для спасенїя Монархїи; онъ могъ бы удержать ее отъ паденїя, имъ самимъ приготовленнаго. Но можетъ быть, онъ для себя умеръ въ самую пору, сохранивъ до конца жизни своей чудесное могущество, на которомъ основывалась его слава. Многїя посторонннїя причины способствовали утвердиться сему могуществу; слѣдственно, судя по тому, что Мирабо сдѣлалъ, не льзя вывести заключенїй о томъ, что онъ могъ бы сдѣлать, если бъ ему надлежало вооружиться противъ Республиканцевъ; притомъ

же политическая жизнь его была слишкомъ бурна и кратковременна; слѣдственно трудно открыть, какія удачи самому Мирабо принадлежали, и какія зависѣли отъ обстоятельствъ, которыми онъ умѣлъ возпользоваться.

Не льзя судить по дѣйствіямъ о человѣкѣ, которой былъ управляемъ, а часто увлекаемъ обстоятельствами; лучше предложимъ читателю разныя мнѣнія о немъ людей просвѣщенныхъ, умѣвшихъ цѣнить его. Слѣдующее начертаніе взято изъ *записокъ Мармонтеля.*

„Занимались разсмотрѣніемъ донесенія Королю, которое сочинилъ Мирабо, первый Ораторъ мѣщанства, человѣкъ одаренный отъ природы всѣми способностями, нужными для народнаго Трибуна, рожденный съ характеромъ пылкимъ; сколько неукротимый въ страстяхъ, столько уклончивый въ поведеніи; умѣющій предузнавать общее мнѣніе, и предупреждать его, для показанія, будто онъ управляетъ умами; слабъ и низокъ сердцемъ, но крѣпокъ умомъ и наглъ до безстыдства; развращенный — и гордящійся своимъ распутствомъ; обезславленный за гнусные пороки еще въ самой молодости — и ни во что вмѣняющій добрую слуву; увѣренный въ душѣ своей, что человѣка опаснаго не

презираютъ, хотя онъ и достоинъ презрѣнія; твердо рѣшившійся не заботиться о пріобрѣтеніи уваженія благонравіемъ, если только удастся ему сдѣлаться страшнымъ своими способностями."

Въ семъ живомъ изображеніи нѣтъ ничего лишняго; есть люди, которыхъ нельзя поносить, даже приписывая имъ пороки, если только характеръ ихъ состоитъ изъ смѣшенія качествъ, сдѣлавшихъ славными имена ихъ. Возвышенность и подлость души Мирабо, кажется, еще лучше ознаменована въ слѣдующемъ начертаніи:

„Человѣкъ, мятежными склонностями пріобрѣвшій славное имя, хотѣлъ великими злодѣяніями заградить свои преступства. Пріѣхавши въ провинцію, на свою родину, онъ сдѣлалъ первый опытъ къ народному возмущенію, которое, спустя потомъ нѣсколько мѣсяцевъ, разпространилъ во всей Франціи. Тогда-то онъ увидѣлъ, что бываетъ время, въ которое гораздо легче уничтожить порядокъ въ обширномъ Государствѣ, нежели возстановить его. Сей человѣкъ успѣлъ въ пагубныхъ своихъ предпріятіяхъ; будучи уже на краю могилы, онъ ужаснулся, взглянувъ на бездонную пропасть, имъ выкопанную; онъ умеръ если безъ угрызеній,

то по крайней мѣрѣ съ безполезнымъ раскаяніемъ о томъ, что не можетъ исправить золъ, которыхъ былъ виновникомъ."

Но какъ думать, чтобы Мирабо не терзался угрызеніями? какъ думать, не оскорбляя добродѣтели, что просвѣщенный человѣкъ разстается съ нею безъ сожалѣнія? „Онъ страстно любилъ славу," говоритъ Сюаръ въ одномъ своемъ примѣчаніи, писанномъ скоро послѣ смерти Мирабо: „онъ страстно любилъ славу; старался снискать славу блестящую — но чувствовалъ, что не на ней будутъ черныя пятна. Это крайне огорчало его. За нѣсколько времени до смерти, онъ сказалъ одному изъ своихъ товарищей: „мнѣ нужно еще два года, чтобы загладить распутство моей молодости, если только можно загладить его." Еще благороднѣйшее побужденіе заставляло его часто повторять, назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ: „ахъ, прошедшая жизнь моя будетъ пагубною для гражданъ!"

Въ самомъ дѣлѣ она была для нихъ пагубною, заставивъ честолюбиваго Мирабо добиваться успѣховъ порочныхъ, когда ему не можно было надѣяться успѣховъ позволенныхъ; заставивъ его посвятить несправедливости свои дарованія, которыя были бы презрѣны, еслибъ онъ съ самаго

начала не сдѣлалъ ихъ страшными. Мирабо управлялъ умами затѣйливыхъ Республиканцевъ, внутренно будучи несогласенъ съ ихъ мнѣніями. „Онъ былъ," говоритъ Сюаръ: „преданъ Монархіи, какъ единственному правленію, которое приличествуетъ обширному Государству, вмѣщающему въ себѣ 25 милліоновъ жителей; Государству, въ продолженіе десяти вѣковъ напитанному чувствами, навыками и предразсудками монархическими; онъ постоянно опровергалъ демократическія мнѣнія, для частной пользы невѣждами разпространяемыя, и подкрѣпляемыя другими еще глупѣйшими невѣждами, которые сами не знаютъ, что и для чего дѣлаютъ."

Страсти господствовали надъ нимъ, но рѣдко ослѣпляли его. Мирабо покорялся слабостямъ, уважалъ частныя свои выгоды; но зналъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ судилъ самъ себя, судилъ тѣхъ, которые окружали его, тѣхъ, которымъ онъ служилъ, и тѣхъ, которые служили ему — и презиралъ всѣхъ вообще. „Пигмеи могутъ разрушать," сказалъ онъ на канунѣ своей смерти: „но только люди созидать умѣютъ; а у насъ нѣтъ ихъ!"

„Когда различныя намѣренія и страхи," продолжаетъ тотъ же Авторъ: „колебали мужество, раздѣляли умы, ослаб-

лялли рѣшимость, Мирабо восходилъ на каѳедру, и все умолкало, всѣ ловили слова его; онъ говорилъ — и поражалъ; дарованія ума его помогали мыслить каждому, и никто не смѣлъ удивляться, по чему Мирабо прежде всѣхъ изобрѣталъ то или другое."

Таковъ былъ Мирабо. Надлежитъ съ осторожностію говорить объ его дарованіяхъ, для того, чтобы пороковъ его не украсить блестящею наружностію, и чтобы не заставить искать въ нихъ добродѣтелей.

(*Изъ Франц. Журн.*)

V.

Пышность Двора Царскаго въ семнадцатомъ вѣкѣ.

(Окончаніе.)

Удивительно ли, что роскошный Годуновъ изумлялъ всѣхъ свою пышностію? Тогда внутренія смятенія еще не раздирали отечества, вѣроломный де ла Гардій еще не опустошилъ области Новогородской, жадные непріятели еще не разхитили сокровищъ Московскихъ, собранныхъ въ про-

долженіе многихъ столѣтій. Англичане, гордые и богатые Англичане, не могли надивиться великолѣпію при Дворѣ Царя Іоанна Васильевича. Клементъ Адамъ, описавшій первое путешествіе Британцевъ къ городу Архангельску, и аудіенцію, которую имѣлъ въ Москвѣ Капитанъ Канцелеръ, свидѣтельствуетъ, что блескъ Царскаго величія могъ каждаго поразить, привести въ недоумѣніе. Царь угощалъ Посланника обѣденнымъ столомъ въ Золотой палатѣ. Столовой приборъ для стапиршествующихъ весь сдѣланъ былъ изъ *чистѣйшаго* золота; многія чаши и сосуды не умѣстились на столахъ за тѣснотою. Сто сорокъ облитыхъ золотомъ служителей въ продолженіе обѣда три раза перемѣнили платье.

Передъ обѣдомъ обыкновенно подавали водку. Сѣвши за столъ, Царь посылалъ отъ себя по куску хлѣба каждому гостю. Стольникъ, или другой кто-нибудь, поднося Царскую дачу, произносилъ въ слухъ: „Государь Царь жалуетъ тебя (такого-то) хлѣбомъ!“ Всѣ присутствующіе, не исключая служителей, получали свою долю; потомъ уже начинали носить кушанье. Равнымъ образомъ Царь раздавалъ пиршествующимъ блюда съ кушаньемъ — вѣроятно первыя — и посылалъ

имъ кубки съ напитками; иногда приказывалъ угощаемымъ подходить къ себѣ, и потчивалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ своихъ. Такъ на примѣръ Царь Алексій Михайловичь нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ Посланника Графа Карлиля, пилъ съ нимъ за упокой души Короля Карла I, за здоровье Карла II, Короля Англійскаго, и Царевичей Всероссійскихъ; разговаривалъ о дѣлахъ политическихъ, шутилъ очень пріятно, и опять приказывалъ Карлилю садиться на свое мѣсто. — На каждомъ столѣ стояли большіе серебренные ковши съ медами. Присутствующіе гости и отсутствующіе любимые Государемъ чиновники получали еще по блюду съ кушаньемъ, которыя и были отсылаемы къ нимъ домой. Ежедневно отъ Царскаго стола отправляемы были такія посылки къ Боярамъ и другимъ знатнѣйшимъ особамъ.

Обѣденный пиръ, которымъ Царь Алексій Михайловичь угощалъ Карлиля, продолжался — девять часовъ; разныхъ кушаньевъ подано было около *пяти сотъ* блюдъ. Можетъ быть, во времени и въ числѣ блюдъ здѣсь прибавлена третья доля; однакожъ извѣстно и по другимъ описаніямъ, что изъ-за стола вставали уже ночью. Царь кушалъ сидя на тронѣ за особливымъ столомъ; на правой сторонѣ

сидѣли Бояре, а на лѣвой Англійскій Посланникъ со свитою.

Часто Государю угодно было посылать домой къ Министрамъ чужестраннымъ и къ любимымъ придворнымъ своимъ полные обѣды. Чиновникъ, богато одѣтый, со множествомъ товарищей пріѣзжалъ увѣдомлять о милости Царской того, кому она была сказываема, и оставался съ нимъ обѣдать. За нимъ въ слѣдъ шли пѣшкомъ два служителя со скатертью, два другіе съ солонками, еще два съ уксусомъ, потомъ съ ножами и ложками; шесть человѣкъ, по два въ рядъ, несли хлѣбъ; за ними шли люди съ водкою; потомъ двенадцать человѣкъ несли разныя вина въ серебренныхъ сосудахъ; за ними слѣдовали служители съ кушаньями на блюдахъ золотыхъ или серебреныхъ; наконецъ сорокъ человѣкъ несли двадцать жбановъ съ медомъ, а двенадцать другихъ шли за ними съ ковшами; все шествіе заключалось двуия или тремя повозками, нагруженными медомъ и пивомъ для домашнихъ служителей. Иногда по двѣсти и по триста стрѣльцовъ наряжаемо было для ношенія такихъ обѣдовъ.

Надлежало сказать важныя услуги отечеству, чтобы имѣть счастіе сидѣть за столомъ съ Государемъ.

Цари не всегда приглашали иностранныхъ Пословъ къ столу послѣ первой аудїенцїи; въ такомъ случаѣ обыкновенно посылали къ нимъ домой обѣды, болѣе или менѣе пышные. Къ Графу Карлилю посланы были кушанья на двухъ стахъ блюдахъ. Послы Голстинскїе угощаемы были въ квартирѣ своей только на сорока блюдахъ.

Великолѣпїе Пословъ Россїйскихъ, отправляемыхъ ко Дворамъ Европейскимъ, возбуждало въ иностранцахъ не меньшее удивленїе. Въ бытность Англичанъ въ Москвѣ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ два раза выѣзжали Послы къ Королю Польскому; тысяча пять сотъ избраннѣйшихъ воиновъ, назначенныхъ въ свиту посольства, одѣтыхъ въ парчевыя и шелковыя платья, ѣхали на прекрасныхъ лошадяхъ, покрытыхъ златошвенными чепраками. Въ слѣдъ за симъ многолюднымъ поѣздомъ вели сто бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей, принадлежавшихъ чиновникамъ посольства.

Обыкновенїе требовало отъ Пословъ чужестранныхъ дарить своихъ Приставовъ, которые иногда сами напоминали имъ о семъ, если Послы забывали исполнять свое дѣло. Іезуитъ Поссевинъ, Посолъ Папскїй, называетъ сїе обыкновенїе низкимъ; напротивъ того Русскїе думали,

что оказываютъ вѣжливость, принимая подарки, и что не принять ихъ значило изъявить пренебреженіе: таковъ былъ образъ мыслей тогдашняго времени. Герои Гомеровы въ этомъ походили на нашихъ праотцевъ; они также требовали подарковъ отъ тѣхъ, кому оказывали услуги гостепріимства, и совсѣмъ тѣмъ были — Герои. По крайней мѣрѣ такъ замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ Авторовъ, писавшій о нравахъ и обыкновеніяхъ Россіянъ тогдашняго вѣка. Мы прибавимъ къ тому, что во всякое время люди благородномыслящіе принимаютъ подарки только отъ тѣхъ, которыхъ уважаютъ. Графъ Карлиль, не получивъ успѣха по препорученіямъ отъ своего Короля при Дворѣ Московскомъ, ничего не хотѣлъ принять отъ Царя Алексія Михайловича.

Тотъ же Поссевинъ, провожавшій Пословъ Царя Іоанна Васильевича, отправленныхъ къ Папѣ, обвиняетъ ихъ въ скупости и жалуется, что они безденежно требовали подводъ и пищи, что, не довольствуясь полученными подарками, домогались еще другихъ большей цѣны. Каждой народъ независимой управляется своими законами и соображается съ обычаями своихъ предковъ; Россіяне тогда не походили на прочихъ Европейцовъ. Царь

съ восточною пышностїю довольствовалъ чужестранныхъ Министровъ на счетъ казны своей; слѣдственно Послы его не имѣлиль права надѣяться, что ихъ будутъ принимать съ равнымъ отличїемъ? Получаемые подарки большей или меньшей цѣны служили доказательствомъ большаго или меньшаго уваженїя къ Государю. И такъ, мудрено ли, что Послы сїи желали возвратиться въ отечество съ несомнительными знаками высокаго мнѣнїя, которое чужестранцы имѣютъ объ ихъ Монархѣ, и которое могло быть почитаемо слѣдствїемъ рачительнаго исполненїя возложенной на нихъ должности?

Д.

VI.

Надпись къ портрету.

Амуръ бы Душенькѣ невольно измѣнилъ
При первой встрѣчѣ съ К. . . вой;
Летать бы вовсе позабылъ
И сладость вѣрности позналъ бы въ страсти новой.

К. Ш — въ.

VII.

Эпиграмма.

Мужъ бѣдный слезы льетъ, страдаетъ:
Жена больна! . . . не умираетъ!

К*.

VIII.

Смѣсь.

„Идучи по улицѣ," пишетъ Г. Коцебу изъ Неаполя: „я увидѣлъ толпу людей собравшихся передъ лавкою башмашника около какого-то предмета, лежавшаго, по видимому, на землѣ; всѣ зрители съ любопытствомъ смотрѣли внизъ. Не пропуская ни одного случая узнавать народъ, я продрался сквозь толпу и увидѣлъ — умирающую женщину. Сердце перевернулось во мнѣ, когда услышалъ я слова окружающихъ: она умираетъ *отъ голода*. Видъ и наружность страждущей доказывали, что это сущая истина. Передъ нами на каменной мостовой лежалъ остовъ, имѣющій, какъ казалось, отъ тридцати до сорока лѣтъ отъ роду и едва прикрытый рубищами. Можно было видѣть, что несчастная боролась со смертію. Каждой изъ мимоидущихъ останавливался изъ любо-

пытства; многіе, взглянувъ, равнодушно продолжали путь свой; — никто не хотѣлъ помочь. Протѣснившись еще ближе, съ кошелькомъ въ рукѣ, именемъ Божіимъ я просилъ о пособіи — тщетно! никто не хотѣлъ сжалиться надъ нею. Вбѣжавши въ отворенную лавку, я нашелъ въ ней башмачника съ двумя работниками, обѣщалъ имъ отдать всѣ свои деньги, если они согласятся перенести женщину и положить ее на постелю — тщетно! Одинъ работникъ даже смѣялся — такъ, смѣялся! — что я худо говорю по-Италіянски. Мнѣ утѣшительно быть увѣреннымъ, что умирающая, не слыша словъ моихъ, понимала мои тѣлодвиженія; ибо взоры ея на мнѣ отдыхали; — я былъ послѣдній предметъ, на которомъ погасающіе глаза ея остановились; — она умерла! — Мнѣ казалось, мнѣ хотѣлось вѣрить, что еще можно спасти несчастную — и я боялся оставить ее; но одинъ мимо шедшій человѣкъ, вѣроятно Лѣкарь, взялъ ее за руку, для испытанія біенія жилы, сказалъ хладнокровно: „она умерла," и пошелъ своею дорогою. Тогда и я, отошедъ отъ трупа, остановился вдали, желая видѣть, чѣмъ окончится зрѣлище. Долго лежала умершая на улицѣ, окруженная толпою любопытныхъ; наконецъ явились полицей-

скіе служители и унесли ее. — Предъ лицемъ всей Европы объявляю о семъ произшествіи; говорю въ слухъ: *Въ 4 й день Декабря 1804 го года по утру въ 10 часовъ, въ Неаполѣ умеръ человѣкъ отъ голода!!* — Король сего дня поѣхалъ на охоту. Я видѣлъ, какъ провели около тридцати собакъ; — всѣ онѣ отмѣнно выкормленны.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

❋

Славный Докторъ Галь предпринимаетъ путешествіе для свиданія съ своими родителями; при семъ случаѣ онъ посѣтитъ сѣверную Германію, и познакомится лично съ тамошними Учеными, для сообщенія имъ своихъ изслѣдованій о строеніи и дѣйствіяхъ мозга какъ человѣческаго, такъ и животныхъ, и для выслушанія ихъ возраженій. Такимъ образомъ, обогатясь новыми знаніями, онъ употребитъ ихъ на возможнѣйшее усовершенствованіе своего сочиненія о черепахъ и мозгѣ, которое скоро издать намѣревается.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

❋

Между бумагами знаменитаго Вейссе найдены отрывки сочиненія, содержащаго описаніе собственной его жизни; Ассессоръ Вейссе, сынъ покойника, и Діаконъ Фришъ, зять его, намѣрены составить изъ

сихъ отрывковъ полное жизнеописанїе. Любители Нѣмецкой Музы надѣются, что книга сїя будетъ крайне занимательною, потому что Вейссе въ молодыхъ лѣтахъ своихъ былъ товарищемъ Уца и Клопштока, другомъ Рабенера и Геллерта, и имѣлъ пребыванїе свое въ Лейпцигѣ — городѣ, бывшемъ столицею изящной словесности отечественной.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

*

Недавно одинъ житель Графства Верденфельскаго, въ Баварїи, писалъ въ Римъ о томъ, что имѣетъ намѣренїе сочетаться бракомъ съ племянницею покойной жены своей, просилъ духовнаго разрѣшенїя, и получилъ его на двухъ условїяхъ; вопервыхъ, онъ долженъ представить письменное свидѣтельство о недостаточномъ своемъ состоянїи, за подписанїемъ Епархїальнаго Архїерея, а вовторыхъ — заплатить въ Римѣ четыреста гульденовъ въ пользу преемника Св. Петра. — Изъ сего можно видѣть, что есть причины желать скорѣйшаго произведенїя въ дѣйство духовнаго Конкордата, сочиняемаго въ Парижѣ для Германїи!

(*Изъ Фран. Журн.*)

*

Президентъ Французскаго Нацїональнаго Института получилъ донесенїе изъ

Орнскаго Департамента объ удивительной способности ума одного семилѣтняго мальчика. Сїе донесенїе подписано приходскимъ Учителемъ, засвидѣтельствовано гражданскими чиновниками и многими частными особами; при немъ приложена выписка о рожденїи сего чудеснаго ребенка. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: Одинъ мальчикъ, которому отъ роду семь лѣтъ и четыре мѣсяца, сынъ бѣдныхъ родителей, не учившїйся грамотѣ, имѣетъ обыкновенїе въ торговые дни ходить въ лавки, гдѣ купцы вычисляютъ деньги за продажу и покупку. Примѣтивъ ошибку въ счетѣ, дитя улыбается и говоритъ: *вы ошиблись; надобно вотъ такъ.* Потомъ идетъ въ холщевой рядъ; услышавъ о числѣ отмѣренныхъ аршиновъ, онъ немедленно объявляетъ, сколько за нихъ заплатить должно, и идетъ далѣе. Такимъ образомъ въ одну минуту онъ вычисляетъ сумму за проданныя вещи, и уходитъ, будучи доволенъ собою, и пошутивъ на счетъ купцовъ, которые съ перомъ въ рукахъ повѣряютъ его выкладки. Учитель приходской школы Вимонтьерской, услышавъ о чудесномъ мальчикѣ, захотѣлъ познакомиться съ нимъ, и при первомъ свиданїи предложилъ ему слѣдующую задачу: 7 и 9 сколько составляютъ? Маленькой Эвклидъ

не скрылъ негодованія своего за такой легкой вопросъ, и Учитель постепенно задавалъ ему другіе, относящіеся до первыхъ четырехъ правилъ Ариѳметики, простыхъ и сложныхъ; на примѣръ: если взять 23 изъ 59, сколько останется? 7 разъ 7, сколько выдетъ? 6 разъ 13? 8 разъ 16? 13 разъ 17? сколько надобно заплатить за 83 аршина, за каждой по 3 ливра и 2 су? за 87 арш. по 5 лив. 5 су? за 88 арш. по 4 ливр. 10 су? Если 24 раздѣлить на 6, то сколько выдетъ? 32 на 4? 72 на 8? 53 ливр. 10 су на 5? 63 ливр. 14 су на 7? и проч. Исправные отвѣты слѣдовали немедленно за вопросами. Учитель спросилъ: треть съ половиною 16 ти франковъ сколько составитъ? Мальчикъ отвѣчалъ, что ему не извѣстно, что значитъ *треть*; но когда сказано было, что три трети дѣлаютъ одно цѣлое; то онъ въ тужь минуту отвѣчалъ: треть съ половиною 16 ти франковъ есть 8 франковъ. Потомъ посмотрѣвъ пристально на Учителя, мальчикъ спросилъ: теперь вы скажите мнѣ, сколько составятъ тысяча су, тысяча полу-су, тысяча ліаровъ, тысячи полу-ліаровъ, тысяча деньеровъ и тысяча полу-деньеровъ? Будучи весьма доволенъ замѣшательствомъ Учителя, онъ улыбнулся, и поворачивая однимъ пле-

чомъ, сказалъ: это составитъ сто франковъ — и ушелъ отъ своего испытателя. Учитель доноситъ, что занимаетъ его задачами, но ничему не учитъ. Тѣлесное сложенїе мальчика очень правильно; голова большая и къ затылку продолговата; лице плоское и широкое; глаза умные и острые; зрѣнїе слабое, улыбка прїятная, тѣлодвиженїя живыя. Учитель и старшины приходскїе увѣряютъ, что отвѣты сего мальчика не должно относить къ дѣйствїю памяти счастливой и обработанной упражненїемъ, но единственно къ умственнымъ способностямъ и къ дарованїю вычислять! Онъ называется: *Лудовикъ Робертъ Дево.* Родители его не могли дать ему никакого воспитанїя.

(*Изъ Декады.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Сокращенный Катихизисъ Англїйской Политики (*).

Вопросъ. Что есть Политика?

Отвѣтъ. Политика есть практическое знанїе всего противнаго чести и справедливости.

В. Имѣемъ ли мы нужныя способности къ сей наукѣ?

О. Насъ почитаютъ въ ней великими знатоками.

В. Въ чемъ особливо состоитъ она, по нашему мнѣнїю?

О. Въ злоупотребленїи мира и войны.

В. Что мы дѣлаемъ въ мирное время?

О. Обманываемъ нашихъ сосѣдовъ.

В. А во время войны?

О. Обманываемъ самихъ себя.

В. Что есть право естественное?

(*) Во Французскомъ Журналѣ, изъ котораго взята сія пїеса, сказано, что она переведена съ Англїйскаго языка. Но справедливо ли? — *Изд.*

О. Старинное уложенїе человѣческаго сердца, исправленное нами и свѣренное со списками, находящимися только во владѣнїяхъ Варварїйскихъ.

В. Что есть право народное?

О. Оно тому не нужно, кто почитаетъ для себя все позволеннымъ,

В. Что есть трактатъ, или договоръ?

О. Вещь, о которой мы менѣе всего заботимся.

В. Что называется границами?

О. То, о чемъ мы знать не хотимъ.

В. Что значитъ слово *друзья*?

О. То, чего мы никогда имѣть не будемъ.

В. По чему?

О. По тому, что мы никогда не имѣли ихъ.

В. Для чего мы имѣемъ союзниковъ?

О. Для показанїя имъ, что мы богаты.

В. Для чего призвали мы чужестранцевъ въ Англїю?

О. Для того, чтобы заставить ихъ величать насъ.

В. Гдѣ Французы терпѣливо сносятъ отъ насъ ругательства?

О. Въ нашихъ театрахъ.

В. Когда мы получаемъ добычи, самыя богатыя?

О. Въ мирное время.

В. По чему?

О. По тому, что въ военное время намъ не такъ легко удается.

В. Чѣмъ мы удовлетворяемъ неутральные корабли, ошибкою поступивъ съ ними непрїятельски?

О. Только взыскиваемъ съ нихъ деньги за порохъ и ядра, употребленныя на выстрѣлы.

В. Если непрїятельское судно заплатило нашему корсеру выкупъ за себя, то какое право тѣмъ прїобрѣтаетъ?

О. Можетъ безопасно готовить другой выкупъ для корсера, которой попадется ему на встрѣчу, и потомъ ожидать, пока отведутъ его въ Англїю.

В. Чего должны остерегаться наши Офицеры, начальствующїе надъ эскадрами?

О. Вступать въ сраженїе, когда не имѣютъ войска по крайней мѣрѣ вдвое болѣе непрїятельскаго.

В. Для чего открыли мы непрїятельскїя дѣйствїя, прежде нежели объявили войну?

О. Для того, чтобы не стали удивляться намъ, если будемъ продолжать ее по заключенїи мира.

II.

Жители области Монтенегро или Черногорцы.

Въ заграничныхъ газетахъ много разъ было писано, что Россійскія войска посланы въ Монтенегро; даже упоминаемо было имя Генерала, имѣющаго надъ ними главное начальство. Извѣстія сіи совершенно несправедливы. Все дѣло состоитъ въ томъ, что, по участію и посредству Императора ПАВЛА I, область Монтенегро, платившая Туркамъ подать, сдѣлалась независимою и свободною отъ вліянія Оттоманской Имперіи. Россія приняла на себя поручительство за цѣлость и ненарушимость правъ ея.

Г. Мургардъ въ новѣйшемъ своемъ изображеніи Константинополя вѣрно и обстоятельно описалъ, какимъ образомъ сей воинственный народъ досталъ себѣ вольность. Надѣемся, что наши читатели захотятъ узнать короче храбрыхъ Черногорцевъ. Слѣдуетъ краткое о нихъ начертаніе.

Они занимаютъ цѣпь горъ высокихъ и бугристыхъ, имѣющихъ направленіе свое отъ Юга къ Сѣверу и отдѣляющихъ землю Арнаутскую отъ Босніи и Далматіи. Число ихъ простирается до 60,000 чело-

вѣкъ. Черногорцы, будучи дики и суровы какъ окружающая ихъ натура, отличаются силою и крѣпостїю тѣла, не боятся перемѣнъ воздушныхъ и презираютъ всякїя опасности; они съ твердостїю и постоянствомъ переносятъ всѣ трудности и неудобства жизни, и съ безпримѣрною рѣшительностїю преодолѣваютъ встрѣчающїяся препятства.

Подобно всѣмъ горнымъ жителямъ, они страстно любятъ свободу и столь привязаны къ своему отечеству, что для его спасенїя охотно жертвуютъ жизнїю своею и имѣнїемъ. Живучи между собою и въ отношенїи къ сосѣдственнымъ народамъ въ первобытной простотѣ естественной, они еще не знаютъ о новомъ гражданскомъ устройствѣ Европы; и могло ли просвѣщенїе озарить такую землю, гдѣ люди считаютъ за великое счастїе довольствоваться малымъ и презирать способы, изобрѣтенные для выгодъ житейскихъ; гдѣ, будучи отдѣлены отъ прочихъ обществъ и независимы отъ внѣшней власти, наслаждаются вольностїю и неизмѣнно подражаютъ нравамъ и обычаямъ своихъ праотцевъ.

Земледѣлїе и скотоводство составляютъ единственное ихъ упражненїе; прочїя искуства досужества и роскоши имъ неиз-

вѣстны. Они трудами собственныхъ рукъ достаютъ все, что нужно для продолженія и сохраненія жизни. Дикая суровость такого естественнаго состоянія впечатлѣваетъ въ нихъ какую-то нечувствительность, и нравы ихъ дѣлаетъ грубыми; извѣстно, что такіе люди легко становятся жестокими и необузданными, когда страсти берутъ верьхъ надъ разсудкомъ.

Черногорцы не имѣютъ ни городовъ, ни деревень; каждое семейство живетъ въ отдѣленной отъ другихъ хижинѣ, построенной среди обрабатываемаго поля. Рѣдко попадаются два жилища такія, которыя находились бы въ разстояніи одно отъ другаго ближе, нежели на ружейный выстрѣлъ.

Черногорцы говорятъ Славено-Иллирійскимъ нарѣчіемъ, весьма сходнымъ съ языкомъ, употребляемымъ въ Австрійской Албаніи, около устья Каттаро. Вѣра ихъ есть Христіянская Греко-восточнаго исповѣданія, которое, по сходству церковныхъ обрядовъ, тѣсно привязываетъ ихъ къ Россіянамъ. Они подчинены Митрополиту, управляющему сею независимою областію.

Немногочисленная нація Черногорцевъ не можетъ похвалиться отечественными Писателями. Вся ихъ Словесность состоитъ въ нѣкоторыхъ, по наслѣдству до-

ставшихся отъ праотцевъ, народныхъ пѣсняхъ, весьма похожихъ на пѣсни Рускія, и оканчивающихся, подобно симъ, нѣжными, мелодическими тонами. У нихъ нѣтъ печатныхъ книгъ, кромѣ церковныхъ, привозимыхъ изъ Россіи.

Слѣдующія обстоятельства свидѣтельствуютъ объ ихъ мужествѣ и храбрости непреодолимой.

Видя, что извѣстный Али-Паша угнѣтаетъ ихъ деспотическими своими повелѣніями и нарушаетъ права ихъ, Черногорцы объявили Портѣ, что не хотятъ ей повиноваться. Немедленно Али-Паша, собравъ многочисленное войско, изъ 70,000 состоящее, выступилъ въ поле съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не только наказать Черногорцевъ, но и память ихъ существованія навѣки изгладить изъ списка націй.

Дошли до Монтенегро страшные слухи о вооруженіи Паши противъ Черногорцевъ. Митрополитъ Григоровичь занялся приготовленіями къ оборонѣ. Сей Пастырь, одаренный великими душевными качествами, и усовершенствовавшій оныя путешествіями по Италіи, Австріи, Франціи и Россіи, былъ избавителемъ своего отечества. Онъ взялъ въ свои руки вожди правленія, и всѣ жители поклялись быть ему послушными. Учреждены военныя

упражненія; оружіе, порохъ, пушки, бомбы и мортиры привезены изъ чужихъ краевъ. Получивъ такую помощь, онъ укрѣпилъ всѣ проходы между горами, ведущіе къ Албаніи, такимъ образомъ, что съ малою толпою своихъ Черногорцевъ не боялся всей силы Оттоманской. Кромѣ окоповъ и брустверовъ, онъ во многихъ мѣстахъ приготовилъ подкопы и наполнилъ ихъ порохомъ такъ, чтобы въ потребномъ случаѣ находящуюся надъ ними землю во всякое время можно было поднять на воздухъ.

Были мѣста въ горахъ, черезъ которыя конница многочисленная и хорошо выученная могла бы переправиться въ область Монтенегро, или по крайней мѣрѣ покуситься на такую переправу; для предупрежденія того вездѣ, гдѣ надлежало, между травою укрѣплены острые желѣзные крючья, которые дѣлали совершенно непроходимыми мѣста сіи. Другія двѣ дороги, почти никому неизвѣстныя, лежавшія между крутыми скалами, засыпаны на-глухо. Приготовясь такимъ образомъ, Черногорцы смѣло могли рѣшиться отражать силу силою.

Подобно черной тучѣ, каждую минуту грозящей пролитіемъ дождевыхъ морей и потопленіемъ всея области, войско Алі-

ево явилось на Арнаутскихъ долинахъ, лежащихъ не далеко отъ тѣсныхъ проходовъ, ведущихъ въ область Черногорцевъ. Самъ Паша находился среди грознаго своего ополченія, жаждущаго опустошеній и корысти. Передъ нимъ несли три бунчука. Побѣдоносное знамя, съ которымъ онъ многократно разсыпалъ непріятеля и укрощалъ дерзкихъ мятежниковъ, развѣвалось передъ его великолѣпною ставкою. Опредѣлено было сажать на колъ каждаго Черногорца, которой попадется въ руки Оттоманамъ. Сами Турки не сомнѣвались въ побѣдѣ, видя свое многолюдство гораздо превосходящее число непріятелей. Казалось, что для горныхъ жителей насталъ послѣдній день и преставленіе свѣта.

Митрополитъ Григоровичь смотрѣлъ на все окомъ спокойнымъ. Потаенныя мѣста и пещеры были заняты, подкопы наполнены порохомъ, засады разставлены, бастіоны и батареи между проходами укрѣплены надлежащимъ количествомъ воиновъ. На всѣхъ открытыхъ мѣстахъ сооружены были олтари, украшенные изображеніями Спасителя, Богоматери и Святыхъ; Священники день и ночь молились передъ ними объ избавленіи отечества отъ угрожающей опасности. Такимъ образомъ каждой,

предавъ себя волѣ Провидѣнія, съ твердою рѣшимостію ожидалъ окончанія.

24й День Сентября 1800го года былъ день торжественный, въ которой рѣшилась участь Черногорцевъ. Еще лучи солнечные не освѣтили высокихъ утесовъ, но уже въ станѣ Турецкомъ начали приготовляться къ сраженію. Въ пять часовъ по данному знаку сдѣлано нападеніе на всѣ проходы. Ярость Оттомановъ была неописанна; подобно изступленнымъ, они подвергались очевиднымъ опасностямъ; цѣлыя толпы народа обрушились въ пропасть и погибли, будучи поражаемы отъ храбрыхъ Черногорцевъ; другія толпы настигали, шли по трупамъ своихъ братій, взбирались на крутыя скалы и бойницы; ряды валились отъ ядеръ Черногорскихъ, другіе немедленно на ихъ мѣста являлись.

Самъ Митрополитъ находился тамъ, гдѣ большая была опасность. Держа въ лѣвой рукѣ крестъ, а въ правой мечь, онъ громкимъ голосомъ ободрялъ своихъ единоземцовъ къ битвѣ, и возстановлялъ порядокъ, гдѣ изступленные Турки нарушали оной на нѣкоторое время. Превосходство силы было на сторонѣ Оттомановъ. Али ни во что ставилъ великій уронъ, желая только удовлетворить свое мщеніе. Всадники сошли съ коней и сражались

нѣшіе; казалось, что Черногорцы ослабѣвали, не будучи въ состояніи противиться столь отважному и многочисленному непріятелю.

Митрополитъ примѣтилъ это, и далъ знакъ къ отступленію. Черногорцы оставили внѣшнія возвышенія и поспѣшно заняли второй рядъ окоповъ, находившійся позади долины; тамъ они снова ободрились и собрались съ силами для упорнѣйшаго сопротивленія мужественному непріятелю.

Оттоманскія войска, подобно стремящемуся съ горы потоку, въ дикомъ безпорядкѣ ринулись въ долину. Слова: „Алла илъ Алла, Мугамедъ рессулъ улла; Богъ есть Богъ; Магометъ пророкъ его!“ служили военнымъ восклицаніемъ, по которому Турки собрались въ кучу и приготовились ко второму нападенію. Первое нападеніе почитали удачно оконченнымъ; всеобщіе крики побѣды раздавались по рядамъ и ободряли ратниковъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Осторожный Митрополитъ приказалъ отступить умышленно, не по нуждѣ. Ему удалось большую часть непріятельскаго войска заманить въ тѣ мѣста, гдѣ находились подкопы. Самъ Али, стоя на отдаленномъ холмѣ, смотрѣлъ на дѣйствія войска; едва онъ подалъ знакъ вновь на-

чать сраженіе, въ ту самую минуту съ ужаснымъ громомъ и трескомъ, вдругъ въ разныхъ мѣстахъ, земля взлетѣла на воздухъ, и поглотила многія тысяча отборныхъ войскъ Турецкихъ.

Ужасъ овладѣлъ всѣми ратниками; каждой думалъ, что земля разступается подъ его ногами; ничто не могло ободрить унывшихъ Турковъ. Отвратительное зрѣлище представлялось взорамъ. Поверхность земли на нѣсколько миль была покрыта человѣческими трупами и оторваными членами; эхо повторяло стоны раненыхъ, отражавшіеся отъ пропастей и утесовъ.

Черногорцы возпользовались минутою общаго смятенія, выбѣжали изъ скрытныхъ засадъ и начали съ тылу поражать непріятелей, которымъ только въ бѣгствѣ оставалось искать спасенія. Самъ Али, боясь, чтобъ не попасться въ руки непріятеля, скрывшагося въ засадѣ, съ поспѣшностію побѣжалъ обратно черезъ горы въ Албанскія долины; за нимъ оставшееся войско слѣдовало въ крайнемъ безпорядкѣ.

Такъ кончился день достопамятный, въ которой Турецкое войско, состоявшее болѣе, нежели изъ 70,0000 человѣкъ, претерпѣло совершенное пораженіе отъ немногочисленной толпы Черногорцевъ. Болѣе

26,000 Оттомановъ лишились жизни; замѣшательство было столь велико, что на другой день послѣ бѣгства Али едва могъ собрать 4000 воиновъ; а къ довершенїю посрамленїя, Черногорцы, ободрясь своею побѣдою, погнались за Пашею въ долины Албанскїя и принудили его уйти въ Эпиръ.

Такимъ образомъ Черногорцы свергнули съ себя иго Оттоманское и сдѣлались совершенно свободными. Россїя приняла на себя поручительство въ ихъ независимости. Митрополитъ Григоровичь и теперь еще управляетъ сею малою областїю.

(Изъ Сѣв. Арх.)

III.

Коронованїе Дессалина.

Въ нѣкоторомъ Американскомъ Журналѣ напечатано подробное описанїе коронованїя Таитскаго Императора; оно взято изъ письма, писаннаго одною особою изъ Капа въ Новый Йоркъ.

За три дни до совершенїя обряда, Негры изо всего острова собрались въ Портъ-о-Пренсъ. Всѣ дороги покрыты были мущинами, женщинами и малыми робятами, которые, для большей удобности, шли совершенно нагїе, ведя за собою ословъ, навьюченныхъ платьемъ и съѣстными припасами.

Въ 8 й день Октября, по утру, раздался пушечной выстрѣлъ; по сему знаку Негры высыпались изъ хижинъ и побѣжали на Марсово поле. Громъ пушечной и ружейной продолжался безпрерывно болѣе часа. Семь тысячь войска, расположеннаго четыреугольникомъ, стояло подъ ружьемъ. Христофъ, возшедъ на возвышенное мѣсто, началъ читать Актъ о возведеніи Дессалина въ Императорское достоинство; но за шумомъ народнымъ не льзя было услышать ни одного слова изъ того, что Христофъ читалъ, или хотѣлъ читать.

Едва Ораторъ окончилъ свое чтеніе, толпа слушателей заревѣла изо всей мочи; пронзительные крики, звукъ оружія и громъ пушекъ, терзали слухъ и заставляли проклинать нескромную радость вѣрноподданныхъ Жака-Дессалина.

Толпа отправилась въ пространную залу, наскоро изъ досокъ построенную, въ которой назначено было совершиться обряду коронованія. Американецъ, описывающій сіи подробности, не могъ быть свидѣтелемъ самаго коронованія, но получилъ достаточное о семъ произшествіи свѣдѣніе отъ одного Генерала первой дивизіи, которой предстоялъ *трону*, слѣдственно самъ все видѣлъ и слышалъ. Предваряемъ, что коронованіе Гаитскаго Императора было совершено не съ такимъ великолѣпіемъ,

какъ I-на Бонапарте; но если Жакъ не могъ сравниться съ Наполеономъ въ пышности, за то уже превзошелъ его въ простотѣ и смиренiи. Тщеславiе каждому сродно; однакожъ Негръ не захотѣлъ, чтобы думали, будто онъ подражаетъ Корсиканцу.

Когда гражданскiе и военные чиновники заняли мѣста свои, Жакъ I явился въ собранiи; Г. Петiонъ шелъ подлѣ него на правой сторонѣ, а Аббатъ Дефонтенъ на лѣвой. Хоръ пѣвцовъ, сопровождаемый игранiемъ на органахъ, возгласилъ священный гимнъ. Зала расположена была на подобiе амфитеатра; на срединѣ ея возвышался амвонъ, на которой можно было восходить съ двухъ сторонъ. Весь обрядъ состоялъ въ томъ, что Государь Гаитскiй вручилъ присягу свою Аббату Дефонтену. Подданные Дессалина, которые во все время кричали изо всей силы, при семъ случаѣ наблюдали глубокое молчанiе.

Дессалинъ поклялся защищать независимость острова, во всякомъ случаѣ быть готовымъ къ пожертвованiю своею жизнiю за вольность народа, и вручить послѣ себя верховную власть одному изъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ, которой окажется достойнѣйшимъ того по заслугамъ и по любви къ отечеству.

По произнесенiи присяги, Жакъ Дессалинъ сошелъ съ амвона и принималъ поз-

равленія отъ военныхъ чиновниковъ. Потомъ началъ коммандовать впорымъ гранодерскимъ дивизіономъ. Его одежда была обыкновенная, кромѣ высокой шапки, унизанной кругомъ алмазами. Лишь только онъ вынулъ шпагу, вдругъ раздались со всѣхъ сторонъ крики: *Да здравствуетъ Дессалинъ! да здравствуетъ Жакъ I!* Послѣ того всѣ пошли въ церковь, гдѣ отправлено было пѣніе: *Тебе Бога хвалимъ.*

Свита возвратилась изъ церкви на Марсово поле. Войско было разпущено, и Дессалинъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими чиновниками поѣхалъ къ Коммендантту города Порт-о-Пренса. Жакъ не хотѣлъ, чтобы во время обряда окружала его военная стража, и не прежде сѣлъ на лошадь, какъ разпустивши войско по квартирамъ.

Слѣдующая ночь посвящена была шумнымъ веселостямъ. Однакожъ замѣчаютъ, что не видѣли ни одного Негра пьянаго, между тѣмъ, какъ Бѣлые и Оливковые валялись по улицамъ. Почти совсѣмъ не было солдатъ въ толпѣ веселящагося народа. Впрочемъ и не нужно было, какъ говорятъ, солдатамъ и полицейскимъ служителямъ заставлять народъ восхищаться (*). Все-

(*) При коронованіи Г-на Бонапарте полицейскіе служители *принуждали* бѣдныхъ Французовъ радоваться.

общая радость походила на сумасшествіе. Почти на каждомъ шагу попадались прыгающіе мущины и женщины, одни полуодѣтые, другіе совсѣмъ нагіе; по крайней мѣрѣ у всѣхъ ихъ головы были намазаны помадою и напудрены.

Офицеры и гражданскіе чиновники 9го числа угощали Дессалина пышнымъ столомъ, по окончаніи котораго онъ отправился въ Капъ; теперь онъ занимается приготовленіями къ нападенію на Бѣлыхъ, находящихся на Испанской сторонѣ острова.

Жакъ Дессалинъ ростомъ 6ѢХЪ дюймовъ, слѣдственно ни больше, ни меньше Наполеона Бонапарте. О военныхъ его дарованіяхъ должно имѣть выгодное мнѣніе, судя по одержаннымъ побѣдамъ надъ Французскими Генералами Леклеркомъ и Рошанбо. Сказываютъ, что при немъ находится множество перекрашенныхъ въ черной цвѣтъ Европейцовъ, которые управляютъ его поступками. Первой подвигъ Жака Дессалина, какъ увѣряютъ, будетъ состоять въ заведеніи во всей Имперіи общественныхъ училищъ для наученія всѣхъ подданныхъ *Американскому*, то есть Англійскому языку; онъ не хочетъ, чтобы народъ Гаитской говорилъ по-Французски.

(*Изъ Англ. Вѣд.*)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Если правда, что Англійское правительство не уважило сдѣланнаго въ другой разъ предложенія отъ Г-на Бонапарте о заключеніи мира; если правда, что многія Европейскія Государства готовы поднять оружіе противъ Наполеона; то какія несчастія снова угрожаютъ Франціи! Ея жители будутъ проливать кровь свою не за вольность, не за мечтательное равенство, но за Г-на Бонапарте, за того, которой давитъ ихъ желѣзнымъ скипетромъ деспотизма. Какой урокъ для людей непостоянныхъ! Въ числѣ отцовъ, у которыхъ нынѣ отнимаютъ дѣтей для умноженія полчищъ Наполеоновыхъ, безъ сомнѣнія находятся много такихъ, которые, обольстясь суетностію и честолюбіемъ, споспѣшествовали опроверженію престола добродѣтельнаго Лудовика; многіе изъ нихъ почитали солдатъ республиканскихъ своими избавителями; теперь въ молчаніи оплакиваютъ судьбу бѣднаго отечества, порабощеннаго чужестранцемъ. Не безполезно для мыслящаго существа сравнивать произшествія настоящія съ тѣми, которыя случились за десять лѣтъ прежде. Прошедшее и настоящее должны служить важнымъ наставленіемъ для людей слабыхъ и легковѣрныхъ.

Папа и Наполеонъ еще не выѣхали изъ Парижа. Въ Лїонѣ, Миланѣ и другихъ мѣстахъ сдѣланы всѣ нужныя приготовленїя для принятїя сихъ путешественниковъ. Святый Отецъ, какъ говорятъ, отправится прежде; Г-нъ Бонапарте откладываетъ отъѣздъ свой со дня на день. Папа не одинъ разъ предлагалъ о дозволенїи торжественно отправлять въ большихъ городахъ процессїи и обряды духовные, которые запрещены были для того, чтобы не подать соблазна иновѣрцамъ; ему отвѣтствовано, что статьи Конкордата не позволяютъ думать о сихъ разпоряженїяхъ. Его Святѣйшество въ свою очередь отложилъ до другаго времени отвѣтъ на сдѣланное ему предложенїе о позволенїи Католическому Духовенству вступать въ супружество. О семъ предметѣ уже много разъ было разсуждаемо въ Парижѣ, но безъ успѣха. — Г. Бонапарте приказалъ Префектамъ Департаментовъ встрѣчать себя какъ можно великолѣпнѣе; во время проѣзда его черезъ города и деревни станутъ звонить въ колокола, и духовныя особы въ священномъ облаченїи должны стоять подлѣ церквей, мимо которыхъ онъ поѣдетъ. — Въ одномъ Французскомъ Журналѣ напечатано, что Г. Бонапарте послалъ къ Прусскому Королю знаки Почетнаго Легїона, и что Его Прусское Величество вза-

имно отправилъ къ Наполеону пять орденовъ Чернаго Орла. — Кажется, теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Герцогство Пармское присоединено будетъ къ Ломбардскому Королевству, къ которому оно и въ старину принадлежало. Въ 1521мъ году, по изгнаніи Французовъ изъ Италіи, Парма и Піаченца присоединены къ Церковной Области. Въ 1545мъ году Папа Павелъ III оба сіи Герцогства, какъ церковныя помѣстья, подарилъ побочному своему сыну (??) Петру Алойзу Фарнезу, котораго потомки владѣли Пармою до 1731го года, то есть до того времени, когда Донъ Карлосъ по грамотѣ жалованной получилъ ее во владѣніе, и въ 1748мъ году по Ахенскому трактату сдѣланъ полнымъ и независимымъ обладателемъ сего Герцогства.

❋

Планъ новой Конституціи Батавской Республики, предложенный отъ Государственной Директоріи Законодательному Корпусу, состоитъ изъ 87ми статей, въ которыхъ содержится: 1. Общія постановленія; 2. О внутреннемъ раздѣленіи Государства и о правѣ подаванія голосовъ; 3. о Законодательномъ Корпусѣ; 4. о Рат-Пенсіонерѣ (Raadpensionaris); 5. Объ управленіи Департаментовъ, и 6. о власти Судейской. Главное содержаніе плана состоитъ въ слѣдующемъ: Благоденствіе на-

рода (такъ сказано въ отдѣленіи о постановленіяхъ общихъ) болѣе всего утверждается мудростію законовъ, которые всѣмъ гражданамъ безъ различія предоставляютъ равныя права и возлагаютъ на нихъ равныя обязанности. Никакая Религія не признается господствующею. Всѣ исповѣданія должны пользоваться одинакимъ покровительствомъ. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ судебнаго опредѣленія. Право ленное остается уничтоженнымъ и проч. Владѣнія Батавской Республики въ Европѣ раздѣляются на 8 Департаментовъ. Титулъ Членовъ Законодательнаго Корпуса есть: *Ихъ Высокомочія, Представители Батавской Реслублики*; въ рѣчи къ Собранію должно говорить: *Высокомочные Господа!* — Власть Батавскаго народа представляется Собраніемъ Ихъ Высокомочій вмѣстѣ съ Рат-Пенсіонеромъ. Собраніе состоять должно изъ 19 ти Членовъ, имѣющихъ не менѣе 30 ти лѣтъ отъ роду. Департаментальное правительство назначаетъ четырехъ Кандидатовъ; Рат-Пенсіонеръ оставляетъ только двухъ, изъ которыхъ уже упомянутое правительство выбираетъ одного въ Члены Законодательнаго Корпуса. Ратпенсіонеръ открываетъ засѣданіе Законодательнаго Корпуса, которое одного изъ своихъ Членовъ назначаетъ Президентомъ на время засѣданій.

Собраніе Ихъ Высокомочій разсуждаетъ только о такихъ предметахъ, о которыхъ предложено будетъ отъ Рат-Пенсіонера; оно соглашается на предложеніе, или отвергаетъ его, но не можетъ дѣлать въ немъ отмѣны. Право утверждать договоры мирные, союзные и торговые исключительно принадлежитъ Собранію Ихъ Высокомочій; тайныя статьи упомянутыхъ договоровъ могутъ существовать безъ ихъ согласія, съ тѣмъ только, чтобы онѣ не были противными статьямъ явнымъ и не содержали бы въ себѣ уступки Батавскихъ владѣній. Война не можетъ быть объявлена иначе, какъ по предварительному опредѣленію Ихъ Высокомочій, заключенному въ сходство сдѣланнаго предложенія отъ Рат-Пенсіонера. Ихъ Высокомочія держатъ засѣданія два раза въ годъ, а именно: отъ 15го Апрѣля до 1го Іюня, и отъ 1го Декабря до 15го Генваря. Рат-Пенсіонеръ можетъ созвать Членовъ для чрезвычайнаго засѣданія. Каждой Членъ получаетъ жалованья по 5000 гульденовъ. Рат-Пенсіонеръ закрываетъ засѣданія Ихъ Высокомочій. — Онъ представляетъ особою своею Собраніе Ихъ Высокомочій въ управленіи государственномъ, и ихъ именемъ употребляетъ власть исполнительную. Онъ выбирается собраніемъ 19 Членовъ по большинству голосовъ, на пять лѣтъ, и можетъ

быть снова выбранъ въ сїе достоинство. Рат-Пенсїонеръ имѣетъ право всегда сложить съ себя санъ свой; въ такомъ случаѣ на время занимаетъ мѣсто его Президентъ Собранїя Ихъ Высокомочїй и имѣетъ обязанность пещись объ избранїи новаго Рат-Пенсїонера. Глава Республики долженъ быть: гражданинъ, имѣющїй право подавать голосъ, не моложе 55ти лѣтъ, природной Батавецъ и такой притомъ, которой родился внутри Республики и жилъ въ ней сряду шесть лѣтъ до избранїя. Ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ имѣть власти законодательной. Онъ учреждаетъ Государственный Совѣтъ, состоящїй не менѣе какъ изъ пяти и не болѣе какъ изъ девяти Членовъ. Всякое предложенїе о новомъ узаконенїи прежде выслушивается въ Государственномъ Совѣтѣ, потомъ взносится въ Собранїе Ихъ Высокомочїй. Онъ назначаетъ общаго Статсъ-Секретаря, которой скрѣпляетъ всѣ выходящїе отъ него акты; сверхъ того назначаетъ другихъ Статсъ-Секретарей для внѣшнихъ дѣлъ, для морскихъ силъ, для сухопутныхъ силъ, для внутреннихъ дѣлъ и для финансовъ; опредѣляетъ къ мѣстамъ заграничныхъ Министровъ, морскихъ и сухопутныхъ Офицеровъ; управляетъ флотами, войсками и финансами Республики; возводитъ въ чины, назначаетъ денежныя жалованья и пенсї-

ены; пользуется титуломъ Превосходительства, и проч. и проч. — До сихъ поръ еще не извѣстно, кто будетъ избранъ Рад=Пенсіонеромъ. Но кому быть болѣе, если не самому Авпору Конституціи, или лучше сопрудунику Авпора, Г-ну Шиммельпеннику?

*

Въ одной Нѣмецкой газетѣ помѣщена слѣдующая важная статья: „Дворъ Прусскій объявилъ, что займетъ войсками своими Шведскую Померанію, если Швеція заключитъ вспомогательный договоръ съ Англіею. Г. Бринкманъ, Шведскій повѣренный въ дѣлахъ, по поводу сего объявленія, вручилъ въ Берлинѣ Г-ну Гарденбергу, Министру Прусскому, собственноручное письмо отъ своего Государя. Въ немъ написано, что „Его Шведское Величество, будучи Государемъ независимымъ, не обязанъ давать отчетъ другимъ Державамъ о заключаемыхъ договорахъ; что, если войска чужестранныя вступятъ въ его владѣнія, то будутъ встрѣчены непріятельскимъ образомъ, и что онъ въ такомъ случаѣ попроситъ о защитѣ одну изъ сильнѣйшихъ Монархій, по силѣ трактата, заключеннаго 29 го Октября 1799 го года.“ Дай Боже, чтобы это было несправедливо!

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1805.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Гонимый судьбою.

(Окончаніе.)

Любовница.

Одинъ жившій въ городѣ родственникъ Вальдена вызвался принять его къ себѣ въ домъ, для исправленія. Этотъ родственникъ, гибкой, тонкой, безпрестанно улыбающійся Придворной, показывалъ, что беретъ на себя дѣло весьма трудное Вальденъ имѣлъ случай прежде видѣть его и узнать коротко; но общая ненависть тяготила сердце его, и онъ рѣшился согласиться на предложеніе Придворнаго.

Каммергеръ фонъ Тифенталь и всѣ въ домѣ его — три дочери и одна недостаточная племянница — думали, что въ молодомъ Вальденѣ увидятъ дикаго из-

укротимаго; вмѣсто того явился къ нимъ мущина со сверкающими голубыми глазами, съ благороднымъ лицемъ, на которомъ напечатлѣны были признаки меланхолїи. Онъ объявилъ о себѣ съ такою прїятною вѣжливостїю, которая совсѣмъ не показывала въ немъ человѣка присланнаго для исправленїя. Всѣ удивлялись такой нечаянности, а особливо племянница Юлїя; ибо Вальденъ скоро успѣлъ замѣнить ея невыгодное положенїе въ семъ домѣ, и печальнымъ взоромъ изъявить ей сострадане. Бѣдная дѣвушка имѣла благородную наружность и прїятное лице: вотъ причины, заставлявшїя безобразныхъ ея сестеръ твердо помнить, что она небогата.

Вальденъ снова началъ жить по прежнему: проводилъ все время свое, упражняясь въ наукахъ и искусствахъ, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, которые дѣлилъ съ домашними. Каммергеру совсѣмъ не въ чѣмъ было исправлять Вальдена; однакожь онъ хотѣлъ играть ролю наставника и безпрестанно журилъ молодаго своего родственника. „Въ немъ таится какое нибудь зло;“ думалъ Каммергеръ: „надобно истребить его.“ Вальденъ, вступая въ домъ Тифенталя, рѣшился сносить все, что ни могло бы случиться, и терпѣливо слушалъ безконечные выговоры отъ Каммергера.

Юлїя терпѣла не лучшую участь, слѣдственно, мудрено ли, что она была благосклоннѣе къ Вальдену, нежели къ кому-либо въ домѣ? Вальденъ замѣтилъ ея нѣжное участїе и внутренно съ живѣйшимъ чувствомъ благодарилъ ее. До сего времени сердце его еще не трепетало отъ любви; теперь оно открылось для пламенныхъ впечатлѣнїй страсти. И что оставалось дѣлать Вальдену, которой видѣлъ слезы состраданїя на прекрасныхъ глазахъ любезной дѣвушки?

Сердце Юлїи съ самаго дѣтства образовано было для чувствительности подъ руководствомъ матери, по смерти которой она принуждена была жить у родственниковъ, попеременно то у одного, то у другаго. Стараясь приноровляться къ обычаямъ разныхъ людей, Юлїя снискала удивительной навыкъ ко смиренной уступчивости, и такую способность угождать, что вездѣ могла ужиться, по крайней мѣрѣ съ частїю семейства; здѣсь самъ Каммергеръ уважалъ ее. Она умѣла подладить къ тону, въ домѣ господствующему; но принужденїе, которое должна была дѣлать себѣ во всемъ, произвело въ ней сильное отвращенїе отъ зависимости и возбудило желанїе наслаждаться полною свободою. По сей причинѣ

она почитала богатство удобнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ несносной зависимости, единственнымъ и верховнѣйшимъ благополучїемъ въ жизни. Даже въ минуты благороднѣйшихъ чувствованїй, можно было замѣтить въ ней какїе-то признаки корыстолюбїя и непреодолимаго желанїя избавиться отъ заботъ о будущемъ.

Юлїя чувствовала непритворное сострадание къ Вальдену, которой также, какъ и она сама, находился въ непрїятныхъ обстоятельствахъ, но не умѣлъ съ такою удобностїю къ нимъ приноровляться. Она легко нашла тонъ, которой надлежало взять въ обхожденїи съ Вальденомъ, хотя прямое достоинство его души неизвѣстно ей было. — Многїе хвалятся знанїемъ людей, умѣя только скоро приноровляться къ ихъ обычаю, и ни мало не заботясь о состоянїи сердца, отъ котораго обычай произходитъ. Пусть заглянутъ въ сердце, и они съ крайнимъ удивленїемъ увѣрятся, что мало знали человѣка, къ обычаю котораго такъ легко умѣли поддѣлаться.

Вальденъ былъ свидѣтелемъ, какъ Юлїя съ кроткимъ терпѣнїемъ переносила зависть двоюродныхъ своихъ сестеръ, и снизхожденїемъ прїобрѣла ихъ доброхотство, а благородными поступками сниска-

ла право на ихъ почтенїе. „Непостижимая дѣвушка!“ сто разъ говорилъ онъ самъ себѣ: „для чего я, подобно тебѣ, не могу сносить бремени несчастїя! Безпомощная, унижаемая, чувствуетъ свою бѣдность, свое униженїе, и со всѣмъ тѣмъ сердце ея весело и свободно. Ты любишь людей, которые угнетаютъ тебя, и плачешь только отъ состраданїя о несчастныхъ. А я, я мущина — изнемогаю, падаю; между тѣмъ какъ слабая женщина борется съ судьбою.“ Такъ онъ думалъ часто, и любовь къ Юлїи каждой день усиливалась въ его сердцѣ.

Новое неизвѣстное чувство проникло все существо его и съ необычайною силою овладѣло его душею. Еще ни одинъ человѣкъ не любилъ столь страстно, какъ Вальденъ, пламенный, молчаливый, задумчивый. Юлїя не замѣчала ничего болѣе, кромѣ неограниченнаго къ себѣ почтенїя; а Вальденъ не смѣлъ уже и смотрѣть на нее пристально. Одно прикосновенїе къ ея платью или къ рукѣ производило въ немъ прїятное замѣшательство. Онъ всемѣрно старался таить свои чувствованїя. Юлїя съ удовольствїемъ видѣла его глубокое къ себѣ почтенїе и не скрывала своея къ нему прїязни; не рѣдко приглашала его гулять съ собою, признавалась въ своихъ надеж-

дахъ, сдѣлала его повѣреннымъ чувствъ своихъ и совершенно обворожила Вальдена.

Иногда при сихъ свиданіяхъ и прогулкахъ пламень страсти вырывался изъ его сердца. Юлія догадывалась о любви его и радовалась, надѣясь найти въ ней средство избавиться отъ несносной зависимости. Съ того времени она стала примѣчать съ большею внимательностію, и увидѣла, что сердце его боролось со страстію; она не могла понять, для чего Вальденъ не открывается въ любви своей; не находя потребною нѣжной осторожности, наблюдаемой мущиною въ обхожденіи съ любимою женщиною, не знала настоящей цѣны того пожертвованія, которое Вальденъ дѣлалъ, принуждая себя къ насильственному молчанію. Онъ трепеталъ, когда Юлія брала руку его, или когда слегка пожимала ее, забывшись въ разговорѣ. Она сама чувствовала къ нему склонность и почитала для себя пріятнымъ удовольствіемъ приводить Вальдена въ смятеніе изъявленіемъ своей къ нему довѣренности.

Въ одинъ день оба они были въ саду. Юлія узнала, что Вальденъ подарилъ изрядную денежную сумму старому слугѣ, которому за сдѣланной имъ неважной проступокъ было отказано отъ должности. Со слезами на глазахъ, съ чувствомъ полной

радости она благодарила Вальдена за такое похвальное дѣло. Вальденъ съ неизъяснимымъ восхищенїемъ смотрѣлъ на драгоцѣнныя перла, катящїяся по прекраснымъ щекамъ Юлїи, и въ первой разъ, преклонивъ колѣно, прижалъ руку ея къ пламеннымъ, дрожащимъ губамъ своимъ. Юлїя, будучи тронута великодушнымъ его поступкомъ, чувствуя внутреннее удовольствїе отъ участїя, которое Вальденъ принималъ въ ея восторгѣ, и любопытствуя знать, что будетъ далѣе — положила руки свои на плеча Вальденовы, когда онъ поднимался на ноги, и вскричавъ: „благородной, почтенной человѣкъ!“ напечатлѣла поцѣлуй на щекѣ его.

Вальденъ поблѣднѣлъ; глаза его засверкали, уста трепещущимъ голосомъ произнесли: „Юлїя!“ и Юлїя очутилась въ объятїяхъ страстнаго Вальдена. При первомъ движенїи онъ освободилъ ее, и испугался, думая, что симъ поступкомъ оскорбилъ свою любезную. Но она не сердилась, и Вальденъ предался чувству столь чрезвычайной радости, что Юлїя должна была закраснѣться.

Тогда она увѣрилась, что Вальденъ пылаетъ къ ней страстїю, которая казалась ей почти сверхъ-естественною, и внутренно смѣялась надъ столь пылкимъ

характеромъ. Со всѣмъ тѣмъ любовь не противна была ея сердцу; она даже сама чувствовала склонность къ Вальдену, хотя главное желаніе, главная цѣль ея была — избавиться отъ несноснаго своего положенія. Юлія ожидала объясненія и не старалась уклоняться отъ удобныхъ къ тому случаевъ; но Вальденъ таилъ въ сердцѣ любовь свою и едва осмѣливался тѣшить себя надеждою страсти взаимной. Юлія, тщетно ожидая предложенія, рѣшилась короче узнать сего страннаго человѣка; самое уваженіе къ Вальдену того отъ нее требовало.

Сначала она почитала любовь Вальдена игрушкою; но теперь внутренно восхищалась, думая о возможности быть его супругою. Мысль, что любимый ею человѣкъ заслуживаетъ общее почтеніе, заставила ее перемѣнить обхожденіе съ Вальденомъ, и говорить съ нимъ о такихъ предметахъ, о которыхъ до тѣхъ поръ оба никогда не говорили: ибо Вальденъ рѣдко начиналъ разговоръ безъ побудительной причины. Тутъ она съ крайнимъ удивленіемъ увидѣла, сколь благородныя, высокія качества украшали Вальденову душу. Она узнала исторію жизни его, желанія и надежды; узнала, изъ какой возвышенной точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на земные

предметы. Тутъ она увидѣла въ семъ человѣкѣ — котораго почитала до сихъ поръ только менѣе злымъ, нежели какъ вообще думали о немъ — нѣжное сердце, бодрый умъ, просвѣщенныя понятія, примѣрную скромность, любезность безъ малѣйшихъ требованій на вниманіе людей. Юлія стыдилась, что столь долго вела съ нимъ шутку и притворялась; не смотря на то, въ ту же минуту снова принялась за притворство, хотя оно не походило на прежнее. Съ помощію удивительной способности приноровляться, ей удалось перенять всѣ его мысли и чувствованія, удалось сдѣлать изъ себя точное подобіе Вальдена. Между тѣмъ она внутренно была увѣрена, что ей недостаетъ только мужа, которой заставилъ бы ее въ самомъ дѣлѣ питать чувства, какимъ она столь искусно подражала. Юлія приняла на себя величественную наружность, сдѣлалась молчаливою и хладнокровною; сіи качества прикрыты были прозрачною завѣсою собственныхъ ея прелестей. Такимъ образомъ Вальденъ наконецъ нашелъ дѣвушку по своему сердцу; нашелъ подругу, на которую прежде много разъ воображеніе указывало ему въ поляхъ вѣчности. Онъ снискалъ довѣренность, дружбу и почтеніе Юліи, но о любви помышлять не отваживался.

Юлїя противъ воли увлечена была стремленїемъ роли своей, стараясь показывать добродѣтели, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не имѣла, и отличаться чувствами, которыя чужды были ея сердцу. Она видѣла боренїе Вальдена съ самимъ собою, думала, что прекратить оное значитъ сдѣлать великодушной поступокъ, и рѣшилась — признаться въ любви своей. По ея мнѣнїю, въ томъ не заключалось ни малой важности, что она предварительно заверила урокъ свой, и что нѣсколько разъ прежде слыхала отъ Вальдена: „Полное сердце есть самой лучшїй учитель прилично изъясняться; если человѣкъ заблаговременно готовится сдѣлать такъ или иначе, тогда сердце не участвуетъ въ его поступкѣ.“

Въ одно утро, по обыкновенїю, она увидѣла Вальдена въ рощицѣ, и встрѣтила его съ прїятною улыбкою. Щеки ея рдѣлись отъ стыдливости дѣвической и вмѣстѣ отъ чувства рѣшимости своей на благородной поступокъ: глаза ея сверкали огнемъ любви тихой и кроткой; грудь ея высоко поднималась отъ неизвѣстнаго ожиданїя приближающейся важной минуты. Никогда еще Вальденъ не видѣлъ Юлїи такою доброю, такою искреннею и любезною. Она взяла его за руку, повела въ рощицу, сѣла съ нимъ на скамейкѣ и прижалась

къ нему такъ близко, что плеча ихъ ощущали взаимное давленіе. Вальденъ, смотря на томные глаза, на поднимающуюся грудь Юліи, не могъ болѣе удерживаться и готовъ былъ броситься къ ея ногамъ. Но Юлія, опасаясь, чтобы Вальденъ не лишилъ ее тріумфа, признала за нужное скорѣе объясниться. „Вальденъ!“ сказала она важнымъ голосомъ: „Вальденъ!“ повторила Юлія съ умильною чувствительностію — и слезы по щекамъ ея покатились. Вальденъ испугался, видя ее въ столь сильномъ движеніи, и взялъ ее за руку; Юлія поднесла его руку къ своему сердцу, потомъ оставила ее, закраснѣлась, затрепетала и отъ стыда насилу могла произнести: „вы любите меня, и я...“ Тутъ она замолчала и взоры потупила въ землю.

Вальденъ, которой, совсѣмъ не ожидая отъ Юліи объясненія, толковалъ слова ея въ противную сторону, поспѣшно ухватилъ руку ея, и твердымъ голосомъ сказалъ: „Не бойтесь Юлія! вы хотите лишить меня пріятнѣйшаго утѣшенія моего сердца. Но — вы невинны; я привыкъ къ несчастію. Прощайте!“ Юлія, удивленная неожидаемымъ оборотомъ, упала на грудь Вальдена, и робко произнесла: „Юлія васъ любитъ!“ Она не могла выговорить слова *я*. Вальденъ всталъ, держа

Юлїю въ своихъ объятїяхъ, и бросилъ на нее взглядъ вопросительный. Но видя, что она прижимала зардѣвшїяся щеки свои къ плечу его, Вальденъ упалъ передъ нею на колѣна и въ первой разъ въ жизни ощутилъ въ душѣ своей радость безъ печали, восхищенїе безъ горести, въ первой разъ въ жизни былъ совершенно счастливъ.

Долго не могъ онъ ничего другаго слышать, ни чувствовать, кромѣ удовольствїя сердечнаго. Такимъ образомъ заключенъ союзъ пламенной любви. Юлїя въ минуты восторга забыла о будущемъ, забыла о своихъ надеждахъ и желанїяхъ, и въ объятїяхъ своего друга была счастлива столько же, сколько онъ самъ.

Вальденъ, думая о благородномъ поступкѣ Юлїи, и разсуждая, какой жертвы стоило ей рѣшиться на первое признанїе, не умѣлъ опредѣлить границъ своей благодарности. Пламенная любовь, нѣжнѣйшая привязанность, глубочайшее благоговѣнїе, по его мнѣнїю, были малою наградою за подвигъ Юлїи. И такъ Вальденъ всего себя отдалъ своей любезной, и самое малое удовольствїе почиталъ для себя запрещеннымъ, если оно доходило къ нему не отъ Юлїи.

Сама Юлїя, одушевляемая Вальденомъ, на крыльяхъ фантазїи вознеслась къ верь-

ховному наслажденію; но скоро она опустилась къ земной поверхности, и первыя минуты послѣ радостныхъ восторговъ употребила на развѣдываніе, исполнятся ли ея желанія по сдѣланному плану. „Любезной Вальденъ! а вашъ батюшка?..“ — Вальденъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ: „Юлія! мой батюшка есть одинъ только человѣкъ, о которомъ я не знаю, согласится ли на мое счастіе. Однакожъ надѣюсь; что останется говорить ему, когда онъ увидитъ васъ? Но помышляя о томъ, чего не могу выговорить безъ трепета, о томъ, что, можетъ быть, онъ ненавидитъ меня, и.... Юлія! чего бояться? развѣ это помѣшаетъ нашему счастію?“

Какъ же не помѣшаетъ? представьте, если батюшка не согласится! Какъ вы думаете объ этомъ?

„Никакъ и ничего не думаю, кромѣ того, что вы составляете все мое счастіе. (Нѣжно обнимаетъ Юлію.) Съ вами вмѣстѣ и въ дикой пустынѣ и на престолѣ, и въ хижинѣ — для меня все равно. Пускай отецъ не соглашается на мое желаніе, пускай цѣлой свѣтъ противится мнѣ: какая нужда! я нашелъ сердце, которое любитъ меня, и въ семъ сердцѣ обитаетъ мое счастіе — я увѣренъ въ томъ не-

сумнѣнно. Рай мой вездѣ со мною. Если батюшка покажетъ хотя малое неудовольствіе, тогда я возьму съ собою счастіе мое, тебя, любезная Юлія! скроюсь отъ людей и отъ ихъ гоненій."

Такой отвѣтъ не утѣшилъ Юлію. Правда, она дружески улыбалась, слушая сильныя выраженія Вальдена, и смотрѣла на него съ нѣжностію; однакожъ, спустя не много, опять склонила рѣчь къ тому же предмету.

Вальденъ разсказалъ, что отецъ уже назначилъ для него богатую невѣсту, и что трудно отвратить его отъ исполненія предпріятій, а особливо такихъ, которыя принадлежатъ къ его сыну.

„И вы послѣ всего этого можете быть спокойны?" спросила тронутая Юлія.

„По чему же нѣтъ, Юлія? Отецъ имѣетъ права свои, но и сынъ также имѣетъ ихъ, а человѣкъ и того болѣе. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, для увѣренія отца моего, что я очень радъ бы послушаться, если бы можно было. Въ семъ случаѣ я былъ бы принужденъ не повиноваться, хотя бы никогда не видалъ тебя, любезная Юлія!"

Что же сдѣлали бы вы?

„Не послушался бы."

А если принудятъ васъ?

„А развѣ можно принудить человѣка?... Юлїя! я васъ не понимаю."

Батюшка можетъ стращать васъ лишенїемъ наслѣдства; а я слышала, что вы совершенно отъ него зависите. Тогда что будетъ?

„Какая нужда? пускай стращаетъ!"

Развѣ небольшое помѣстье, доставшееся вамъ послѣ смерти бабушки?...

„Я уступилъ его батюшкѣ для нѣкоторыхъ домашнихъ распоряженїй."

Тѣмъ хуже! что будетъ, когда онъ лишитъ васъ наслѣдства?

„Юлїя! бѣдность никогда не ужасала меня; не только по необходимости, но даже по одной прихоти я готовъ бы избрать ее; а будучи съ тобою, могу ли бояться лишенїя того, что съ равною удобностїю дѣлаетъ насъ несчастными и счастливыми?"

Это странно! что же тогда вы предприняли бы?

„Любить васъ, Юлїя! для васъ трудиться, быть съ вами счастливымъ."

И терпѣть нужду! Но развѣ думаете, что мои родственники согласятся выдать меня на такихъ условїяхъ?

„О конечно нѣтъ! а особливо вашъ дядюшка!"

И такъ разсудите же!

„Когда Юлїя отдастъ мнѣ руку свою, мы оставимъ домъ ея родственниковъ и. . . .“

Убѣжимъ? Вальденъ! а честь моя, а доброе имя?

„Когда вы отдадите мнѣ свою руку, развѣ честь ваша пострадаетъ?“ спросилъ Вальденъ съ важнымъ видомъ. Юлїя старалась перемѣнить разговоръ, будучи увѣрена, что никогда не дойдетъ до такой крайности.

Спустя двѣ недѣли, она разочла себѣ, что весьма неблагоразумно поступила, познакомившись коротко съ сумазбродомъ, которой о богатомъ наслѣдствѣ говоритъ съ такимъ равнодушїемъ, съ какимъ она объ изношенной лентѣ. Сверьхъ того ее чрезвычайно безпокоила основанная на вѣрности безпредѣльная любовь Вальденова, на которую она не была въ состоянїи отвѣтствовать съ равнымъ жаромъ.

Совмѣстникъ.

Вальденъ сказалъ правду. Отецъ его въ самомъ дѣлѣ приготовилъ для него богатую невѣсту. Хотя молодой Вальденъ съ самаго начала на сдѣланное предложенїе о женитьбѣ отвѣчалъ рѣшительно, что ему никакъ не льзя исполнить воли родительской; однакожъ старикъ думалъ, что сынъ

его непремѣнно долженъ будетъ согласиться. Юлїя ужаснулась, когда узнала, что старой Вальденъ писалъ о томъ къ Каммергеру, которой при семъ случаѣ изобразилъ непреклонной характеръ старика такими красками, что ей не оставалось никакой надежды. Вальденъ подтвердилъ ей справедливость сказаннаго. Любовь Юлїи часъ отъ часу болѣе охлаждалась, а усилїе, скрывать холодность сїю отъ человѣка молодаго и пылкаго, тяготила ее несказанно. Правда, она все еще любила его; однакожъ это не препятствовало ей заботиться о средствахъ окончить дѣло сїе съ выгодою для себя такимъ или другимъ образомъ.

Спустя нѣсколько времени самъ отецъ пріѣхалъ въ домъ Каммергера единственно для того, чтобы отвезти домой сына. Вальденъ разсказалъ Юлїи объ угрожающемъ несчастїи и, взявъ ее за руку, примолвилъ: „Юлїя! теперь пришло время!“ Она старалась успокоить Вальдена и просила его не противиться родителю. „Онъ отецъ вашъ;“ говорила Юлїя: „поѣзжайте. Увидя вашу непреклонную рѣшительность, онъ согласится.“ — „О Юлїя! вы еще не знаете отца моего!“ отвѣчалъ Вальденъ, и наконецъ по неотступнымъ прозьбамъ долженъ былъ склониться на совѣтъ ея.

Юлїя сама не имѣла надежды, которую старалась поселить въ душѣ Вальдена; однакожъ она думала, что по его отъѣздѣ останется спокойною: ибо страсть его, безпрестанно усиливающаяся отъ препятствїй, въ ужасъ приводила Юлїю. „Хорошо, Юлїя! соглашаюсь; но . . .“ — Моя вѣрность — прервала она — мое сердце, вѣчная любовь моя, будутъ твоею наградою. — Вальденъ обнялъ ее въ послѣднїй разъ, и съ горестнымъ предчувствїемъ въ душѣ отправился въ деревню отца своего, которой остался на нѣкоторое время у Каммергера, чтобъ не имѣть неудовольствїя ѣхать вмѣстѣ съ *негодяемъ*. Юлїя обрадовалась, и снова ожила для надежды, примѣтивъ, что отецъ Вальдена отлично уважаетъ ее. Она еще болѣе старалась снискать его благоволенїе, и немедленно получила въ томъ желаемой успѣхъ.

Отецъ, слыша отъ Каммергера похвалы своему сыну, думалъ, что его хотятъ обманывать, и просилъ Юлїю объявить свое мнѣнїе; она также много хорошаго говорила о Вальденѣ; увѣряла, что сынъ любитъ его, и что всегда отзывался о немъ съ должнымъ уваженїемъ. „И такъ, сударыня!“ спросилъ старой Вальденъ: „и такъ вы надѣетесь, что онъ по-

слушается меня?“ Юлія отвѣчала въ замѣшательствѣ, что это была бы надежда напрасная, и что сынъ обязанъ во всемъ повиноваться своему родителю, исключая одинъ только сей случай. — „Вы слишкомъ добры, сударыня! вы не знаете еще, что это такой негодяй упрямой и своенравной, которой во всю жизнь свою тѣмъ однимъ только и занимался, въ томъ одномъ только находилъ лучшее удовольствіе, чтобы досаждать своимъ родителямъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что должно было — и все тщетно! Нѣтъ, сударыня! не старайтесь оправдывать его! Онъ знаетъ уже, что договоръ заключенъ; я былъ бы очень смѣшонъ, я посрамилъ бы себя, если бы теперь не сдержалъ своего слова! Онъ не получитъ отъ меня ни одного гроша, когда вздумаетъ упрямиться.“

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта, Юлія не сумнѣвалась въ томъ, что отецъ непремѣнно исполнитъ свое намѣреніе. Она внутренно сожалѣла о несчастномъ жребіи своего любезнаго; но не хотѣла и думать о сочетаніи съ нимъ безъ согласія стараго Вальдена, и благодарила судьбу, что никто не зналъ о произходившемъ между ними.

Покажется очень страннымъ, что Юлія, часто разговаривая со старымъ Вальденомъ, пріобрѣла его дружбу и пол-

ную довѣренность. Онъ подносилъ ей богатые подарки, хвалилъ разумъ ея, восхищался ея дарованіями и откладывалъ отъѣздъ свой со дня на день.

Старой Вальденъ имѣлъ отъ роду около пятидесяти лѣтъ; былъ человѣкъ веселой, умной, доброй и ко всѣмъ ласковой, кромѣ своего сына; на его лицѣ изображалось достоинство и величіе — качества, которыми онъ пріобрѣталъ право на общее уваженіе. Онъ обходился съ Юліею часъ отъ часу ласковѣе, почтительнѣе, нѣжнѣе; наконецъ поручилъ Каммергеру узнать отъ нее, можетъ ли онъ ласкаться надеждою — получить ея руку.

„Юлія!“ сказалъ Каммергеръ, поспѣшно вбѣжавши къ ней въ горницу: „я принесъ тебѣ вѣсть очень, очень пріятную! знаешь ли что? Вальденъ въ сію минуту объявилъ мнѣ, что хочетъ на тебѣ жениться.“ Юлія, поблѣднѣвши, вскричала: „Это не возможно! Самимъ Богомъ заклинаю васъ, дядюшка, изтребить въ немъ сіе намѣреніе! это не возможно!“ — По чему же, племянница! смѣю спросить тебя? Не возможно! а я напротивъ того увѣрилъ его, что очень возможно, и въ добавокъ скажу ему, что ты сама на это согласна. — Онъ хотѣлъ выдти; но Юлія мгновенно бросилась передъ нимъ на колѣна,

остановила его, и рыдая, просила избавить ее отъ такого замужства. Дядя повелительнымъ тономъ отвѣчалъ съ хладнокровіемъ: „Встань, Юлія, не дурачься! Богатой Вестфальской воевода, Вальденъ, человѣкъ справедливой, умной, цвѣтущій здоровьемъ, предлагаетъ руку свою бѣдной дворянкѣ фонъ Тифенталь, ничего не имѣющей, кромѣ красиваго личика, которое черезъ нѣсколько лѣтъ увянетъ. Дѣвица Юлія должна или согласиться на то, что предлагаютъ ей, или готовиться ѣхать къ теткѣ, которая умѣетъ ладить по своему. Юлія! пожалуй выбрось на часъ изъ головы романы; не спорю, что вы, молодыя дѣвушки, любите читать ихъ; однакожъ, гдѣ идетъ дѣло о вещахъ важныхъ, тамъ требую отъ тебя ума и разсудительности, а не бредней.“ Ничѣмъ нельзя было столько испугать Юлію, какъ напоминаніемъ о теткѣ, у которой она, проживъ три года, узнала, что адъ можетъ существовать на здѣшнемъ свѣтѣ; но предлагаемое замужство казалось ей несноснѣе самаго ада; душа ея впадала въ отчаяніе при одной мысли о возможности сочетанія со старымъ Вальденомъ.

„Даю тебѣ время размыслить,“ продолжалъ Каммергеръ: „а между тѣмъ скажу Вальдену, будто ты, изумясь отъ

неожиданнаго предложенія, просила отсрочить для того, чтобы подумать о семъ дѣлѣ. Черезъ двѣ недѣли, или по крайней мѣрѣ черезъ мѣсяцъ, ты будешь Госпожею Воеводшею Вальденъ. Подумай же! такое счастіе не встрѣчается въ жизни два раза. Прощай, племянница!"

Юлія тотова была догнать дядю и съ твердою рѣшимостію сказать, что ей никакъ не возможно согласиться на его требованіе. „Такъ! пускай лучше вѣчно буду мучиться у тетушки," думала огорченная Юлія: „лучше перенесу тысячу смертей, нежели оскорблю столь гнусною невѣрностію сердце добродѣтельнаго сына. Ахъ! теперь вижу, что онъ говорилъ правду, почитая бѣгство единственнымъ средствомъ къ избавленію."

Если бы молодой Вальденъ еще не уѣхалъ, Юлія конечно согласилась бы скрытно уйти съ нимъ изъ дома Каммергерова; теперь она осталась одна безъ помощи, безъ совѣтовъ. Цѣлой вечеръ Юлія провела въ своей комнатѣ и не раздѣвшись легла въ постелю. Ея воображеніе занято было то ужасною тяткою, то ненавистнымъ бракосочетаніемъ. Она хотѣла бы никогда не встрѣчаться или съ отцемъ, или съ сыномъ. — На другой день по утру Юлія пошла въ комнаты Каммергера съ

рѣшительнымъ намѣренїемъ въ присутствїи самаго Вальдена отказаться отъ предлагаемаго брака, и даже открыть связь свою съ его сыномъ. Вошедъ въ комнату, она съ трепетомъ поклонилась присутствующимъ, и взоры потупила въ землю; Вальденъ молчалъ, потому что Каммергеръ совѣтовалъ ему до нѣкотораго времени не дѣлать предложенїя.

Вальдену надлежало въ тотъ день явиться во Дворцѣ, и онъ скоро поѣхалъ. Между тѣмъ къ обѣду собрались всѣ родственники Юлїи, не исключая страшной тетки, за которою нарочно посылали въ ея деревню. Каммергеръ объявилъ родственникамъ о предложенїи Вальдена. Всѣ изумились отъ радости и поздравляли Юлїю съ такимъ выгоднымъ замужствомъ; но Юлїя рѣшительно отвѣчала, что не можетъ дать руку Вальдену. „Племянница!“ сказалъ Каммергеръ, будучи въ крайнемъ огорченїи: „это жеманство здѣсь совсѣмъ не у мѣста; впрочемъ вы можете дѣлать, что вамъ угодно Только почитаю нужнымъ объявить вамъ ясно и вразумительно, чтобы вы потрудились поискать для себя другое жилище; потому что я упрямства и пустыхъ затѣй не могу терпѣть въ своемъ домѣ.“ Всѣ устремили взоры свои на Юлїю; тетка охриплымъ голосомъ

прочитала ей одну изъ обыкновенныхъ своихъ проповѣдей. Юлїя не говорила ни слова; но родственники не переставали привѣтствовать ее бранью и укоризнами до тѣхъ поръ, пока она не обѣщалась еще подумать.

Въ вечеру прїѣхалъ Вальденъ. Юлїя хотѣла поговорить съ нимъ наединѣ; но ее подъ какимъ-то предлогомъ позвали въ залу прежде еще нежели Вальденъ явился. Тутъ въ общемъ собранїи онъ торжественно сдѣлалъ ей предложенїе. Родственники устремили на нее взгляды столь значительные, тетка такъ страшно наморщилась, что несчастная Юлїя потеряла всю бодрость, поблѣднѣла и съ трепетомъ просила Вальдена дать ей нѣсколько времени на размышленїе. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; всѣ внутренно поздравляли Юлїю, хотя о свадьбѣ не было еще объявлено. Невѣсту заглушали шумомъ, и не оставляли ее одну ни на минуту. Не должно скрывать отъ читателя, что Юлїѣ иногда приходила на мысль прїятная мечта о независимости, объ уваженїи отъ богатыхъ родственниковъ и о благоговѣнїи бѣдныхъ. Наконецъ, при великолѣпномъ пиршествѣ Юлїя, ослѣпясь блескомъ избыточества, склонясь на ласкательства родственниковъ, будучи оглу-

шена музыкою и танцами, произнесла роковое слово: соглашаюсь!

Она чувствовала въ душѣ своей, что сдѣлала; но не видя никакого средства избавиться, вооружилась всѣмъ терпѣнїемъ противъ упрековъ совѣсти и противъ будущихъ приключенїй; старалась искать разсѣянїй въ обществахъ, въ танцахъ и въ игрѣ; не смотря на то, часто роняла карты изъ рукъ своихъ и впадала въ глубокую задумчивость!

Насталъ страшный день свадьбы. Юлїя опять помышляла о средствахъ какъ нибудь избавиться отъ несчастїя, но не видя никакого, и воображая, что обманутаго любовника должна будетъ называть своимъ сыномъ, совершенно потерялась и отъ ужаса впала въ ожесточенїе. Она ничего уже не предпринимала, ожидала всего терпѣливо и чувствовала себя на все способною; даже смѣялась надъ мучительною тоскою, пожирающею внутренность ея. По совершенїи брачнаго вѣнчанїя, Юлїя упала въ глубокой обморокъ.

Слѣдующїе дни прошли въ безпрерывныхъ веселостяхъ. Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Юлїю, почти лишенную чувствъ, на рукахъ отнесли въ карету. Она нѣсколько ободрилась, услышалъ не-

нарочно отъ Вальдена, что сынъ его находился въ отлучкѣ.

Несчастный сынъ ничего не зналъ о произшедшемъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ ѣздилъ изъ дому на нѣкоторое время, и возвратился за полчаса до прибытія отца своего. Вошедъ въ комнаты, онъ удивился необыкновенному убранству; не спрашивая ни у кого, не могъ знать, для чего оно было сдѣлано. Молодой Вальденъ съ горестію въ душѣ стоялъ передъ портретами умершей матери и братьевъ; отворяются двери; Юлія, ведомая старымъ Вальденомъ, входитъ въ комнату. Онъ оцѣпенѣлъ отъ радости и внезапнаго удивленія. Смятенная Юлія оборотилась къ служанкѣ, будто для отданія нужныхъ приказаній.

Между тѣмъ отецъ объявилъ сыну о своемъ бракосочетаніи съ Юліею. „Боже мой!“ вскричала служанка: „барыня занемогла!“ Въ ту минуту отецъ бросился къ Юліѣ, которая упала безъ чувствъ на руки горничной; молодой Вальденъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, зашатался и едва могъ стоять на ногахъ, держась за мраморной столикъ. Онъ тотчасъ ушелъ, какъ только Юлія оправилась. „Вотъ первый опытъ его почтенія къ женѣ моей!“ сказалъ старой Вальденъ.

Несчастный бѣгалъ въ безпамятствѣ по полямъ и рощамъ. Пришедъ въ себя, онъ запрепеталъ, вообразивъ свое положенїе, и упалъ на землю отъ слабости. Тутъ пришло ему на мысль, что, можетъ быть, отецъ его шутилъ надъ нимъ, и что онъ привезъ Юлїю, желая изумить его прїятною нечаянностїю, и сказать наконецъ: прими изъ рукъ моихъ свою любезную! Эта догадка показалась ему не подверженною никакому сомнѣнїю. „Такъ! точно такъ!“ вскричалъ обрадованный Вальденъ, вскочилъ и быстро побѣжалъ домой. Идучи черезъ садъ, онъ увидѣлъ Юлїю, одѣтую въ спальное платье и сидящую подлѣ стараго Вальдена; въ его объятїяхъ. Все увѣряло несчастнаго, что Юлїя была супругою отца его.

„Возможно ли!“ вскричалъ молодой Вальденъ; въ отчаянїи побѣжалъ въ свою комнату, бросился на постелю и пролежалъ до самаго утра; иногда ночная тишина прерываема была словами: „жена отца моего! . . . и сїи люди требуютъ, чтобъ ихъ любили! . . . та, которую прижималъ я къ своему сердцу, жена моего родителя! ужасно! ужасно!

Мачиха.

Благоразумїе требовало, чтобы Юлїя обо всемъ объявила мужу и удалила бы

молодаго Вальдена. Но увы! „Человѣкъ не рѣдко отваживается на новой проступокъ, чтобы скрыть стыдъ свой.“ Такъ написано въ одной книгѣ, и очень справедливо. Юлїя стыдилась признаться въ своей неосторожности, и еще будучи въ дорогѣ, вздумала хитростїю поправить обстоятельства.

На другой день по утру, она послала съ своею горничною письмо къ Вальдену, заблаговременно приготовленное; въ немъ содержалось оправданїе поступка Юлїи, сплетенное изъ разныхъ выдумокъ. „Намъ не льзя было соединиться,“ писала она: „характеръ вашего родителя и его къ вамъ немилость полагали непреодолимое къ тому препятствїе. Если бы желанїя наши совершились, тогда непримиримая ненависть отца была бы вашимъ удѣломъ, и я почитала бы себя виновницею вашего несчастїя. Вы не были бы свободны до тѣхъ поръ, пока я не рѣшилась бы на замужство, и до тѣхъ поръ не примирились бы съ вашимъ родителемъ. Я дала ему руку единственно съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы на подобїе божества благодѣтельнаго возвратить спокойствїе семейству; знаю, что сама не могу быть счастливою, но могу сдѣлать счастливыми двухъ человѣкъ, рожденныхъ для любви взаим-

ной. Горячія слезы теперь льются на сію бумагу, и никогда не перестанутъ литься изъ очей моихъ. Я имѣла бодрость пожертвовать моимъ сердцемъ и счастіемъ; но не могу, подобно вамъ, быть твердою, не могу не плакать. Слезы доставятъ мнѣ единственное въ жизни блаженство, если онѣ примирятъ отца съ сыномъ; охотно соглашусь безпрестанно плакать, съ тѣмъ только, чтобы семейство, къ которому нынѣ принадлежу, благоденствовало и веселилось."

Вальденъ нѣсколько разъ сряду прочелъ письмо съ живѣйшимъ чувствомъ. Мысль, что Юлія мать его — казалась ему ненавистною; но онъ не могъ не удивляться безпримѣрному ея великодушію. Что оставалось дѣлать ему, если не подражать благородному ея смиренію и терпѣливо сносить странныя прихоти Рока? Онъ сносилъ ихъ, предался тихому уединенію и старался убѣгать свиданій съ Юліею.

Несчастный внутренно любилъ свою мачиху, и любилъ тѣмъ болѣе, чѣмъ мужественнѣе со страстію боролся. Мрачность и признаки человѣконенавидѣнія овладѣли его физіогномією. Тоска его увеличивалась, когда Юлія, находясь съ нимъ вмѣстѣ, бросала на него взоры томные, но благосклонные. Тысячу разъ онъ готовъ былъ

упасть къ ногамъ ея и — умереть. Но — Юлія была супруга отца его! Съ усилившеюся любовїю, съ новыми муками Вальденъ поспѣшно убѣгалъ отъ нее въ мрачное свое обиталище.

Любовь Юлїи къ Вальдену уже давно охладѣла, однакожъ ей не льзя было не чувствовать состраданїя. Страсть, которую она видѣла въ томныхъ глазахъ Вальдена, его слезы, его боренїе съ самимъ собою, его глубокое почтенїе — все способствовало къ смягченїю сердца Юлїи. Мысль — быть такъ вѣрно, такъ страстно любимою, ослѣпила ея честолюбивую душу. Сначала она хотѣла только успокоить Вальдена, хотѣла погасить въ немъ любовь; но видя постоянную горесть его, раскаялась, для чего не сохранила къ нему вѣрности. Много разъ она предпринимала защищать молодаго Вальдена передъ своимъ супругомъ; но ненависть глубоко пустила корни въ сердцѣ родителя. „Ты еще не знаешь его;“ говорилъ Вальденъ женѣ своей: „повѣрь мнѣ, что скоро онъ выведетъ тебя изъ заблужденїя.“ Такая непреклонная жестокость къ сыну доброму казалась Юлїѣ весьма несправедливою, даже звѣрскою, такъ что сердце ея отвратилось отъ супруга. Она хотѣла утѣшать несчастнаго, и своими ласками заставить

позабыть терпимыя отъ отца оскорбленія. „Что препятствуетъ мнѣ быть его другомъ? такъ думала Юлія: „можетъ быть, дружба моя вылѣчитъ его отъ пагубной страсти!“ Такимъ образомъ сострадание Юліи часъ отъ часу усиливалось, вмѣстѣ съ желаніемъ облегчить бремя скорьби Вальденовой — и прежняя любовь снова воспылала въ ея сердцѣ. Ей казалось уже, что Вальденъ достоинъ болѣе, нежели дружбы. Она обманывала сама себя, скрывала отъ себя слѣдствія своего намѣренія, старалась успокоить совѣсть свою благовидными предлогами и предалась влеченію пагубной склонности.

Въ сіе столь опасное время старому Вальдену надлежало отправиться за дѣлами въ городъ; жена его и сынъ остались дома. Три дни молодой Вальденъ не выходилъ изъ своего уединеннаго жилища; въ четвертый является къ нему горничная съ извѣстіемъ о болѣзни Юліи, и спрашиваетъ, не нужно ли послать нарочнаго въ городъ за господиномъ. Этого было довольно, чтобы заставить Вальдена посѣтить мачиху. Онъ входитъ въ ея комнату, видитъ Юлію, лежащую на софѣ; слабой свѣтъ едва освѣщалъ предметы сквозь зеленыя занавѣсы. „Вы неможете?“ спросилъ Вальденъ дрожащимъ голосомъ: не прика-

жете ли войти слуганнѣ?“ — Юлїя, не отвѣчая ни слова, обратила лице къ подушкѣ. Вальденъ съ почтительною заботливостїю наклонился къ больной, и увидѣлъ, что щеки ея пылали, грудь трепетала. „Ради Бога! что съ вами сдѣлалось?“ Онъ не успѣлъ выговорить, какъ Юлїя заключила его въ свои объятїя, и напечатлѣвъ страстной поцѣлуй на устахъ его, сказала сквозь слезы: „Я твоя! для тебя забывала о своей должности.“ Вальденъ, какъ громомъ пораженный, съ ужасомъ отскочилъ назадъ, и стоялъ неподвижно подобно окаменѣлому. Потомъ, пришедъ въ себя, произнесъ дикимъ голосомъ: „Матушка! чего вы отъ меня требуете?“ Слово *матушка* разтерзало сердце Юлїи. Тутъ она увидѣла грубую свою ошибку, закрыла лице обѣими руками и упала на софу.

Чувство состраданїя овладѣло душею добраго Вальдена. Упавъ на колѣна, онъ говорилъ: „Любезная матушка! заклинаю васъ именемъ чести и добродѣтели! укрѣпитесь! одна минута слабости помрачитъ славу цѣлой жизни!“ — „Злодѣй!“ вскричала Юлїя, бросивъ на него яростный взоръ: „теперь я узнала тебя! ты хотѣлъ погубить меня! злость твоя приготовила эту минуту слабости! ты надѣ-

лся торжествовать, несчастный! прочь съ глазъ моихъ!" Будучи увѣрена, что Вальденъ насмѣялся надъ нею и разрываясь отъ досады, она продолжала: „Такъ, злодѣй! я любила тебя; но теперь ненавижу, буду гнать тебя до гроба. Что я говорю? я никогда не любила тебя, сумасшедшій! прочь съ глазъ моихъ!"

Вальденъ съ ужасомъ смотрѣлъ на сверкающіе глаза, на синія губы разъяренной женщины. „Угодно ли вамъ выслушать меня?" сказалъ онъ хладнокровно, бросивъ на нее значительной взглядъ, которой показался Юліи презрительнымъ. „Ты долженъ будешь признаться, что ты хотѣлъ соблазнить меня;" прервала Юлія: „и что ты любилъ меня!" — „Такъ!" отвѣчалъ Вальденъ еще съ большимъ хладнокровіемъ: „я любилъ васъ, милостивая государыня! не принуждайте жъ меня теперь презирать васъ. Я любилъ, но не для того, чтобы сдѣлаться вторымъ Эдипомъ!"

Въ сію минуту входитъ старой Вальденъ. „О Боже!" вскричала Юлія, и упала на грудь подошедшаго къ себѣ мужа, которой, грозно взглянувъ на сына, спросилъ: „что это значитъ?" Несчастный молчалъ. Юлія съ поспѣшностію отвѣчала: „Ты говорилъ правду, другъ мой! онъ злодѣй!

онъ вломился ко мнѣ въ комнату, и.... нѣтъ силъ докончить." Старой Вальденъ, выхвативъ шпагу, бросился на сына и вскричалъ: „это послѣднее твое злодѣйство, чудовище!" Молодой Вальденъ обезоружилъ отца, сказавъ: „убивать людей не похвально; вы сами послѣ стали бы раскаяваться;" взглянулъ на Юлію съ презрѣніемъ, бросилъ къ ногамъ ея шпагу отца своего и вышелъ. Старикъ хотѣлъ-было догонять, Юлія упала передъ нимъ на колѣна и съ слезами просила остаться. Ей удалось успокоить мужа и уговорить его послать сына въ заточеніе на мызу въ нашу деревню, безъ дальнихъ разпросовъ изысканій. Она трепетала, опасаясь, чтобы молодой Вальденъ не обличилъ ее письмами, которыя къ нему писала.

Въ тотъ же часъ каммердинеръ объявилъ ему повелѣніе родительское немедленно отправиться на мызу, съ запрещеніемъ не только казаться на глаза старому Вальдену, но даже писать къ нему. Несчастный изгнанникъ зналъ, чего Юлія боялась; онъ собралъ всѣ ея письма и записки, запечаталъ ихъ и надписалъ на конвертѣ: „не бойтесь, сударыня! я желалъ бы, чтобъ вы болѣе боялись вашего сердца, нежели сихъ бумагъ." Не медля ни часа, онъ отправился на мызу; въ слѣдъ

за нимъ летѣла молва разглашающая, что онъ хотѣлъ соблазнить мачиху и вынималъ противъ отца шпагу.

Вальденъ убѣгалъ людей, потому что всѣ смотрѣли на него съ омерзѣнїемъ. Отецъ лишилъ его наслѣдства. Съ тѣхъ поръ несчастный жилъ въ нашей деревнѣ и по большой части проводилъ время въ любимой буковой рощѣ, среди которой выстроилъ для себя маленькой домикъ. На дверяхъ висѣла доска съ надписью изъ Антигоны: „Много есть ужаснаго; но человѣкъ ужаснѣе всего на свѣтѣ.“ Вальденъ рѣдко показывался людямъ и еще рѣже говорилъ съ ними; науки, искуства и садоводство составляли все его упражненїе...

(*Съ Нѣмецкаго.*)

II.

О краснорѣчїи Бридена (*).

Бриденъ былъ Миссїонарїй, проповѣдывавшїй въ селахъ. Онъ родился съ краснорѣчїемъ простонароднымъ, исполненнымъ картинъ и силы, и никто, подобн ему, не имѣлъ въ такой высокой степени рѣд-

(*) Изъ книги: Principes d'éloquence pour la chaire et le barreau; par le Cardinal de Maury.)

каго дара овладѣть душею многолюдства. Во всѣхъ его проповѣдяхъ замѣчены обороты естественно Ораторскіе, метафоры очень смѣлыя, мысли пылкія, новыя и разительныя, всѣ свойства богатаго воображенія, нѣкоторыя черты, а иногда и цѣлыя рѣчи, приготовленныя и писанныя съ жаромъ, даже со вкусомъ. Однажды онъ говорилъ проповѣдь въ церкви Святаго Сульпиція въ Парижѣ, 1751 го года. Лучшее общество столицы желало изъ любопытства слышать его. Бриденъ, возшедъ на каѳедру, увидѣлъ въ собраніи многихъ Епископовъ, многихъ Чиновниковъ и безчисленную толпу церковнослужителей. Сіе зрѣлище, вмѣсто того, чтобы устрашить Бридена, вдохнуло ему вступленіе, достойное Боссюэта или Демосѳена. Вотъ оно:

„При видѣ слушателей, для меня „столь новыхъ, я бы долженствовалъ, ка„жется, растворить уста мои только для „того, чтобы просить о снизхожденіи къ „бѣдному Миссіонарію, не имѣющему тѣхъ „дарованій, которыхъ требуете въ то „время, когда хотятъ бесѣдовать съ ва„ми о вашемъ спасеніи. Но чувство души „моей совсѣмъ иное; и ежели смиряюсь, то „не думайте, чтобы я унизился до жал„кихъ безпокойствъ суетности! . . . . .

„Сохрани Боже, чтобы служитель Неба „имѣлъ нужду въ извиненіи вашемъ! ибо — „кто бы вы ни были — вы грѣшники, мнѣ „подобные. Только предъ лицемъ Бога, мо„его и вашего, чувствую въ сію минуту „живое стремленіе поражать грудь свою. „До сихъ поръ я возвѣщалъ о справедли„вости Всевышняго въ храмахъ, покры„тыхъ соломою; проповѣдывалъ строгость „покаянія злополучнымъ, не имѣющимъ „куска хлѣба; открывалъ добрымъ посе„лянамъ грозныя истины Религіи. . . „Что я дѣлалъ, нещастной? Опечаливалъ „бѣдныхъ, лучшихъ друзей Бога моего, „вселялъ страхъ и горесть въ души про„стыя и вѣрныя, о которыхъ мнѣ долж„но было жалѣть и утѣшать ихъ! Но „здѣсь взоры мои устремляются на од„нихъ знатныхъ, на богатыхъ, на утѣ„снителей страждущаго человѣчества, или „на грѣшниковъ дерзкихъ и ожесточен„ныхъ. Ахъ! только здѣсь надлежало гре„мѣть словомъ святымъ во всей силѣ гро„ма его, и поставить съ собою, на этой „каѳедрѣ, съ одной стороны смерть, вамъ „грозящую, а съ другой великаго Бога „моего, пришедшаго судить васъ. Я дер„жу нынѣ приговоръ вашъ въ рукѣ моей. „Трепещите, слушая меня, люди гордые „и всѣхъ презирающіе: потребность спа-

„сенія, необходимость смерти, безъизвѣстность сего ужаснаго часа для васъ, послѣднее раскаяніе, страшный судъ, малое число избранныхъ, адъ и послѣ всего „вѣчность! . . . Вѣчность! вотъ предметы, „о которыхъ хочу говорить съ вами, и которые надлежало мнѣ сохранить для васъ „единственно. Ахъ! какая нужда мнѣ въ „вашихъ мнѣніяхъ, которыя, можетъ быть, „осудили бы меня не спасти васъ. Богъ „станетъ трогать сердца ваши въ то „время, когда недостойной служитель Его „будетъ говорить съ вами; ибо я позналъ „долговременнымъ опытомъ, сколь велико „Его милосердіе. Тогда, пораженные ужасомъ къ прошедшимъ своимъ несправедливостямъ, вы броситесь въ объятія мои, „проливая слезы совѣсти и раскаянія, и „по силѣ угрызенія найдете меня довольно „краснорѣчивымъ.“

К. Ш — въ.

III.

О гордости и ревнованіи.

Спустя нѣсколько дней послѣ Саламинскаго сраженія, военачальники Греческіе собраны были передъ жертвенникъ Неп-

шуна, для объявленія, кто болѣе всѣхъ отличился въ битвѣ. Каждой изъ нихъ наименовалъ вопервыхъ себя, потомъ у Ѳемистокла. Это исторія всѣхъ людей. Спросите у кого угодно, у Художниковъ, Ученыхъ, Литтераторовъ: всѣ скажутъ вамъ о себѣ то же, что Аѳинскіе военачальники.

Одинъ Танцмейстеръ, которой никакъ не могъ научить Графа Оксфордскаго прыгать по-своему, услышавъ, что ученикъ его пожалованъ Государственнымъ Казначеемъ, вскричалъ съ крайнимъ удивленіемъ: „Какое достоинство нашла въ немъ Королева? я два года мучился съ этимъ человѣкомъ, и все безъ успѣха!“

Каждой любитъ то, въ чемъ самъ упражняется: Живопись есть первое изъ всѣхъ художествъ въ глазахъ того, кто ею занимается; другой скажетъ вамъ, что Ваятельное искуство выше всего на свѣтѣ; третій будетъ увѣрять, что съ Музыкою ничто не можетъ сравниться. Первой укажетъ вамъ на *Преображеніе*, второй на Бельведерскаго Аполлона, третій заставитъ васъ слушать Гайденову симфонію — и каждой будетъ доказывать истину своего мнѣнія примѣрами.

Нѣтъ сомнѣнія, что чувство гордости похвально, когда она оправдывается такими образцовыми произведеніями; но,

къ сожалѣнію, часто гордость и истинное достоинство бываютъ между собою въ обратномъ положеніи.

Намъ хочется, чтобы всѣ свой образъ мыслей, свои поступки, свой вкусъ соображали съ нашимъ образомъ мыслей, съ нашими поступками, съ нашимъ вкусомъ. Въ этомъ походимъ на Циника, которой говорилъ къ окружающей толпѣ любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на его странности: „я смѣюсь надъ всѣми тѣми, которые мнѣ кажутся смѣшными!“ Ему отвѣчали, что если это справедливо, то онъ долженъ умереть отъ смѣха.

Чрезмѣрная гордость произходитъ отъ чрезмѣрнаго незнанія самаго себя. Много времени надобно провести въ наблюденіи самихъ себя, прежде нежели удастся намъ снять завѣсу, сокрывающую добродѣтели и пороки, хорошія и дурныя качества другихъ людей. Мы обыкновенно уважаемъ или презираемъ поступки другихъ, смотря по сходству или несходству ихъ съ нашими. Отъ того наше художество, наше ремесло, наше сочиненіе кажется намъ преимущественнымъ, совершеннымъ, прекраснымъ.

Тотъ долго и съ успѣхомъ занимался изученіемъ человѣческаго сердца, кто пер-

вой сказалъ, что самолюбіе есть душа натуры человѣческой.

Сіе чувство гордости часто имѣетъ вліяніе на наши сужденія, которыя впрочемъ зависятъ отъ предметовъ, насъ окружающихъ, и отъ сферы, въ которой живемъ. Мы принимаемъ на себя характеръ обитаемой страны, отправляемой должности, круга знакомыхъ, и потому уже опредѣляемъ великое, изящное, истинное, хорошее; потому уже располагаемъ свои понятія, любимъ ихъ, удивляемся имъ, и съ негодованіемъ отвергаемъ все, что имъ противится. Чувство гордости есть моральное орудіе, которымъ измѣряемъ мнѣнія другихъ людей, ихъ дѣйствія, ихъ добродѣтели. Если бы отъ насъ зависѣло, мы охотно послѣдовали бы примѣру жестокаго тирана, изобрѣвшаго машину, на которой онъ мучилъ несчастныхъ жертвъ безумной своей ярости, отсѣкая у нихъ члены, или вытягивая ихъ, смотря по соразмѣрности ихъ роста съ орудіемъ казни (*).

(*) Кажется, Авторъ здѣсь разумѣетъ Прокруста, котораго Овидій называетъ сыномъ Полипемона. Павзаній того и другаго почитаетъ за одного человѣка; имя Полипемонъ составлено изъ πολὺ много и

Что сказали мы о классахъ людей, составляющихъ общество, то же можно сказать и о цѣлыхъ націяхъ. Отъ Китайцевъ, хотя не перваго, по крайней мѣрѣ многочисленнѣйшаго изъ всѣхъ народовъ, до двухъ или трехъ сотъ бродящихъ жителей какого нибудь дикаго острова, всѣ націи имѣютъ свою гордость, и исключительно приписываютъ себѣ однимъ качества, отличающія ихъ отъ всѣхъ народовъ на свѣтѣ. Китаецъ, затвердившій, что земля четвероугольна, и что онъ занимаетъ самое средоточіе, почитаетъ всѣ другія націи варварскими. Аравитянинъ, будучи увѣренъ, что Калифъ его безгрѣшенъ, смѣется надъ простодушнымъ Тапариномъ, которой не сомнѣвается въ безсмертіи сво-

---

тѣмъ лагуба, бѣдствіе, а Прокрустъ происходитъ отъ *τροκρόειν вытягивать*, потому что онъ гостей своихъ и захваченныхъ путешественниковъ клалъ на извѣстныхъ ложахъ, и мучительски вытягивалъ тѣла несчастныхъ, если они были короче, нежели ложе; въ противномъ случаѣ отсѣкалъ имъ ноги. Тезей самаго его замучилъ такою же казнію. Это описано въ VII й книгѣ Овидіевыхъ превращеній. Другіе Писатели упоминаютъ, что сей разбойникъ собственно назывался Дамастомъ. *Изд.*

его Ламы. Бойонъ, преклоняющій колѣна передъ кустомъ дерева и повергающійся на землю передъ корнемъ, каждой день видитъ возрастающее число предметовъ своего богопочитанія, и искренно жалѣетъ о тѣхъ, по его мнѣнію, несчастныхъ, которые покланяются только одному Богу.

У дикаго спросили земляки его, что за народъ *Французы*, о которыхъ они столь много наслышаны? „Они точно такіе люди, какъ я;“ отвѣчалъ дикой, думая, что сказалъ великую похвалу нашей націи.

Баснописцы Индійскіе, которыхъ сочиненія, какъ извѣстно, по большой части наполнены пріятною моралью, упоминаютъ, что на ихъ Океанѣ находится островъ, населенный — уродами. Одинъ путешественникъ молодой, красивой, и статной, посѣтилъ сей островъ: народъ толпился около его и съ любопытствомъ разсматривалъ человѣка, имѣющаго такой *странной* видъ. По счастію, нашелся между ними одинъ Ученый, которой — увѣривъ земляковъ своихъ, что родиться безъ горба не есть невозможность, просилъ ихъ пощадить сего несчастнаго, доказывая, что не должно обижать людей созданныхъ безобразными, но надлежитъ благодарить Бога за то, что ода-

рилъ ихъ такимъ стройнымъ тѣломъ и приятностью.

На берегу Миссуры начальникъ одной бродящей орды каждое утро выходитъ изъ шалаша своего, и указавъ солнцу дневной путь его, при самомъ появленіи сего свѣтила, восклицаетъ: *стулай!*

Такимъ образомъ каждой народъ предпочитаетъ свои обыкновенія, свое правленіе, свои нравы, свои законы, обыкновенію, правленію, нравамъ и законамъ своихъ сосѣдовъ. Гюй-Папенъ называлъ Англичанъ прожорливыми волками, но Аддингтонъ былъ его вѣжливѣе, сказавъ только, что мы похожи на обезьянъ.

Народная гордость смѣшна въ глазахъ Философа, если она основана на однихъ только ребяческихъ предразсудкахъ; но перестаетъ быть такою, когда другими побудительными причинами управляется. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ, Политикъ можетъ найти въ семъ чувствѣ народномъ важную для себя пользу.

Въ самомъ дѣлѣ, гордость не всегда есть порокъ. Будучи способною существовать подъ разными измѣненіями, подъ разными видами, она дѣлается зерномъ великихъ дѣяній, когда бываетъ обязана началомъ своимъ увѣренности въ собственномъ достоинствѣ. Хотите ли испытать,

справедлива или ложна гордость, владѣющая вашею душею? Примѣчайте, какое впечатлѣнїе дѣлаютъ въ васъ дарованїя и достоинства другихъ людей. Кто желаетъ *только* сравниться съ соперникомъ, или превзойти его, кто плачетъ надъ его гробомъ; тотъ одушевленъ гордостїю справедливою, благородною, или лучше, ревнованїемъ.

Греки отличались гордостїю благородною; она была источникомъ дѣянїй, предавшихъ безсмертїю имя сего славнаго народа. По окончанїи сраженїй, выставляли предъ народомъ кости воиновъ, пожертвовавшихъ жизнїю для блага отечества; ихъ покрывали цвѣтами; произносили похвальныя слова симъ жертвамъ незабвеннымъ: простой воинъ и начальникъ получали одинакїя почести. Въ Грецїи умѣли питать полезныя страсти. Надобно ли вдохнуть ужасъ къ тиранниї и признательность къ защитникамъ отечества — выставляютъ на площади статуи Гармодїя и Аристогитона. Нужно ли подкрѣпить ослабѣвшую вѣру — уродуютъ статуи боговъ.

Древнїе имѣли искуство поддерживать спасительную гордость народную памятниками, трїумфами, похвальными словами, мудрыми узаконенїями. Ничего не было

опущено, что могло споспѣшествовать къ возбужденію сего чувства во всѣхъ гражданахъ. Изъ числа новѣйшихъ націй, одни Англичане питаютъ народную гордость, даже съ нарушеніемъ законовъ справедливости. Они поселяютъ въ народѣ странные и смѣшные предразсудки, но полезные по своей цѣли. Отъ того происходитъ, что Англичане о всѣхъ другихъ націяхъ отзываются съ пренебреженіемъ.

Во время революцій иногда сверькаютъ великія мысли; имъ удивляются съ жаромъ, но скоро опять забываютъ о нихъ. Одна изъ такихъ мыслей была — помѣщать въ Панеонѣ тѣла людей великихъ. Но кого одни почитаютъ великими, о тѣхъ другіе вовсе не думаютъ; по сей причинѣ скоро перестали говорить о Панеонѣ; впрочемъ это заслуживаетъ быть обдуманнымъ, а особливо при нынѣшнемъ состояніи умовъ и мнѣній. Англичане уже давно имѣютъ свой Панеонъ. Прахъ Попе, славнаго Поэта, покоится въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ подлѣ Королей и Министровъ; Пѣснопѣвецъ лежитъ наряду съ Героями.

Другое учрежденіе, учрежденіе великое и прекрасное, ежегодно выставлять въ Луврскомъ Дворцѣ предметы народной промышленности остается въ своей силѣ.

Сравнивая нынѣшнее время съ прежнимъ, не льзя не удивляться быстрымъ успѣхамъ нашихъ Художниковъ; не сомнѣваюсь, что вся мысль будетъ источникомъ народнаго благоденствія. Ревнованіе одушевитъ Артистовъ; каждой изъ нихъ въ теченіе года станетъ заниматься усовершенствованіемъ своего художества, будетъ стараться сдѣлаться извѣстнымъ посредствомъ какого нибудь новаго изобрѣтенія, будетъ стараться произвести что нибудь образцовое и заслужить общую похвалу и благодарность.

Изъ всего мною сказаннаго необходимо слѣдуетъ важная истина; соглашаюсь, что она не новая, однакожъ не почитаю ненужными доказательствъ, снова приведенныхъ мною въ ея пользу: слѣдуетъ, говорю, важная истина, что Законодатель народную гордость можетъ употребить съ великою пользою, и сдѣлать добро изъ такой вещи, которую Философъ и Моралистъ считаютъ порокомъ, слѣдовательно зломъ.

(*Изъ Декады.*)

IV.

Къ Юліи.

Пускай мущина покосится
За то, что Истинѣ святой
Рукою смѣлой воскурится
Чистѣйшій ѳиміамъ. . . . Одной
Своей онъ требуетъ богинѣ
Всѣхъ жертвъ на свѣтѣ, олтарей. . .
„Богинѣ щастія? судьбинѣ?“
Нѣтъ, гордости. . . онъ служитъ ей!
Но, Юлія! тебѣль сердиться,
На то, что всякой часъ душой
Желаю къ Истинѣ стремиться?
Я нахожу въ ней образъ твой:
Она, какъ ты, мила, прелестна,
И можетъ ли иною быть,
Когда богамъ она любезна? . . .
„Я женщина — и такъ дѣлить
Вниманья смертныхъ не согласна
Вовѣкъ съ соперницей моей;
И если Истина прекрасна,
Клянуся не встрѣчаться съ ней“ —
Въ глазахъ у Юліи читаю
Моей богинѣ приговоръ;
Въ безмолвной горести вздыхаю
И потупляю томный взоръ! . . .

К. Ш — въ.

V.

Смѣсь.

Науки и Художества въ Высочайшей Особѣ нашего вселюбезнѣйшаго МОНАРХА имѣютъ такого дѣятельнаго Покровителя, Которой не почитаетъ чрезмѣрными никакихъ издержекъ, для разпространенія оныхъ и для возведенія на верхъ цвѣтущаго состоянія. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, обративъ вниманіе на рѣдкое, можетъ быть единственное, собраніе извѣстныхъ рукописей Г-на Дубровскаго, соизволилъ взять оное въ Свою Библіотеку, приказавъ выдать Собирателю 15000 рублей за рукописи и пятилѣтнее жалованье со дня увольненія отъ службы; сверхъ того пожаловалъ его чиномъ Надворнаго Совѣтника, назначилъ Надзирателемъ надъ всѣми манускриптами, въ большой ИМПЕРАТОРСКОЙ Библіотекѣ находящимися, и повелѣлъ производить ему кромѣ жалованья ежегодной пансіонъ.

❋

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ купить большой механической оркестръ Г-на Штрассера, доставшійся, какъ извѣстно, вдовѣ Пастора Гергольда. Сей оркестръ, находящійся теперь въ Эрми-

тажѣ, назначенъ — такъ написано въ одномъ С. Петербургскомъ Журналѣ — въ подарокъ Китайскому Императору, къ которому въ скоромъ времени отправится важное Россійское Посольство. Г. Штрассеръ, сынъ Художника, будетъ находиться въ свитѣ Посольства, для устроенія оркестра и для показанія Китайцамъ, какимъ образомъ надобно смотрѣть за нимъ.

*

Оставшіяся послѣ смерти Неккера сочиненія нынѣ вышли въ свѣтъ подъ титуломъ: *Рукописи Г. Неккера, изданныя его дочерью.* Г-жа Сталь хвалитъ (вѣроятно въ предисловіи) отца своего съ такимъ жаромъ, что читателю не льзя удержаться отъ смѣха; всего забавнѣе помѣщенный въ сочиненіяхъ славнаго Генералъ-Казначея, имъ самимъ написанный романъ, въ которомъ виденъ талантъ Автора очень посредственный. Весьма необыкновенными покажутся слѣдующія слова Г-жи Сталь: „Разговаривая съ моимъ родителемъ, часто въ умиленіи сердца я мысленно переносилась къ тому времени, когда онъ былъ *молодъ и любезенъ*, къ тому времени, когда я охотно бы желала носить на себѣ имя его супруги, если бы лѣта наши были ровныя.“ Какъ нелѣ-

тымъ быть можетъ *чистосердечіе* ученой женщины! Дочь съ умиленіемъ думаетъ о томъ, что она охотно *вышла бы за-мужъ за отца своего!* Это одной только *благонравной* Француженкѣ сказать прилично!

*

Г. Рихтеръ, Издатель Нѣмецкаго Журнала, подъ названіемъ: Russische Miszellen, въ которомъ были помѣщаемы переводимыя съ Россійскаго языка сочиненія, предпринимаетъ путешествіе въ Швейцарію, Италію, Францію и Англію. Богатыя пріобрѣтенія, которыхъ надобно ожидать отъ дарованій и наблюденій сего почтеннаго Писателя, будутъ въ отрывкахъ помѣщаемы въ Сѣверномъ Архивѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ. Г. Рихтеръ намѣренъ, окончивъ путешествіе, возвратиться въ Москву, и приведя въ порядокъ свои бумаги, издать ихъ въ свѣтъ.

*

Недавно прибылъ въ С. Петербургъ Г. Профессоръ Реманнъ, ученикъ славнаго Галя; сказываютъ, что онъ будетъ преподавать публичныя лекціи о черепахъ.

*

Изъ таблицъ, сочиненныхъ Господиномъ Министромъ Коммерціи, Графомъ Румянцовымъ, видно, что въ 1805мъ году

ввезено въ Имперію Россійскую разныхъ заграничныхъ товаровъ:

водою — — на 34,595250 руб.
сухимъ путемъ — 21,164425 —

И того на 55,557675 —

Вывезено изъ Россіи за границу:

водою — — на 59,307444 руб.
сухимъ путемъ — 7,841199 —

И того на 67,148543. —

Сверхъ того, изъ ввезенныхъ товаровъ обратно отправлено за границу на 6,652060 руб., слѣдственно Россійская заграничная торговля получила выигрышу въ 1803 мъ году 18,225028 рубл.

*

Въ *Опытѣ объ искуствѣ сообщать мысли свои послѣшнымъ и скрытнымъ образомъ*, объяснено начало знаковъ телеграфическихъ, и сдѣланы многія замѣчанія, достойныя любопытства. — Авторъ *Опыта*, Г. Эджеворъ, полагаетъ, что искусство, сообщать мысли посредствомъ звука и знаковъ телеграфическихъ, извѣстно было въ самой глубокой древности. Тезей пользовался имъ въ Аргонавтскомъ походѣ; Агамемнонъ — при осадѣ Трои, Мардоній — во времена Ксерксова нашествія на Грецію.

Телеграфія Тамерланова была весьма понятна. Осаждая городъ, онъ употреблялъ три знака. Въ первой день приказывалъ ставить бѣлое знамя, означавшее, что побѣдитель помилуетъ осажденныхъ, если они немедленно сдадутся. Во второй день развѣвалось красное знамя; это показывало, что побѣдитель требуетъ крови, и что начальникъ города и знатнѣйшіе чиновники жизнію своею должны заплатить за безразсудное сопротивленіе. Въ третій день выставляемо было знамя черное, означавшее, что городъ неминуемо будетъ разрушенъ, а жители умерщвлены всѣ безъ изъятія, чѣмъ бы осада ни кончилась, покореніемъ или сдачею добровольною. — Мавры въ Испаніи строили на горахъ высокія башни, чтобы имѣть безпрерывное сообщеніе днемъ посредствомъ дыма, а ночью посредствомъ огненнаго свѣта. Въ сочиненіяхъ Эсхила упоминается о трубѣ, которою были сообщаемы всему войску повелѣнія начальника. Славная труба Александрова подавала голосъ на сто стадій. Фонтенель полагаетъ, что жрецы Дельфійскаго и другихъ Оракуловъ знаменитѣйшихъ получали нужныя увѣдомленія посредствомъ знаковъ телеграфическихъ. Изъ всѣхъ народовъ, которымъ извѣстно было употреб-

ленїе сего искуства, Римляне наиболѣе имъ пользовались. Разположась на какомъ нибудь мѣстѣ, они тотчасъ старались учредить способы ко взаимному сообщенїю, и такимъ образомъ удержать при себѣ владычество надъ побѣжденными народами; рыли дороги, выбирали мѣста для наблюденїй и строили для сего разныя зданїя, которыхъ остатки нынѣ свидѣтельствуютъ о прежнемъ ихъ великолѣпїи. Высокїя башни Узесскїя, Беллегардскїя, Арльскїя и Нимскїя назначены были для Римскихъ стражей, которые посредствомъ знаковъ имѣли между собою сообщенїе и съ удивительною скоростїю передавали извѣстїя. Такимъ образомъ искуство соединило то, что раздѣлила сама Натура; такимъ образомъ Сирїя и Египетъ, Антїохїя и Александрїя, безчисленное множество городовъ Италїи, Галлїи, Грецїи, Испанїи, Африки и Азїи, были соединены между собою.

*

Теофрастъ Ренодо, Парижскїй Врачь, отовсюду собиралъ извѣстїя, чтобы забавлять ими больныхъ своихъ, и тѣмъ прославился. Но какъ въ городѣ не всѣ больны, или по крайней мѣрѣ не всѣ почитаютъ себя больными; то Ренодо, спустя

нѣсколько лѣтъ, разчелъ, что можетъ получать болѣе дохода отъ любопытства жителей, нежели отъ ихъ болѣзней. Онъ вздумалъ выдавать въ публику извѣстія, которыя прежде собиралъ въ разныхъ домахъ, и получилъ на то привиллегію въ 1632 мъ году. Тогда уже извѣстны были въ Венеціи подобные же листки, называемые *Газетты*, по имени небольшой монеты, которую платить надлежало за прочтеніе оныхъ. Вотъ названіе и произхожденіе нашихъ газетъ!

(*Изъ Сѣв. Пчел.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Предложеніе о мирѣ, сдѣланное непосредственно отъ Г-на Бонапарте, и отвѣтъ Англійскаго правительства.

Наполеонъ Бонапарте, въ началѣ 1797го года продравшись во внутренность Австрійской Монархіи и приближась къ самой столицѣ, оставя обыкновенныя формы дипломатическія, отнесся прямо къ Главнокомандующему Эрцгерцогу Карлу. Въ письмѣ, которое послано было къ сему Принцу 31го Марта, заключались мирныя предложенія слѣдующаго содержанія: „Храбрые солдаты ведутъ войну, но желаютъ мира. Не шесть ли уже лѣтъ продолжается война между нами? развѣ еще мало мы умертвили людей? развѣ мало надѣлали зла страждущему человѣчеству? Слава имени вашего гремитъ вездѣ. Европа уже положила оружіе, которое поднимала противъ Французской Республики. Одна только ваша нація держитъ его въ рукахъ своихъ, и кровь льется гораздо обильнѣе, нежели прежде.

Не ужели нѣтъ намъ никакой надежды къ примиренїю? Вы, по роду своему столь близкїе къ престолу, вы, неодержимые страстьми, которыя часто управляютъ Министрами и правительствами, хотите ли заслужить имя благодѣтеля всего человѣчества и избавителя Германїи? Не думайте, чтобы я имѣлъ намѣренїе чрезъ то сказать, будто вамъ невозможно спасти Германїю силою оружїя; положимъ, что счастїе будетъ благосклонно къ вамъ въ сраженїяхъ, но тѣмъ не меньше Германїя потерпитъ опустошенїе. Что до меня касается, если симъ объявленїемъ, которое нынѣ честь имѣю дѣлать вамъ, спасу жизнь хоть одного человѣка, то заслуженнымъ вѣнцемъ гражданскимъ буду гордиться болѣе, нежели печальною славою, произходящею отъ военнаго счастїя."

Письмо сїе имѣло важныя слѣдствїя. Эрцгерцогъ Карлъ отвѣчалъ, что онъ весьма желаетъ мира, но не имѣетъ полномочїя вступать въ переговоры. Скоро потомъ, 7го Апрѣля, заключено перемирїе, и начаты переговоры, которыхъ слѣдствїемъ были предварительныя мирныя статьи, подписанныя въ Леобенѣ 18го Апрѣля 1797го года.

Наполеонъ Бонапарте, ухвативъ сильною рукою брозды правленїя Французской

Республики и сдѣлавшись главою потрясеннаго, новоустроеннаго Государства, равнымъ образомъ отнесся непосредственно къ Королю Великобриттанскому съ мирными предложеніями. „Бывъ призванъ желаніемъ Французскаго народа къ принятію верховной власти,“ такъ писалъ онъ къ Георгу III 26го Декабря 1798го года: „Тайнымъ считаю немедленно по вступленіи въ отправленіе новой должности, непосредственно сообщить о томъ Вашему Величеству. Не уже ли вѣчно будетъ продолжаться война, восемь лѣтъ опустошающая всѣ четыре части свѣта? Не уже ли нѣтъ никакого средства взаимно изъясниться? Надобно ли, чтобы двѣ просвѣщеннѣйшія въ Европѣ націи — сильнѣйшія и могущественнѣйшія, нежели сколько нужно имъ быть такими для собственнаго спокойствія и независимости — выгодами торговли, внутреннимъ благосостояніемъ и счастіемъ семейственнымъ жертвовали понятіямъ о суетномъ величіи! Для чего онѣ не видятъ, что миръ есть главная потребность и путь къ надежнѣйшей славѣ? Такія чувствованія, безъ сомнѣнія, не чужды сердцу Вашего Величества, ибо Вы управляете націею свободною, имѣя единственною цѣлію счастіе подданныхъ. Ваше Величество въ семъ отп-

крытіи ничего другаго не увидите, кромѣ искренняго моего желанія во второй разъ настоятельно споспѣшествовать всеобщему примиренію скорымъ предложеніемъ, исполненнымъ довѣренности и не стѣсненнымъ безполезными формами, которыя нужны бываютъ, можетъ быть, только для прикрытія зависимости слабыхъ Государствъ, а между сильнѣйшими служатъ обличительными доказательствами взаимныхъ обмановъ. Франція и Англія, во зло употребляя силы свои, къ несчастію всѣхъ народовъ, еще долго могутъ истощать оныя; однакожъ осмѣливаюсь сказать, что судьба всѣхъ просвѣщенныхъ націй сопряжена съ прекращеніемъ войны, цѣлой свѣтъ разоряющей."

Сіе столь желанное прекращеніе войны не было слѣдствіемъ письма Наполеонова. Георгъ III повелѣлъ Лорду Гренвилю отвѣчать, что Онъ не находитъ никакой надобности отступать отъ формъ, употребляемыхъ при сношеніяхъ съ чужестранными Государствами; оффиціальной отвѣтъ, посланный отъ Министерства именемъ Королевскимъ, разрушилъ всю надежду къ миру.

Спустя пять лѣтъ и нѣсколько дней послѣ безплоднаго предложенія, и мѣсяцъ послѣ коронаціи своей, во 2й день Генва-

ря нынѣшняго года Наполеонъ опять непосредственно отнесся къ Георгу III о заключенiи мира.

„Господинъ мой братецъ (Monsieur mon frere)!“ такъ писалъ онъ къ Королю Великобританiи: „будучи воззванъ на престолъ Францiи Провидѣнiемъ, волею народа и войска, самое первое чувство ощущаю — желанiе мира. Францiя и Англiя благоденствуютъ; онѣ могутъ сражаться цѣлые вѣки; но ихъ правительства исполняютъ ли священнѣйшiя свои обязанности? не угрызаетъ ли ихъ совѣсть за пролитiе такого множества крови, не имѣя въ виду никакой пользы, никакой цѣли? Не почитаю за стыдъ вызываться съ предложенiями о мирѣ; кажется, я довольно доказалъ свѣту, что не боюсь перемѣннаго счастiя войны; впрочемъ война не показываетъ еще мнѣ ничего такого, что было бы для меня страшнымъ. Сердце мое желаетъ мира, но война никогда не противилась моей славѣ. Заклинаю Ваше Величество не отрицаться отъ счастiя даровать миръ свѣту; не оставляйте дѣтямъ вашимъ столь прiятнаго удовольствiя; никогда еще не было такого прекраснаго случая, ниже времени столь удобнаго, для того, чтобы заставить молчать страсти и слушать единственно внушенiя разсудка и человѣ-

чества. По потерянїи сего времени, когда будетъ конецъ такой войнѣ, которой не могъ я прекратить при всѣхъ своихъ усилїяхъ? Ваше Величество въ продолженїе десяти лѣтъ прїобрѣли областей и сокровищъ болѣе, нежели сколько вмѣщаетъ въ себѣ вся Европа; ваша нацїя находится на высочайшей степени благоденствїя. Чего Вамъ отъ войны надѣяться? Союза между Державами твердой земли? Но твердая земля будетъ спокойна; союзъ еще болѣе увеличилъ бы перевѣсъ Францїи и ея силы. Возобновить внутреннїя смятенїя? Но времена перемѣнились. Разстроить наши финансы? Но финансы, основанные на прочномъ земледѣлїи, не подвержены разстройкѣ. Отнять у Францїи ея колонїи? Но колонїи для Францїи не составляютъ важнаго предмета, а Ваше Величество имѣете ихъ у себя болѣе, нежели сколько сберечь можете. Если Вашему Величеству будетъ угодно самимъ подумать о томъ, то увидите, что война не имѣетъ никакой цѣли и не можетъ имѣть чаятельнаго послѣдствїя: какой печальной видъ въ будущемъ — заставлять людей драться для того только, чтобъ они дрались! Свѣтъ довольно обширенъ для того, чтобъ обѣ наши нацїи могли въ немъ ужиться, а разумъ довольно

имѣетъ силы; чтобы сыскать средства къ примиренію, если только будетъ съ обѣихъ сторонъ на то согласіе. Какъ бы то ни было, я исполнилъ должность святую, драгоцѣнную для моего сердца. Повѣрьте, Ваше Величество, искренности чувствованій, здѣсь изображенныхъ, и моему желанію представить вамъ на то доказательства" и проч.

Георгъ III поступилъ опять такъ же, какъ за пять лѣтъ передъ симъ. На мирныя предложенія Г-на Бонапарте отвѣчалъ Статсъ-Секретарь внѣшнихъ дѣлъ Лордъ Мюльгравъ въ письмѣ, отъ 14го Генваря къ Оберъ-Каммергеру и Министру внѣшнихъ дѣлъ Г-ну Талейрану писанномъ. Вотъ его содержаніе:

„Его Величество получилъ письмо отъ начальника Французскаго Правительства, писанное во 9й день нынѣшняго мѣсяца: ничѣмъ столько Его Величество не занимается, какъ желаніемъ воспользоваться первымъ случаемъ снова доставить подданнымъ своимъ выгоды мира, на такихъ основаніяхъ, которыя соотвѣтствовали бы прочной безопасности и существеннымъ пользамъ Его владѣній. Его Величество увѣренъ, что до сей цѣли можно достигнуть посредствомъ такихъ только распоряженій, которыя въ то же время ру-

чались бы за будущее спокойствіе и за безопасность всей Европы, и предупредили бы возобновленіе бѣдствій и несчастія, отъ которыхъ она теперь изнемогаетъ. Сообразно съ сими чувствами Его Величество знаетъ, что Ему не возможно съ большими подробностями отвѣтствовать на сдѣланное предложеніе до тѣхъ поръ, пока не снесется съ Державами твердой земли, съ которыми Онъ находится въ союзѣ, а особливо съ ИМПЕРАТОРОМЪ Всероссійскимъ, изъявившимъ сильнѣйшіе доводы мудрости, благородныхъ чувствованій, ЕГО одушевляющихъ, и живаго участія, пріемлемаго ИМЪ въ безопасности и независимости Европы."

Хотя сей отвѣтъ Англійскаго правительства на мирныя предложенія со стороны Франціи ничего рѣшительно непріятельскаго въ себѣ не содержитъ, какъ было за пять лѣтъ прежде, когда Лордъ Гренвиль требовалъ, чтобы Престолъ отданъ былъ Бурбонамъ; однакожъ имъ уничтожается вся надежда къ возстановленію общаго спокойствія въ Европѣ. Политическія причины весьма понятны, для чего Георгъ III самъ не отвѣчалъ Наполеону: Король Англійскій, не признавши начальника Франціи въ новомъ его достоинствѣ, не могъ назвать его Императоромъ и *братомъ*; какое жъ другое дать наименованіе

Наполеону, когда во Франціи уже не называютъ его первымъ Консуломъ? Но что Кабинетъ Лондонской, не зная ни намѣреній, ни условій непріятеля, желающаго примириться, отвергнулъ его предложенія, это показываетъ его не любовь къ миру, и сдѣлано сообразно съ вышедшимъ недавно въ Лондонѣ сочиненіемъ, которое обратило на себя вниманіе публики, и въ которомъ доказывается, что Великобританія отъ войны счастливѣе и богаче, нежели отъ мира, и что для удержанія въ рукахъ своихъ всемірной торговли ей надлежитъ вести вѣчную войну. Однакожъ, что потеряла бы Англія, если бы выслушала обстоятельнѣйшія предложенія отъ Кабинета Тюйльерійскаго, и какъ можно ей было, не зная, въ чемъ состоятъ мирныя условія, сноситься съ союзниками и ожидать отъ того какихъ-либо слѣдствій?

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

II.

Выписка изъ Англійскихъ Вѣдомостей.

Министры Г-на Бонапарте, Президенты собраній, которыя называются въ Парижѣ *законными властями*, кричатъ, что Фран-

дія наслаждается безпримѣрнымъ благоденствіемъ; что тишина и спокойствіе господствуютъ въ Имперіи, и что всѣ налоги платятся съ исправностію, даже съ готовностію, съ ревностію. — Легко можетъ статься, что сіи увѣренія сдѣлаютъ впечатлѣніе въ читателяхъ недальновидныхъ, а особливо въ тѣхъ, которые почитаютъ за грѣхъ сомнѣваться, что революція уже окончана, и что Бонапарте дѣйствительно положилъ начало четвертой династіи во Франціи. Должность обязываетъ Писателей, защищающихъ справедливость законныхъ правительствъ, препятствовать разпространенію ложныхъ мнѣній. Намъ кажется, что лучшій способъ отвѣчать на выдумки Французскаго правительства есть — сличить акты его съ разглашаемыми *истинами*.

Извѣстно, что во Франціи существуетъ корпусъ жандармовъ, сначала состоявшій изъ шестнадцати тысячь человѣкъ; теперь онъ умноженъ до тридцати тысячь. Цѣль учрежденія сего корпуса есть — имѣть наблюденіе надъ общественнымъ спокойствіемъ, надъ безопасностію большихъ дорогъ, надъ исполненіемъ закона о рекрутскомъ наборѣ и надъ собираніемъ податей, когда встрѣтится препятствіе со стороны жителей.

Но если подати платятся безъ принужденія, если большія дороги безопасны, если ничто не угрожаетъ общественному спокойствію, если рекруты охотно летятъ подъ военныя знамена, словомъ: если Франція избавилась отъ революцій; то нужно ли содержать тридцати-тысячную армію для *сохраненія* общественнаго спокойствія, для отводу рекрутъ и для собиранія податей? Всѣ знаютъ, что при Королахъ четырехъ-тысячной объѣздной комманды было довольно для сохраненія общественнаго спокойствія во Франціи. Это сравненіе удовлетворительно для безпристрастнаго наблюдателя; но есть люди упорные, которые во снѣ и наяву видятъ, или имъ кажется, будто видятъ порядочное правительство въ безобразной смѣси политическихъ учрежденій во Франціи, и начальника такого правительства почитаютъ *великимъ человѣкомъ*. Его обожатели никакъ не удостовѣряются ясностію умственныхъ доводовъ; имъ непремѣнно надобно доказывать самыми произшествіями. И такъ просимъ сихъ господъ прославляемое Наполеоновыми Министрами спокойство и благоденствіе Франціи согласить съ угрозами, къ которымъ Г. Бонапарте обыкновенно прибѣгаетъ, чтобъ достать людей для войска, чтобы заставить платить

подати и чтобы удержать въ повиновенїи Французовъ.

Изъ помѣщенной въ Мониторѣ, говоренной Государственнымъ Совѣтникомъ Г. Биго Пременё въ 28й день Генваря въ собранїи Законодательнаго Корпуса, рѣчи о новыхъ постановленїяхъ ясно можно видѣть, что „*во многихъ частяхъ Имперїи* народъ явно противится янычарамъ Деспота, и что не рѣдко бьетъ ихъ безъ милосердїя.“ — Однакожъ намъ не перестаютъ твердить, что Имперїя уже основана; что все приведено къ окончанїю; что Францїя никогда еще не наслаждалась благоденствїемъ, подобнымъ нынѣшнему; что въ семъ Государствѣ господствуетъ совершенная тишина и спокойствїе, и проч. и проч. Кто позавидуетъ благоденствїю и тишинѣ страны, управляемой военными коммисїями!

III.

Письмо Русскаго изъ Берлина.

Я нѣсколько разъ видалъ въ Берлинѣ строй воинскїй, однакожъ ничего не могу сказать о прїемахъ и оборотахъ солдатъ Прусскихъ. Увѣряютъ, что они отли-

чаются на плацъ-парадахъ и на смотрахъ. Въ самомъ дѣлѣ Прусская конница спомнитъ, чтобы посмотрѣть на нее; но пѣхота по наружности ничего не обѣщаетъ. Прусаки стрѣляютъ скорѣе Русскихъ, потому что не сыплютъ пороху на полку; за то работать штыкомъ — наше дѣло. Давно уже мы умѣемъ владѣть имъ, а это гораздо лучше скораго стрѣлянья, что доказываетъ новая Тактика Французская.

„Да!“ сказалъ мнѣ въ разговорѣ одинъ Прусской Офицеръ: „ваши войска *счастливо* употребляли этотъ манёвръ противъ Турковъ и Поляковъ; однакожъ нашъ Великій Фридрихъ говаривалъ, что толпа *одноокихъ* легко одолѣетъ толпу *слѣпыхъ*.“ — Но развѣ сіи слѣпые не были ужасомъ Европы? Что сдѣлали имъ Австрійцы въ прошедшую войну Турецкую? кто унизилъ ихъ гордость? кто превратилъ ихъ въ робкихъ зайцовъ? Развѣ Поляки не страшали *зрячихъ* Тактиковъ? Кто смирилъ мятежную Польшу? кто остановилъ быстрое стремленіе Французскаго войска въ Италіи? Кто? Учители Тактики, или *одноокіе* счастливцы? Пускай себѣ мои одноземцы и не умѣютъ дѣлать на плацъ-парадѣ того, чего хотятъ отъ нихъ велемудрые знатоки въ Тактикѣ; но

уже сто лѣтъ, какъ они доказываютъ на поляхъ ратныхъ, что военные манёвры весьма извѣстны имъ.

Прусскіе Патріоты имѣютъ чрезвычайно высокое мнѣніе о своей арміи. Правда, они тихонько признаются сами, что „духъ Фридерика II *отступилъ* отъ нихъ;“ жалуются, что „Прусскія войска, сражаясь противъ Французовъ, даже противъ Костюшки, не довольно оказали *усилій*, которыми въ семилѣтнюю войну цѣлой свѣтъ удивляли;“ не смотря на то — говорятъ съ пренебреженіемъ о всѣхъ войскахъ Европы. Росбахъ, старинный тріумфъ ихъ, давно уже забытъ; теперь они почитаютъ Французовъ не болѣе, какъ за отважныхъ головорѣзовъ, которыхъ конечно умѣли бы проучить по-своему, если бъ только захотѣли *не шутя* сражаться. Русскихъ называютъ они счастливыми игроками.

Я согласенъ, что такая увѣренность въ собственномъ достоинствѣ хороша для войска; однакожъ она смѣшна, когда ретирады и другія произшествія противорѣчатъ хвастовству; когда неудачной походъ противъ Франціи извиняютъ тѣмъ, что Прусаки *шутя* сражались, что политическая ошибка тому виною, и проч. Но въ послѣднюю Польскую войну они конечно *не шутили*, ибо пламя мятежа разливалось

передъ ихъ глазами; между тѣмъ всѣ знаютъ, какъ Прусаки дѣйствовали.

Когда Фридрихъ Вильгельмъ Вторый съ войскомъ своимъ безъ лавровъ отступалъ отъ Варшавы, Русскіе разбили Костюшку. Король не много потерялъ людей на одномъ сраженіи; однакожъ въ нѣсколько недѣль онъ лишился не менѣе, сколько Суворовъ въ одинъ день — но въ этотъ день покорена Прага и кончена война. Кто знаетъ, что сдѣлалось бы съ восточною Европою безъ Суворова и безъ Ферзена?

Прусскіе Офицеры говорятъ, что они берегли людей. — Но Прусаки, еслибъ только захотѣли быть справедливыми, сами признались бы, что война, въ продолженіе которой они ничего не дѣлали, имъ столько же стоила, сколько намъ. Наши солдаты геройски умирали на приступахъ съ оружіемъ въ рукахъ, а Прусаки встрѣчали смерть — въ лазаретахъ.

Здѣсь говорятъ, что наши легкія войска, Козаки и Калмыки въ семилѣтнюю войну сдѣлали многія разоренія въ Пруссіи и Брандебургіи. Изъ того заключаютъ, что Россіяне жгутъ, рубятъ, грабятъ, разхищаютъ и ведутъ войну, не уважая народнаго права."

„Мы воюемъ *человѣколюбивѣе!*" кричатъ всѣ народы Европы: — и города ды-

мятся изъ-подъ пепла. „Мы благоговѣемъ предъ святостїю права народнаго!“ вопїютъ Французы изъ-за Рейна: — и правой берегъ рѣки сей покрытъ развалинами; и въ мирное время изъ чужой области насильно увлекается Дюкъ Энгїенскїй. „Мы чтимъ право народное!“ взываютъ Бриттанцы изъ своего острова: — и выдумаютъ средства выморить голодомъ всю Францїю; а начальника нацїи злодѣйски лишитъ жизни. „Мы уважаемъ право народное!“ гласятъ народы Германїи: — и сильнѣйшїе присвоиваютъ владѣнїя слабыхъ; и союзники остаются безъ защиты; и убїйцы умерщвляютъ Французскихъ Посланниковъ на границѣ.

„Народное право!“ — прекрасное слово, какихъ много насчитать можно; но и словомъ и тѣмъ, что оно означаетъ, играютъ по произволу. Въ самомъ дѣлѣ существуетъ ли такое право для народа? Кто узаконилъ, кто могъ узаконить его? кто бываетъ судьею, когда двѣ стороны враждуютъ? не каждая ли съ мечемъ въ рукѣ защищаетъ свое дѣло? Право сильнаго есть законъ народовъ, есть законъ, по видимому, вѣчной Натуры.

Здѣсь полки называются по именамъ своихъ Шефовъ; однакожъ, кажется мнѣ, гораздо было бы лучше, еслибъ они имѣли

непремѣнныя наименованія, какъ у насъ было прежде, и нынѣ опять введено въ употребленіе. Солдаты любятъ старинныя названія; здѣшнимъ Гекинскимъ гусарамъ пріятно слышать, когда называютъ ихъ по имени Цитена, прежняго Шефа.

Многіе полки Россійскіе гордятся старинными наименованіями. Изюмскіе легкоконцы (*) на примѣръ, Козловскіе мушкетеры и множество другихъ никогда еще не проигрывали сраженія, и твердо увѣрены, что никогда не проиграютъ его. Можетъ быть, и десятой части старыхъ солдатъ не осталось въ полкахъ, но духъ въ нихъ одинъ и тотъ же. „Побѣда или смерть!“ вотъ ихъ лозунгъ. Въ послѣднюю войну съ Поляками, въ Литвѣ во время одного сраженія Изюмской легкоконной полкъ занималъ лѣвое крыло. Поляки храбро оборонялись, находясь въ своихъ окопахъ. „Когда этому будетъ конецъ?“ говорили и повторяли нетерпѣливые герои: „еслибъ послали насъ, мы давнобъ уже рѣшили дѣло.“ Не много спустя, раздался крикъ: „Изюмцы впередъ!“ и храбрые Изюмцы полетѣли, закричали *ура*, ударили на непріятеля; все преклонилось

(*) Нынѣшніе гусары.

предъ побѣдоносными ихъ знаменами, и сраженіе выиграно.

Въ Пруссіи побѣги весьма обыкновенны. Я здѣсь часто приходилъ въ ужасъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Не должно удивляться такой слабости солдатъ Прусскихъ, потому что больше нежели третья часть войска состоитъ изъ чужестранцовъ, которыхъ уговариваютъ или принуждаютъ носить оружіе.

Остановясь въ одномъ маленькомъ городкѣ, въ южной Пруссіи, для починки повозки, я разговаривалъ на отечественномъ языкѣ съ своимъ извощикомъ; солдатъ, не далеко отъ насъ стоявшій, вмѣшался въ разговоръ, и я къ крайнему моему удивленію увидѣлъ, что онъ — Русской. Мнѣ захотѣлось узнать его приключенія. Онъ находился въ Италіянскомъ походѣ противъ Французовъ, былъ тяжело раненъ и взятъ непріятелемъ въ плѣнъ. На возвратномъ пути въ отечество, по полученіи свободы, голодъ и нужда заставили его вступить въ Прусскую службу и заключить договоръ на шесть лѣтъ. „Срокъ скоро выдетъ;“ говорилъ онъ со слезами на глазахъ: „слава милосердому Богу! срокъ скоро выдетъ. Мнѣ не въ чемъ упрекать себя; я не сдѣлалъ того, что другіе; однакожъ грѣхъ великой

лежитъ на душѣ моей!" — Какой грѣхъ? — Живучи здѣсь, я не могу по закону нашему православному молиться Богу какъ должно, и уже нѣсколько лѣтъ, равно какъ и прочїе мои собратїя, не удостоиваюсь причаститься Святыхъ Тайнъ."

Я старался, сколько могъ, успокоить его, и спросилъ, есть ли здѣсь еще кто нибудь изъ Русскихъ? „Есть;" отвѣчалъ онъ: „они стоятъ тамъ въ полкѣ, но не смѣютъ придти сюда. Намъ не позволяютъ даже говорить много между собою; мы терпимъ горькую участь. Другїе заслужили свое несчастїе тѣмъ, что оставили отечество и знамена, а я!.. Когда Богъ избавитъ насъ отъ этой муки, то уже вѣрно никто не захочетъ побывать здѣсь въ другой разъ. Многїе думаютъ, что въ Прусской службѣ рай; правда, здѣсь умѣютъ искусно заманивать въ свои сѣти. Ни одинъ изъ насъ не остался бы здѣсь ни минуты, если бъ это отъ насъ зависѣло. У насъ въ Россїи солдатъ не бываетъ голоденъ, а здѣсь трудно содержать себя дневнымъ жалованьемъ. Мы здѣсь чужїе, не знаемъ ни языка, ни обычаевъ Нѣмецкихъ. Прощайте, сударь! за нами примѣчаютъ." —

То же самое слышалъ я и отъ другихъ земляковъ своихъ, которыхъ находилъ въ городахъ Прусскихъ. И такъ мудрено ли,

если люди сіи всѣ способы употребляютъ, чтобъ избавиться отъ неволи? и какихъ выгодъ для себя можетъ ожидать Прусское Государство отъ сихъ недовольныхъ?

Я уже сказалъ, что въ Прусскомъ войскѣ находится болѣе нежели третья часть чужестранцовъ, набранныхъ во всѣхъ мѣстахъ Нѣмецкой Имперіи. Оно состоитъ по большей части изъ Нѣмцовъ, ибо число Французовъ и Русскихъ не велико; но всѣ вообще солдаты столько же довольны своимъ состояніемъ, сколько землякъ мой, котораго я видѣлъ въ Южной Пруссіи. Хотя въ мирное время сіи наемники, смѣшавшись съ природными Прусаками, составляютъ, такъ сказать, одно тѣло; но въ случаѣ войны они вовсе ни къ чему неспособны. Свобода занимаетъ всѣ мысли ихъ; опыты доказали, что сихъ людей содержатъ и берегутъ съ неусыпною осторожностію только для того, чтобъ имѣть неудовольствіе при первомъ случаѣ услышать объ ихъ побѣгѣ.

Немалую часть самихъ жителей Пруссіи (на примѣръ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ) должно полагать въ числѣ чужестранцовъ. Они языкомъ своимъ, нравами и обыкновеніями составляютъ народъ совершенно отличный отъ Нѣмцовъ. Хотя всячески стараются пре-

вратить ихъ въ Прусаковъ, заставляютъ ихъ забывать свое произхожденіе отъ Славянъ, въ деревняхъ заводятъ Нѣмецкія училища и тому подобное; однакожъ долго еще надобно ожидать чудеснаго перерожденія.

Можетъ ли статься, чтобы народы сіи во время войны съ ихъ единоплеменниками внутренно не держали стороны непріятелей? Они идутъ тогда противъ людей, къ которымъ собственно принадлежатъ, находятъ свой языкъ, свои нравы; Нѣмцы не соотечественники ихъ. Живучи въ домахъ родительскихъ, не имѣть отечества; быть чужестранцемъ, находясь въ собственномъ своемъ домѣ! — изо всего этого какія могутъ выдти слѣдствія?

(*Изъ иностр. Журн.*)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Спѣшимъ сообщить Читателямъ нашимъ важныя новости. Г. Бонапарте махнулъ волшебнымъ жезломъ своимъ, и Верхняя Италія получила новый образъ; еще одна Республика изчезла; новое Королевство заступило мѣсто ея; независимая область сдѣлалась помѣстьемъ; явились на сценѣ міра новый Король, новый Князь . . . . Такъ во времена баснословныя изъ посѣянныхъ зубовъ драконовыхъ раждались вооруженные воины!

Между тѣмъ, какъ Журналисты возводили на престолъ Ломбардскій попеременно то Іосифа Бонапарте, то Г-на Богарне, въ Парижѣ назначенныя лица вытверживали роли для представленія большой героической Драмы, надъ сочиненіемъ которой трудился самъ Наполеонъ вмѣстѣ съ Экс-Епископомъ Талейраномъ. Въ 17 день Марта уже все было готово, и Бонапарте, по обыкновенію, возсѣвъ на тронъ свой, окруженный Министрами и Великими Офицерами, приказалъ ввести Вице-Президента покойной Республики Италіянской, Членовъ Государственной Консульты и Депутатовъ отъ Коллегій. Вице-Президентъ Мельци, въ пышномъ предисловіи донеся Наполеону, что Государственная Консульта и Депутаты отъ Коллегій *нетерпѣливо желаютъ* превращенія Италіанской Республики въ Монархію, прочиталъ слѣдующія статьи:

„Государственная Консульта, подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента, Депутаты отъ Коллегій и Чины Италіанской Республики, разсмотрѣвъ положеніе Европы и своего отечества, единодушно опредѣлили: 1 е. Наступило время привести къ окончанію учрежденія, которымъ положено основаніе въ Ліонѣ, и объявить правительство Республики Италіанской *Монархическимъ наслѣдственнымъ*,

соображаясь съ тѣми правилами, которыми руководствуется Францїя. 2 е. Наполеона Бонапарте, основателя Италїанской Республики, объявить *Королемъ Италїи.* 3 е. Престолу Италїи быть наслѣдственнымъ для мужескаго пола въ поколѣнїи прямомъ, законномъ, естественномъ, или усыновленномъ, съ непремѣннымъ исключенїемъ женщинъ и ихъ потомства; однакожъ право усыновленїя не простирается ни на кого другаго, кромѣ гражданина Французской Имперїи или Королевства Италїйскаго. 4 е. Корона Италїи можетъ быть соединена съ Французскою только на главѣ Наполеона Бонапарте; его наслѣдники должны имѣть свое пребыванїе въ Королевствѣ Италїйскомъ. 5 е. Наполеонъ Бонапарте имѣетъ право при жизни своей назначить по себѣ наслѣдникомъ одного изъ дѣтей своихъ мужескаго пола, природныхъ, или усыновленныхъ; но безъ нарушенїя цѣлости, безопасности и независимости Государства не можетъ наименовать наслѣдника до тѣхъ поръ, пока войска Французскїя не выдутъ изъ Королевства Неаполитанскаго, Россїяне не оставятъ Корфу, Англичане — Мальты; а безъ того полуостровъ Италїйскїй будетъ имѣть причины бояться каждую минуту сдѣлаться театромъ войны между сильнѣйшими Державами Европы.

6 е. Раздѣленіе короны Французской и Италійской для блага и безопасности Государства не прежде должно послѣдовать, какъ въ то время, когда упомянутыя событія послѣдуютъ. 7 е. По приведеніи къ окончанію учрежденія о Верховной власти, просить Наполеона Бонапарте о прибытіи въ Миланъ для принятія короны и для того, чтобы дать Королевству опредѣленное уложеніе, которое охраняло бы вѣру народа, цѣлость Королевства, равенство правъ, свободу политическую и гражданскую, непреложность продажи національныхъ имѣній; допускало бы налагать подати не иначе, какъ только по силѣ закона; предоставляло бы однимъ природнымъ гражданамъ изключительное право быть призванными къ отправленію должностей государственныхъ: — вотъ правила, утвержденныя законами, данными отъ Наполеона Италіи; вотъ правила, провозглашенныя вмѣстѣ съ первымъ воплемъ, раздавшимся на вершинахъ Алпійскихъ, когда онъ два раза спускался съ нихъ для завоеванія и освобожденія отечества! 8 е. Европа должна быть увѣрена, что всѣ части Королевства Италійскаго навсегда утверждены непоколебимо, и что ни одной не можно отдѣлить безъ того, чтобы не потрясти основанія *цѣлаго.*

Въ Парижѣ. 15 го Марта 1805 года, въ 4 е лѣто.

(Слѣдуютъ имена подписавшихся Членовъ Консульты и Депутатовъ.)

Г. Бонапарте отвѣчалъ, что еще въ то самое время, когда онъ перешелъ черезъ Альпы, первая мысль его была — сдѣлать народъ Италїйскїй *свободнымъ и независимымъ*, что въ то время, когда онъ покрытъ былъ пылью и омоченъ кровїю на полѣ сраженїй, первая воля его была — преобразить Италїйское отечество. . . . Потомъ, упомянувъ о Лїонской Конституцїи, которою власть верховная поручена Консультѣ, Г. Бонапарте заключилъ слѣдующимъ образомъ: „Тогда вы признали нужнымъ для вашей пользы наименовать насъ главою вашего правительства; теперь, оставаясь при той же мысли, вы хотите, чтобы мы были первымъ Королемъ вашимъ. Раздѣленїе короны Французской отъ Италїйской могло бы полезно быть для независимости вашего потомства, но теперь оно было бы пагубнымъ для вашего существованїя и спокойствїя. Удержу при себѣ сїю корону, но только до тѣхъ поръ, пока ваши выгоды будутъ того требовать; прїятнымъ удовольствїемъ почту для себя возложить оную на главу юнѣйшаго наслѣдника, который, бывъ движимъ моимъ духомъ,

пойдетъ по слѣдамъ моимъ и во всякое время не откажется пожертвовать своею особою, своими выгодами безопасности и счастію народа, врученнаго ему Провидѣніемъ, Конституціями Королевства и *моею волею.*"

На другой день Г. Бонапарте торжественно, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, отправился въ собраніе Хранительнаго Сената. Возсѣвъ на тронѣ, вокругъ котораго стояли Принцы, Министры и Великіе Офицеры, онъ велѣлъ присягать двумъ новопожалованнымъ Сенаторамъ, Г. Семонвилю и Ферино; потомъ чрезъ Оберъ-Церемоніймейстера Сегюра приказано было Государственному Секретарю Маре прочесть посланіе и опредѣленіе слѣдующаго содержанія:

„Сенаторы! Княжество Піомбійское, находящееся съ давняго времени во владѣніи Франціи, до сихъ поръ было управляемо безъ надлежащаго порядка и надзиранія. Оно лежитъ среди Тосканы въ отдаленіи отъ прочихъ нашихъ владѣній; мы за благо признали учредить въ немъ особенное правленіе. Область Піомбино полезна для насъ по удобности сообщенія съ Эльбою и Корсикою: и такъ мы сочли надобнымъ отдать сію область — оставляя оную подъ высокою Державою Франціи — сестрѣ нашей Элизѣ, и возвести су-

пруга ея въ достоинство Князя Имперіи. Сіе пожалованіе не есть слѣдствіе личной привязанности, но дѣло, сообразное съ здравою Политикою, съ блескомъ нашей короны и съ выгодами нашихъ народовъ. Въ Дворцѣ Тюйльерійскомъ, 27 Вантоза 15 го года."

Подписано: Наполеонъ.

Потомъ читано опредѣленіе, или декретъ, въ которомъ содержатся разныя подробности въ разсужденіи сего Элизина помѣстья, отданнаго ей въ вѣчное и потомственное владѣніе. — Первая мысль Наполеонова, когда онъ перешелъ черезъ Альпы, была — сдѣлать народъ Италіанскій *свободнымъ и независимымъ*!!

По окончаніи сего хозяйственнаго разпоряженія, Г. Талейранъ произнесъ предъ Наполеономъ весьма длинное слово, въ которомъ только не сказано, что лунные жители должны радоваться торжественному принятію Г-мъ. Бонапарте Италіанской короны; впрочемъ, по мнѣнію Г-на Талейрана, сіе произнесствіе спасительно для всей Европы, для всего Земнаго Шара.

Г. Марескальки, Министръ внѣшнихъ дѣлъ Италійской Республики, читалъ новый сенатусъ, котораго содержаніе помѣщено выше въ рѣчи Г-на Мельци. Потомъ заставили Членовъ бывшей Консульты присягнуть на подданство Наполеону

Бонапарте, которой безпрестанно помышлялъ о средствахъ сдѣлать народъ Италїйскїй *свободнымъ и независимымъ!* Г. Парадизи возкурилъ предъ Наполеономъ благовонный ѳимїамъ похвалъ и лести, отлично уважаемый при Дворѣ Тюйльерїйскомъ. Весь сей обрядъ заключенъ былъ рѣчью, произнесенною самимъ Наполеономъ, въ которой между прочимъ онъ обѣщался во всѣхъ обстоятельствахъ не отступать отъ наблюдаемыхъ имъ *правилъ умѣренности.*

Кажется, теперь ничто уже не препятствуетъ отъѣзду Г—на Бонапарте въ Италїю. Въ одномъ письмѣ изъ Парижа написано, что обозъ давно уже отправленъ впередъ; что самъ Наполеонъ хотѣлъ выѣхать 4 го Апрѣля и что день для коронацїи назначенъ 25е число Мая. Между тѣмъ въ Парижѣ открываютъ заговоры противъ правительства, хватаютъ подозрительныхъ людей и наполняютъ ими тюрьмы. Г-да Полиньяки переведены изъ прежняго мѣста ихъ заключенїя въ Тампль; многїя другїя извѣстныя особы взяты подъ стражу. Нѣкоторые утверждаютъ, что открыты какїе-то слѣды заговора, имѣющаго связь съ послѣднимъ, въ которомъ Пишегрю участвовалъ; другїе думаютъ, что надгробное Слово Дюку Энгїенскому, въ Лондонѣ напечатанное, подало поводъ къ сей тревогѣ. Полицїя все еще отби-

раетъ отъ всѣхъ экземпляры упомянутаго Слова и старается найти виновника, выпустившаго въ публику сїе опасное сочиненїе.

*

Двѣ разныя партїи, раздѣляющїя Соединеныя Области Американскїя, имѣютъ, какъ и должно, каждая на своей сторонѣ по нѣскольку досужихъ Журналистовъ, которые сражаются перьями по силѣ и возможности. Г. Джефферсонъ, начальникъ партїи демократической, господствующей въ Провинцїяхъ Южныхъ, терпитъ гоненїе отъ стороны федеральной, имѣющей перевѣсъ на Сѣверѣ, и которой главою былъ Вашингтонъ. Въ Журналѣ Repertoire de Boston не давно помѣщена статья, называемая: *Благочестїе Г-на Джефферсона.* Предварительно надобно знать, что почти во всѣхъ Областяхъ Республики *Воскресенье* уважается съ такою строгою набожностїю, что ни одной публичной повозкѣ не позволяется ѣхать въ сїе время, и даже частныя повозки должны вездѣ останавливаться. Итакъ статья сїя содержитъ слѣдующее: „О прибытїи Президента въ Вашингтонъ и объ отъѣздѣ его, по окончанїи засѣданїй, минутъ въ Журналахъ и Газетахъ, для увѣдомленїя всѣхъ гражданъ Республики Соединенныхъ Областей. Не странно ли, не соблазнительно ли, что подъ сими увѣдомленїями всегда стоитъ день отдыха?

Г. Джеферсонъ есть начальникъ Американской націи; его поведеніе, хорошее или дурное, по важности занимаемаго имъ мѣста, должно имѣть полезное или вредное вліяніе на общество. Однакожъ уповаемъ, что нація имѣетъ еще довольно крѣпости душевной, правилами и навыкомъ снисканной, для сопротивленія дурному примѣру, которой подаетъ ей этотъ *безтолковой и наглой* Президентъ къ вѣчному своему безславію; пока онъ будетъ по прежнему оказывать столь мало уваженія ко дню, самою Религіею назначенному для отдохновенія, до тѣхъ поръ мы не перестанемъ извѣщать объ этомъ нашихъ собратій, до тѣхъ поръ не перестанемъ говорить:„ Г. Джеферсонъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ къ бывшему засѣданію Конгресса *въ Воскресенье.* Г. Джеферсонъ выѣхалъ изъ Вашингтона, по окончаніи засѣданія, *въ Воскресенье.* 13 го Мая Г. Джеферсонъ возвратился въ Вашингтонъ въ *самое Воскресенье*; Г. Джеферсонъ прибылъ въ Вашингтонъ 30 го Сентября, то есть, въ *день Воскресный!*“

Конецъ XX Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ:

МАРТЪ. № 5.

Стран.

I. О привязанности старыхъ людей къ жизни. - - 3
II. Мщеніе. Историческая повѣсть А. Лафонтена. (Окончаніе.) - 20
III. Двѣ Вѣсты. - - 41
IV. Христіанъ Феликсъ Вейссе. - 44
V. О Музеѣ Гр. Дубровскаго. - 49
VI. Стихи къ надгробному камню Петра Дмитріевича Европина. 55
VII. На смерть А* Е* М — ой. - 56
VIII. Слѣпъ. - - - 57
IX. Рѣчь, говоренная Г-мъ Бонапарте въ полномъ собраніи Законодательнаго Корпуса Декабря 27го дня 1804 года. - 64
X. Начертаніе о состояніи Франціи, читанное въ Законодательномъ Корпусѣ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Шампаньи, 31го Декабря 1804го года. - 67
XI. Извѣстія и замѣчанія. - 84

МАРТЪ. № 6.

Стран.

I. Завѣщаніе. Достопамятный Анекдотъ Историческій. - 93
II. Парижскій Аѳеней, прежде бывшій Лицей Республиканскій. 103
III. Двѣ Вѣсты. (Окончаніе.) - 108

Стран.

IV. Пышность двора Царскаго въ семнадцатомъ вѣкѣ. - 118
V. Исторія органовъ. - 128
VI. Сельская Элегія. - - - 130
VII. Джеззаръ, Паша Акрскій. - 134
VIII. Прокламація отъ Князя мира къ Испанскому народу. - 161
IX. Извѣстія и замѣчанія. - 168

АПРѢЛЬ. № 7.

Стран.

I. Гонимый судьбою. - - 177
II. Гигантское предпріятіе. - 206
III. Статья изъ воспоминаній Фелиціи. - - - 210
IV. Мирабо. - - - 217
V. Пышность Двора Царскаго въ семнадцатомъ вѣкѣ. (Окончаніе.) 223
VI. Надпись къ портрету. - - 229
VII. Эпиграмма. - - - 230
VIII. Смѣсь. - - - —
IX. Сокращенный Катихизисъ Англійской Политики. - - 237
X. Жители области Монтенегро или Черногорцы. - - 240
XI. Короноваціе Дессалина. - 249
XII. Извѣстія и замѣчанія. - 254

АПРѢЛЬ. № 8.

Стран.

I. Гонимый судьбою. (Окончаніе) - 261
II. О красноречіи Бридена. - 295
III. О гордости и ревновании. - 298

Стран.

IV. Къ Юліи. - - - 344
V. Смѣсь. - - - 309
VI. Предложеніе о жаркѣ, слѣланное непосредственно отъ Г-на Бонапарте, и отвѣтъ Англійскаго Правительства. - - 216
VII. Выписка изъ Англійскихъ Вѣдомостей. - - - 324
VIII. Письмо Русскаго изъ Берлина. 327
IX. Извѣстія и замѣчанія. - 336

ОШИБКИ

Въ 6й Книжкѣ Вѣстника Европы:

Напечатано.			Читай.
стра.	строк.		
106	15	изъ тетради	по тетради
107	12	принуждаемымъ	принужденнымъ
—	18	Женгенъ	Женгене

Въ 7й Книжкѣ:

221	15	не на ней	на ней

Въ 8й Книжкѣ:

300	12	которые мнѣ кажутся смѣшными	которымъ кажусь смѣшнымъ